

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2017

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барabanов
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
А.В. Макаркин
М. Мертеc (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Екатерина Тупицына*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»*

Содержание

№ 1–2 (72) 2017

К 25-летию Школы

Сообщество, в котором ценится личность 5
Светлана Шмелева

Семинар

Парадоксы социальной структуры в России 8
Лев Гудков

Правда в России и мифе 26
Максим Трудолюбов

Тема номера

Демократия: вызовы и цензоры (наследие А. Салмина) 33
Владимир Рыжков

Россия между традиционализмом и модернизацией 46
Алексей Макаркин

Вызовы и угрозы

Европа – камо грядеши? 57
Торстен Бек, Джеффри Андерхилл

Политическая экономия реформ: уроки посткоммунистических стран для ЕС 64
Сергей Гуриев

От веры в спасение к доверию 69
Юрий Сенокосов

Гражданское общество

Конструирование гражданской идентичности в системе образования 78
Галина Денисова

Точка зрения

Свобода и безопасность – российская дилемма 86
Андрей Солдатов, Ирина Бороган

Хельсинкские соглашения 98
Юрий Слинько

Почему из выпускников закрытых школ получают плохие лидеры 106
Ник Дюффель

История учит

Карл Маркс: человек, который избрал «локомотив истории» 111
Андрей Захаров

Горизонты понимания

Война и революция. 1917 год в России и мировая политика 128
Василий Жарков

Папа Франциск: «Опасно в кризисные времена искать спасителя...» 136

Книги

«В полымя»: Российская империя накануне крушения 152
Андрей Захаров

Контрапункт 154
Владимир Рыжков

Nota bene

Настоящая журналистика 165

Я не хотел, чтобы мою компанию постигла участь СССР 169
Сергей Петров

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Испании, Италии, Франции, США, Японии.

Сообщество, в котором ценится личность

В 2017 году к Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы присоединилась Академия гражданского просвещения Кыргызстана, став двадцать второй в нашем сообществе.

Мне посчастливилось быть участником одного из ее форумов в Бишкеке, и Кыргызская школа поразила меня своим разнообразием. О популярной теме семинара — активно дискутировали депутаты, судьи, адвокаты, правозащитники, чиновники, ученые, преподаватели, студенты, журналисты, блогеры, бизнесмены, художники, гражданские активисты и даже экс-президент республики Роза Отунбаева.

Порой ощущались непростые отношения между участниками горячих дебатов. Однако очевидно, что всех их объединяло стремление отстаивать свою позицию с помощью слова, а не насилия. Дебаты использовались не столько для жесткого спора, сколько как форма обмена взглядами, чтобы узнать и понять друг друга. Встречи разных людей как будто иллюстрировали одну из статей философа Вадима Межуева «На пути к универсальной цивилизации», где он писал: «Возможно, люди так никогда и не придут к единой и общей для всех системе ценностей, то есть к согласию в том, что считать для себя хорошим и плохим, истинным и ложным, прекрасным и уродливым, но важнее любого согласия является стремление отстаивать свою правоту посредством не насилия, а диалога. Универсальная цивилизация, если когда-нибудь и состоится, будет отличаться от предшествующих ей только одним: возникающие между людьми разногласия и противоречия (которые, конечно, не исчезнут) будут разрешаться в ней посредством не силы, а переговоров, то есть свободной и открытой для всех дискуссии». В статье он настаивал, что диалог есть способ не межвидового, а межиндивидуального общения, поскольку «для вида все другие виды либо не существуют, либо воспринимаются как чуждые и враждебные ему... Дружат не народы, а люди, представляющие разные народы, способные на индивидуальном уровне

*Светлана Шмелева,
куратор 1-класса
Школы гражданского
просвещения*

выходить за рамки своей видовой (племенной или этнической) идентичности, возвышаться до осознания своей принадлежности ко всему роду человеческому».

Именно таких людей, думающих не только о своей, но и об общей судьбе, я встретила в Кыргызстане: бывшего судью Верховного суда Клару Соронкулову, выступившую в защиту Конституции и против давления президента на судебную власть, Чолпон Джакупову — депутата, сложившую с себя полномочия в знак протеста против изменения основного документа страны и награждённую премиями за заслуги в области прав человека, «Самую смелую женщину» и «Гордость Кыргызстана», Замиру, живущую в высокогорье страны на высоте трех тысяч метров и пасущую яков, или Марата Раимкулова, основавшего творческую мастерскую в Бишкеке, где ставятся спектакли и проходят выставки современных художников. И, конечно же, Эльмиру Ногойбаеву — основателя Кыргызской академии гражданского просвещения, которая и собрала всех нас на форуме.

Меня впечатлила издательская программа Академии. На форуме мы получили первые два номера ее двуязычного журнала: на русском и кыргызском языках. Он называется «С рассветом!», или «Кутман таң!». Напомню мысль из поэтического послания Горация, которая содержит девиз Московской школы: «Чтобы зарезать человека, разбойник встает до света. Так неужели ты не проснешься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо не него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, нежели ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. **Дерзни мыслить!** — Sapere aude!». Кыргызская школа решилась не только на публичную дискуссию, но и на свою издательскую программу, каждый номер ее журнала начинается словами: «Когда человек получает знание, темнота невежества рассеивается и внутренний мир освещается. Сегодня, в информационную эпоху, важно просвещение молодых и активных людей, которые каждый на своем месте могут изменять общество Кыргызстана в лучшую сторону. Глубокое понимание того, как устроено общество, плюс доверие и соединенные усилия молодых гражданских активистов создают новую реальность — без насилия, но с волей к просвещенному сообществу, в котором ценится личность».

Впервые на кыргызском языке в журнале были опубликованы эссе Иммануила Канта о просвещении (1784) и рефлексия на него Мишеля Фуко «Что такое просвещение?» (1984).

Однако журнал привлекает не только присутствием публикаций зарубежных классиков, но и размышлениями современных авторов Кыргызстана. Мне близки рассуждения Нурбека Токтакунова о «пробуждении» и важной роли в этом прецедента. А разве может оставить равнодушным мудрость великого Омара Хайама, которого цитирует этот автор?

Жизнь источник веселья и скорби рудник,
Жизнь обилие скорби и чистый родник,
Человек, словно в зеркале мир, многолик,
Он ничтожен и он же безмерно велик.

Я вчитывалась в статью Элеоноры Прояевой о просвещении как неизбежности в эпоху перемен. В сознании оставило след эссе Элери Битикчи о знании как власти, мире истинном и иллюзорном, а также «Другом пути» — без насилия и унижения.

Моё внимание привлек Тамерлан Ибраимов своим небезразличием к девятому референдуму (2016 г.) за короткую историю современного Кыргызстана об изменении конституции и его словами об опасности для общества таких референдумов.

И, конечно же, я не могла оторваться от опубликованных в первом номере эссе участников форума на тему «Просветитель в моей жизни»: о маме, бабушке, учителе, профессоре, книге, движении, встрече...

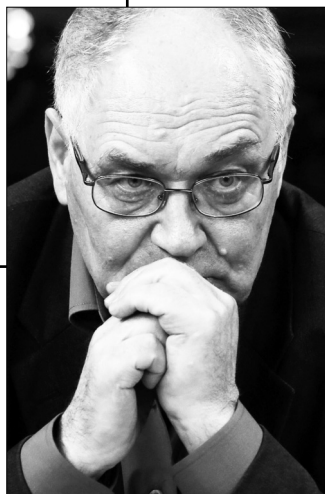
Прочитав их, невозможно было снова не задаться вопросом, когда-то поставленном Кантом: «Живем ли мы теперь в просвещенный век?» — и не согласиться с его же ответом: «Нет, но мы живем в век просвещения».

Я часто думаю, в какой пазл складывается наша Ассоциация людей в разных частях мира, думающих по-разному, но считающих диалог единственной достойной формой для разрешения противоречий?

Возможно, мы призваны стать мостом между Востоком и Западом?

Но можем ли мы остановить раскол обществ, битву человека с человеком, когда линия фронта находится внутри каждого государства? Как побудить людей всерьёз задуматься над вопросом антивоенного манифеста Рассела-Эйнштейна (1955): «Изберём ли мы смерть лишь потому, что не можем забыть ссор»? И обратиться как люди к людям, следуя за сторонниками Пагуошского движения: «Помните, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном»?

Я понимаю, что даже в рамках нашей Ассоциации мы едва ли придем к согласию, что считать плохим и хорошим, красивым или уродливым, но для меня само по себе ценно стремление отстаивать свою позицию с помощью слов. Потому что жизнь одна, жизнь мала, нет времени поступать несвободно, понарошку. И мы либо собираем ее в нечто осмысленное, либо бессмысленно ее тратим. Этими словами Мераб Мамардашвили когда-то пробудил Московскую школу, а затем и все наше движение. И этим бодрствованием оно для меня бесконечно дорого.

*Лев Гудков,
доктор философских наук,
директор Аналитического
центра Юрия Левады*

*Парадоксы социальной структуры в России**

Проблема социальной структуры российского общества — одна из самых неясных и спорных в российской социологии. Особенность нынешнего российского политического языка и мышления — оперирование общими категориями: «экономика страны», «национальные интересы», «электорат», «гражданское общество» и т.п., когда в лучшем случае выделяются региональная специфика какой-либо проблемы или этноконфессиональные отличия, например, ситуации на Северном Кавказе. Обычно же в дискуссиях речь идет об обществе или населении в целом, без деления на социальные группы, классы и страты. Такой характер рассуждения о социальных процессах отнюдь не случаен. Он свидетельствует о кризисе понимания того, что происходит с нашей страной, или, в более общей форме, что происходит на постсоветском пространстве. Это кризис самоидентичности, непонимание того, «кто мы есть», чего можно ждать, на что надеяться. «Соблазн надежды» здесь — определяющий момент, он заменитель не столько рационального знания, сколько политического участия, симптом, как говорят психологи, «заученной беспомощности». Кризис понимания захватил и оппозицию, которая сегодня оказалась в состоянии деморализации и растерянности, активисты разных демократических партий ругают друг друга за провал на осенних выборах, обвиняя всё и всех подряд: власть, пропаганду, продажную социологию, «диванную оппозицию», Навального и прочих. Оппозиционеры не стремятся понять, что по тем или иным причинам они потеряли поддержку потому, что оказались в ситуации, когда представляют только самих себя. Я сейчас беру в

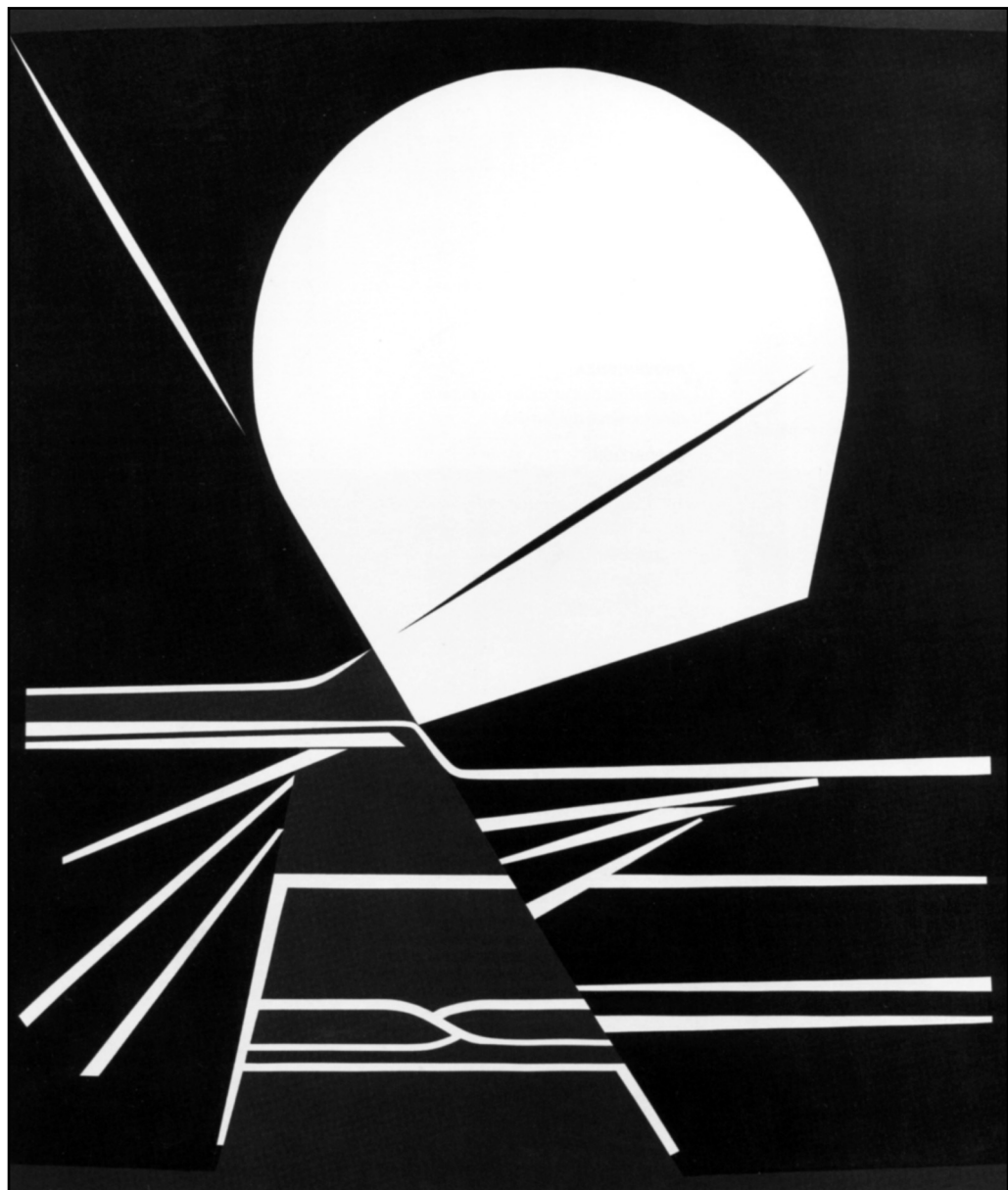
** Выступление на семинаре Школы в Сеговии, Испания, 25 мая 2017 г.*

скобки все обстоятельства, которые связаны с давлением властей, машиной пропаганды, дискредитацией оппонентов и т. д. Это отдельная тема, не требующая особого объяснения. Более сложно (и иногда трудно) понять отсутствующее у оппозиции социальное чувство своей значимости и то, интересы каких групп, слоев, категорий населения она представляет. Ни одна демократическая партия (если это только не популисты) не претендует на то, чтобы выступать от имени всего общества, которое в этом плане оказывается довольно фантомным или фиктивным образованием. Демократическая партия, когда она вступает в политическую борьбу с другими партиями, являясь актором в системе определенного взаимодействия, должна быть репрезентативна для тех или иных социальных категорий населения. Самое важное для политика, общественного деятеля, правозащитника, публициста — чувство реальности, уверенность в том, что ты не сам по себе, а представляешь и выражаешь интересы, взгляды, тревоги других, реально существующих живых людей. Это следует учитывать в первую очередь при анализе успехов и провалов политика или общественного деятеля, помимо всякого давления и несправедливого отношения к либералам. Но для этого нужно понимание того, что происходит в обществе, как оно устроено, а не просто владение информационными технологиями. Творить чудеса, как мы знаем, можно и по телевидению: заряжать воду, демонстрировать чудотворные иконы или мироточащий религиозный артефакт — но вряд ли техническое воспроизводство прежних форм архаического поведения можно считать признаком роста рациональности и современности общества.

Кризис понимания реальности в России связан с исчезновением образа будущего — цели и представления о направленности

движения, эволюции российского общества и российского государства. Я думаю, это вызвано незамеченной смертью самой идеи транзита, надежд на демократический переход России от тоталитарного общества к чему-то другому, превращением ее в «нормальную», как раньше говорили, европейскую страну с представительной демократией, правовым государством, гражданскими свободами, с открытой и свободной рыночной экономикой, включенной в мировое взаимодействие. Вместо этого наша страна из 25 лет своей постсоветской истории примерно 8 лет вела внутреннюю войну в Чечне и 3 года ведет гибридную войну — на Украине, а ее экономика из государственной планово-распределительной стала государственно-монополистической; доминируют интересы ВПК и спецслужб; судебная система оказалась полностью зависимой; возвращена цензура в СМИ. Слово «демократия» получило негативный смысл (как то, что пытаются России навязать извне и что расходится с ее традиционными ценностями), о реформах можно говорить лишь исключительно как об оптимизации или стилистике директивного управления. Основой широко распространенной веры в то, что начатые демократами экономические реформы приведут к необратимым институциональным изменениям в правовой и политической системах, была идея, что рынок запустит механизмы, которые и будут формировать новую мотивацию и поведение людей, так как появятся их ответственность и заинтересованность в общественных делах, а это в свою очередь приведет к изменению социальной структуры. То есть появится средний класс — двигатель всех последующих демократических социальных, политических и иных изменений. И здесь я перехожу к самой социологии.

Все исследования социальной структуры (социальной стратификации) нацелены

Виктор Вазарели. Орнамент. Прим. 1953–1973

ны на решение двух задач: определение природы и степени социального неравенства, с одной стороны, и, с другой стороны, перспектив развития среднего класса. Обе эти задачи возникли в свое время не столько из теоретических потребностей самой науки, сколько, вообще говоря, были заданы извне: это

был заказ власти, государственническая постановка вопроса. Почему? Потому что идеология «стабильности» и «сильного государства» (выдвинутая вначале правительством реформаторов, затем еще раз уже в новой упаковке — правительством Медведева, а потом и Путина) опиралась не только на укрепление вер-

тикали, но и на предполагаемую поддержку власти со стороны растущего среднего класса, не склонного к радикализму, в силу чего он должен стать основой стабильности политической системы. Мысль, что модернизация и общее благополучие, формирующееся за счет роста именно средних по доходу групп населения (благодаря рынку и перераспределению государством доходов граждан и корпораций), ведут к профилактике классовых конфликтов, была заимствована — пусть и в довольно вульгарном виде — у западных публицистов послевоенного времени. Фокус проблемы, однако, в характеристиках того, что понимать под «средним классом». Поэтому началось интенсивное изучение среднего класса и бедности: опять же в целях сокращения ее [бедности] как условия снятия социальной напряженности.

Западные методики, которые применялись российскими социологами для получения классификации различных социальных групп, исходили из комбинации нескольких социальных признаков, которые считаются нормативными в авторитетных исследованиях социальной структуры: образование, доход, характер профессиональной занятости (физический или умственный труд). Их сочетания позволяли комбинировать различные типы социального положения / статуса, а весь массив населения распределялся по шкале этих статусов. Такая таксономия позволяла соединять различные показатели и агрегировать их в наборы характеристик населения, описывать их распределения в разных регионах, возрастах и т.п. Предполагалось, что с разными статусами, с разным социальным положением будут связаны разные социальные интересы, мнения, взгляды, убеждения, отражаемые в политическом поведении. Как американские, так и европейские соци-

ологи в довоенное и послевоенное время (вплоть до 1970-х годов) довольно точно фиксировали и анализировали набор признаков у избирателей разных партий, связывая их принадлежность к определенной социальной группе с партийным выбором. В нашей стране так не получается. Исследования, проводимые разными авторитетными российскими социологами, в общем давали сходные результаты: они получали иерархическую шкалу различных категорий населения, у которых взаимосвязь показателей дохода, образования и занятости носила весьма устойчивый характер. Для этого использовалась, как правило, десятиступенчатая шкала. Людям задавался вопрос: «Представьте себе лестницу из десяти ступеней, на какую из них вы поставили бы себя? 1-я ступень — самый высокий статус, 10-я — самый низкий».

И здесь проявилось нечто любопытное: абсолютное большинство россиян (от 75 до 83%) указывали, что они занимают среднее положение на шкале (4–8). Такие цифры близки к предельным показателям общности мнений (примерно те же, что и в 86% поддержки Путина, одобрении присоединения Крыма). Получалась, как говорил мой коллега и соавтор Борис Дубин, не шкала, а авоська, где все сваливается к середине, теряя определенность и форму. Другими словами, такое определение своего статуса никак не связывается ни с политическим поведением, ни с идеологическими взглядами, ни с культурным установками. Отнесение себя к большинству населения, к «среднему классу», или идентификация себя как занимающих в обществе «среднее положение» или «статус» (последующие разбивки уже не столь важны: «верхняя средняя» страта, или «средняя-средняя», или «средняя нижняя», как это делают социологи, пытаясь разделить гомогенную массу и

тем самым снизить «эффект авоськи»), с точки зрения теории стратификации, является нонсенсом, концептуальным абсурдом. Здесь ключевой маркер именно «среднее положение». Потому что при такой самохарактеристике нельзя получить соединение принадлежности к тому или иному слою (страте) с характером (различных) субъективных интересов, взглядов, устремлений, запросов, самопонимания (идентичности) и прочее, что, собственно, только и может служить показателем специфичности социальной группы, основанием для ее выделения среди других социальных групп. И это при том, что разница в доходах, образовании, занятости опрошенных из разных страт или респондентов, занимающих разное статусное положение, фиксировалась достаточно точно.

Другой забавный парадокс возникал не из этих фактических описаний, а из того, что, не принимая во внимание эмпирические данные проводимых опросов, целый ряд социологов и экономистов, политологов, политических философов предлагали собственные, но совершенно иные концепции социальной структуры российского общества. Диапазон их широк, позиции здесь различаются порой радикально: одни (скажем, американцы Д. Трейсман и А. Шлейфер) характеризовали российское общество как «нормально развивающуюся страну», проходящую те же фазы, что и другие развивающиеся страны, прежде чем они вошли в класс «развитых». Другие подчеркивали ее классово-иерархический характер: Россия — это сословно-корпоративное государство и общество, неофеодализм, этнократия, квазисословное общество. Так писали, в частности, В. Шляпентох, С. Кордонский, О. Шкартан и другие авторы. Третьи утверждали, что мы имеем дело с корпоративным государством, схожим с итальянским фашизмом (З. Бжезинский), с

мягкой версией фашизма, как недавно об этом писал В. Иноземцев. Но никаких научных дискуссий в российской социологии в связи со спецификой социальной структуры России не возникало. Я полагаю, что именно в силу её зависимости от государства, ставящего перед социологами (университетскими и академическими, то есть финансируемыми государством) цели исследования. А раз так, то и необходимости в верификации выдвинутых положений, их проверки и обсуждения в среде самих ученых нет. Расхождения определялись не теоретическими аргументами, а скорее идейными позициями и оценками тех или иных исследователей.

Ещё раз подчеркну: полученные классификации социальных групп и страт носят «объективный» характер, поскольку они построены на комбинировании различных внешних признаков респондента (образование, доход, занятость), но никак не связаны или связаны очень слабо с субъективными представлениями самих российских граждан о самих себе. Это ставит под вопрос саму проблему получаемой таким образом картины социальной стратификации общества. Проблема социальной структуры в социологии была поставлена в свое время в марксизме. Маркс исходил из очень интересной гипотезы, которая на ранних стадиях модернизации вполне, кажется, получала эмпирическое подтверждение, а именно: социальное положение человека в системе разделения труда и принадлежность к определенному классу определяют не только его доходы, уровень образования, интересы, но и детерминирует его мировоззрение, идейные установки и соответственно его участие в политической борьбе. Он полагал, что существует жесткая связь между экономическим положением людей, их экономическими интересами

(материальным базисом) и политически, и не только политическими, но и идеологическими, культурными, религиозными и прочими установками. На мой взгляд, это одна из самых интересных и сильных гипотез в социологии. Она сохраняется до сих пор и была очень популярна, например, в американской социологии, где её отстаивал, в частности, один из идеологов движения «новых левых» Д. Райт (1916–1962).

В том или ином виде она присутствует во многих теоретических работах современных социологов, хотя сам по себе марксизм

как политическая философия оказался дискредитирован после краха СССР. Конец этой гипотезе положили работы другого американского социолога и политолога С. М. Липсета (1922–2006). В своей книге «Политический человек: социальные основания политики», изданной в 2016 году в России, он прослеживает влияние классового положения на политические установки и показывает, что с завершением модернизационного процесса классовые различия теряют свое значение. Но и в виде различных модификаций следы связи с марксизмом, стертые до почти полной неузнаваемости, так или иначе сохраняются, скажем, у современного французского социолога П. Бурдьё в идее социального капитала, в исследованиях социального неравенства и пр. Но еще раз хочу подчеркнуть: эвристически это очень сильная гипотеза, не уходящая из социологии.

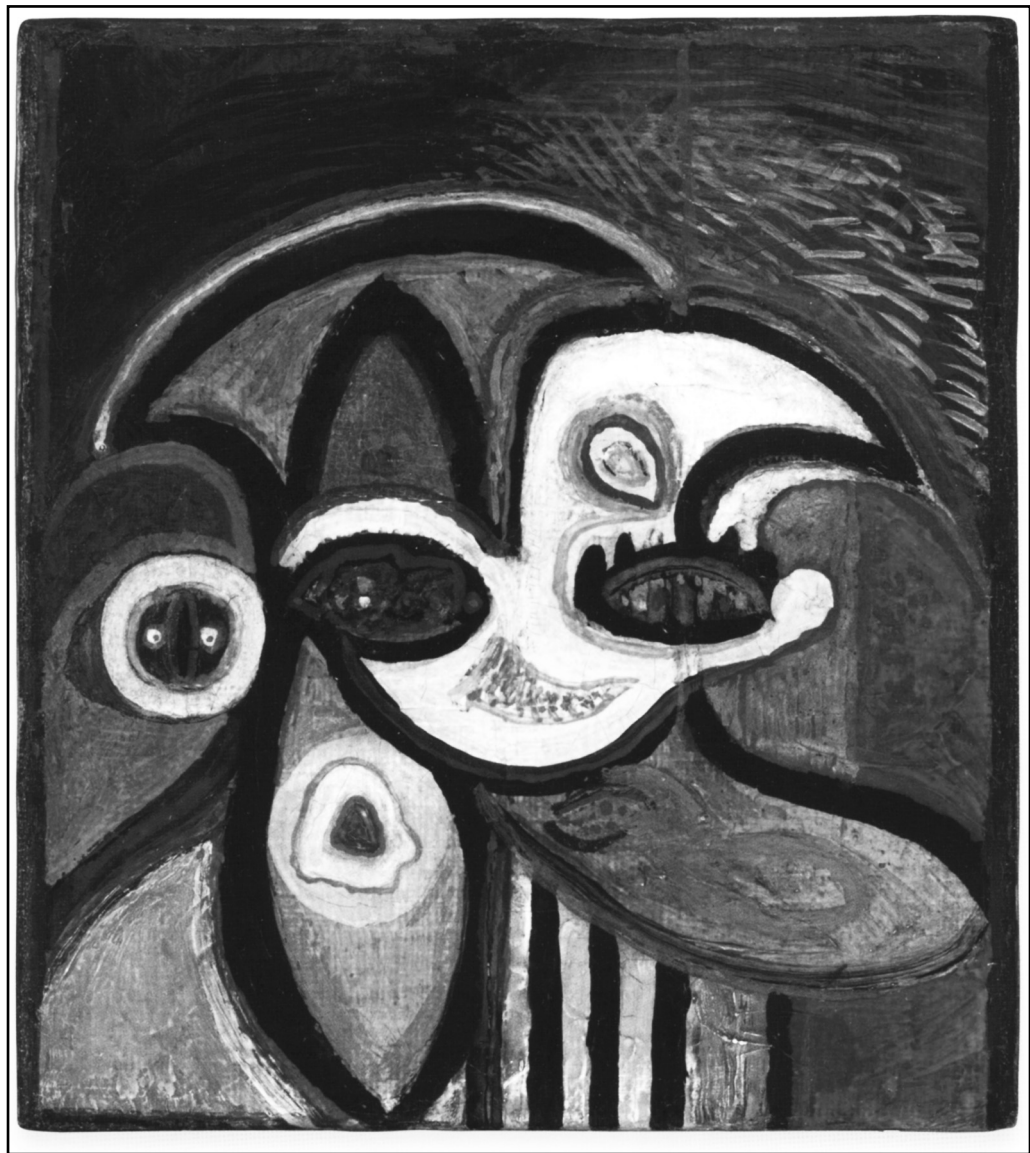
Другая линия в трактовках проблематики социальной структуры исходит от Макса Вебера (1864–1920), немецкого социолога, который определял классовое положение как место индивида на рынке, и соответственно, вытекающие из

этого его «жизненные шансы». В отличие от Маркса, Вебер резко отличал культурные основания социального расслоения от экономического положения, определяемого разделением труда. На первый план он выдвигал идею определения социального статуса в зависимости от

*И Росстат,
и социологические исследования
говорят о растущей, скандальной
для общества, считающегося
современным, дифференциации доходов,
о расслоении населения по доходам*

авторитета. Это значит, что социальное положение обусловлено не только тем, как его понимает сам индивид, но и тем, как его воспринимают, оценивают и признают другие общественные группы. Авторитет — это не совсем то же самое, что власть. Власть, как её трактовал Вебер, более инструментальна — это способность реализации своей воли или приказа, независимо от сопротивления подчиненных или подданных. А статус какого-либо сообщества Вебер связывал, прежде всего, с авторитетом и с достоинством, с самопониманием группой своей роли в жизни общества и с чувством чести, а значит и со стилем жизни, культурой, образованием, что ассоциируется обычно с понятиями престижа и уважения, на которые претендовали обладатели этого статуса и которые принимали другие группы. Следовательно, это совершенно другая линия концептуального рассмотрения материала, не противоречащая марксистскому классовому анализу, но дающая гораздо более многомерное видение социального состава общества.

В нашей сегодняшней ситуации говорить о классовом положении, наличии

Ричард Пузетт-Дарт. Без названия. 1939

классов не приходится. Советская система социального положения — два класса (рабочие и крестьянство) и интеллигенция в качестве социальной прослойки — потеряла смысл вместе с крахом плановой экономики и государственной тарификации зарплат, дохода, фиксированного места работы (для крестьян это означало фактически крепостное положение вплоть до начала 1970-х годов). С

появлением возможности частного предпринимательства и свободы перемещения все перемешалось. В 1990-е годы в ситуации трансформационного кризиса, падения занятости, задержек зарплат огромная часть работников была вынуждена сменить профессию, сферу занятости и т.п. В качестве иллюстрации — ИТР, учителя, служащие, составившие армию челноков, перешедшие в сферу

торговли, сервиса и проч. Но сейчас, после 15 лет роста доходов все, кажется, стабилизировалось. И Росстат, и социологические исследования говорят о растущей, скандальной для общества, считающегося современным, дифференциации доходов, о расслоении населения по доходам. По официальным данным, доходы верхних десяти процентов и нижних десяти процентов различаются в 16–17 раз, а по данным независимых экономистов — в 26 раз и более. В советское время они различались в 6–7 раз, что близко к современным значениям в развитых европейских странах (напомню, что при дифференциации доходов меньше, чем в 3,5 раза социальная мобильность замедляется до критических значений, то есть приостанавливается перетекание труда из одного сектора занятости в другие, туда, где выше производительность и оплата; 3-4-кратная дифференциация доходов совпадает со случайными колебаниями на отдельных предприятиях, рынок труда в этом случае распадается на отдельные фрагменты). Сегодня 1% населения принадлежит 70% всех финансовых активов в стране. Дифференциация доходов в России — одна из самых контрастных в мире. Но на политическую, идеологическую позицию людей различие доходов почти не оказывает влияния. Сравнение электоратов разных партий показывает самые минимальные различия по социальному положению — считается, что за Жириновского голосует скорее люмпенизированный пролетариат в провинции, но это не совсем правильно, потому что здесь массово представлены и силовики, и бюрократия, чиновники. У коммунистов — более бедные избиратели, но не в силу их классового положения, а из-за возраста, так как за КПРФ голосуют пожилые люди, пенсионеры, то есть низкодоходная часть населения. Избиратели Единой России вообще

ничем не отличаются от медианных значений населения.

Эти обстоятельства сами по себе — вещь поразительная. Все попытки классового анализа, усилия связать социальное положение с идеологическими, политическими, культурными установками здесь мало что дают, не получается ясной картины социальной структуры, то есть описания многообразия автономных групп с их особенностями культуры, идеологии, сознания своего места в обществе.

Специальное исследование, которое «Левада-центр» недавно проводил, показывает, что идеологический диапазон нашего населения довольно ограничен. Только 45–48% опрошенных заявляют о приверженности тем или иным взглядам: националистическим, коммунистическим, либеральным, социально-демократическим и прочим. Если взять этот массив за 100%, то мы обнаружим 8–10% — максимум 12% — либералов; примерно 10–12% националистов — от национал-демократов до расистов — и еще примерно 15–17% коммунистов. Основная же масса из тех, кто хоть как-то может указать свои идеологические симпатии и пристрастия, относит себя к совершенно размытому множеству, называющему себя «социал-демократами». Российские социал-демократы, естественно, это не европейские социал-демократы 50–60 годов; это носители остатков прежнего государственного патернализма, несколько смягченного «социализма с человеческим лицом». Они носители надежд на то, что гуманная власть должна больше заботиться о человеке, более справедливо распределять общественные доходы и т.д. Но основная масса, то есть больше половины населения, вообще себя никак не определяет, отмечая безразличие к любым знаменам и лозунгам. Главное, чтобы семья хорошо жила, а при какой это будет власти, все равно.

Тем не менее, нужно как-то объяснять эту ситуацию. Поражение демократов, нашей условной оппозиции, объясняется тем, что они не понимают, кого представляют в социальном плане, чьи интересы они могли бы отстаивать в своей политике, а это чрезвычайно важно. Именно поэтому сокращается их электоральная база. Я считаю, что потеря ими массовой поддержки, их неудача закономерна. Еще раз повторю: я выношу за скобки дискриминационное отношение к ним нынешнего режима — к проблемам, о которых я говорю, это не имеет отношения. Потенциально их электорат отвернулся и от них, и от всех других партий, он не чувствует себя значимым, не имеет возможности политически быть значимым. На выборах в Госдуму в 2016 году, как известно, явка была самой низкой за весь постсоветский период. Называют это «апатией населения», но на самом деле это вполне рациональное поведение в условиях авторитарного правления. Одной из неожиданностей было то, что при этом «Единая Россия» получила конституционное большинство, хотя она набрала наименьшее число голосов за все время существования. Если в 2003 году она получила 44 миллиона голосов, то в 2016-м — около 27 миллионов, не считая Крыма, который дал ещё миллион. Это значит, что политическая, идеологическая проблематика очень слабо выражена в публичном пространстве, что она не связана с социальной проблематикой.

Какова же в самом общем виде картина социальной стратификации?

Если очень грубо, выходит, что менее 1% относят себя к высшему слою. Эта группа малочисленная, и в опросах ее нельзя дробить на части, чтобы выделить какие-то подгруппы по политическим установкам, но мы можем объединить ряд опросов, как это иногда делаем, допустим, за год, и тогда получается очень большой

массив данных, около 20 000 опрошенных. Но что парадоксально: относят себя к высшему слою далеко не только те, кто на самом деле обладают наибольшими капиталами, доходами и прочими атрибутами успеха. Чаще чем в столицах, где уровень жизни и доходы существенно выше среднего, так себя определяют и жители провинции с относительно невысокими доходами, но занимающие в регионах или в малых городах значимые административные должности. К верхнему среднему слою относят себя — 3% опрошенных, средне-среднему — 43%, к нижней части среднего слоя — 36% и нижнему — 18%. Корреляции должности с образованием, занятостью, отчасти с доходами есть, но они слабые. Это данные 2012 года, сейчас ситуация немного изменилась.

Как менялась стратификация статуса опрошенных во времени? Если брать за точки отсчета 2000 год, приход Путина к власти, и докризисный 2012-й, то в 2000 году большая часть респондентов ставила себя на нижние ступени статусной пирамиды. Рост доходов вел затем к заметному росту численности среднего класса, вернее, количества тех, кто в благополучном 2012-м причислял себя к среднему классу. Больше трех четвертей опрошенных относили себя к тем, кто занимает среднее положение, что, с точки зрения классово-стратификации, явно ошибочно.

Дело в том, что респонденты отождествляли свое «среднее» положение, принимая его за «такое, как у всех», то есть ориентируясь на ближайший круг сообщества. Когда мы спрашивали, какие цели вы, ваша семья ставите перед собой, как вы хотите жить, то большинство (до 60%) отвечали: «так, как окружающие нас люди». Очень небольшая доля, примерно 20%, говорили, что хотят «жить лучше», чем большинство окружающих в том месте, где живут, и лишь совсем

небольшая часть, примерно 5–6 %, ориентирована на западные стандарты. Есть еще и так называемые амбициозные (это доли процента или процент), которые хотели бы «жить лучше», чем средний класс в Европе. Причем во всех своих опросах социологи не «ловят», не достают самую верхушку социума. Как и социальное дно, обитатели верха не доступны для опросов: там сосредоточены сверхбогатые, которые не попадают в выборку, хотя именно они обладают наибольшими активами.

Рассмотрим теперь, как менялась за двадцать с лишним лет (1994–2016 гг.) субъективная оценка респондентами своего статуса.

В моменты кризисов (начало 1990-х, 1998 год, в меньшей степени — 2008–2009 гг.) увеличивается доля относящих себя к нижнему или к нижнесреднему слою населения. По мере роста благосостояния уменьшается доля тех, кто занимает самые нижние ступени. За двадцать лет произошло сокращение численности нижнего слоя (самых бедных), высший и верхний средний слои практически не увеличиваются, высший слой — самый стабильный, а это значит, что наша власть, то есть верхний эшелон бюрократии, чувствует себя очень уверенно, ее состав стабилен, статус гарантирован, кризис на них не влияет.

Если обобщить данные опросов за период 1994–2016 гг., то выявляется, что, несмотря на все пертурбации 90-х и нулевых годов, доля тех, кто относит себя к «среднему» слою, увеличивается. Исключение составляют последние два года — 2015 и 2016 («Крымнаш», обвал нефтяных цен, санкции, кризис, резкое уменьшение бюджетных доходов, падение рубля по отношению к доллару почти вдвое). В эти годы, когда резко снизились потребительские возможности, увеличилась категория статуса «среднее нижнее». Это означает, что в

ситуации кризиса и политических изменений социальные ресурсы людей резко сокращаются. Но стабильность отнесения себя к среднему и средне-нижнему слою сохраняется, что выглядит неожиданно. Очевидно, происходит это потому, что уровень благосостояния на протяжении 2002–2012 гг. рос, увеличивались доходы (в 2003–2007 гг. и в 2009–2012 гг. реальные доходы росли примерно на 6–8% в год, подчеркнут: реальные доходы). Конечно, они распределялись, как уже говорилось, крайне неравномерно: большая часть доставалась верхним 15–20% населения, но и масштабы абсолютной бедности тоже уменьшились за этот период примерно в три раза. Если рассматривать период 1999–2012 годов, то доля тех, кому «не хватало денег даже на еду», уменьшилась с 39% до 12%, а в какой-то момент опустилась даже до 9%. Но здесь важно, что и потребительское поведение, запросы тоже очень изменились, Россия в это время вошла в фазу потребительского бума (многое, что было невозможно до краха СССР — машины, бытовая техника, поездки за границу и прочее — стало гораздо доступнее). Если в советское время 3% семей имели машину, то сейчас — 38%, а это совсем иное состояние, самоощущение, другой тип мобильности, образа жизни. Другое дело, какого качества эта машина, новая ли она, отечественная или поддержанная иномарка.

Вместе с тем, и этот момент стоит подчеркнуть, субъективно большинство людей (до начала последнего кризиса) чувствовали себя проигравшими, несмотря на рост потребления. Примерно 55% постоянно говорят, что они (их семьи) проиграли в результате всех изменений, которые последовали после гайдаровских реформ. Ощущение «проигравших» вызвано, несомненно, утратой определенности своего социального положения,

неуверенностью, снижением статуса. Что происходило в стране при этом? Огромная часть населения России, прежде всего квалифицированные рабочие, инженеры потеряли прежнее социальное положение, уважение, с которым был связан их статус. Иначе говоря, страна переживала процесс деиндустриализации из-за падения значимости военно-промышленного комплекса и связанных с ним отраслей экономики. Советская экономика — это, прежде всего, конечно, милитаризованная экономика, ориентированная на оборонку. А после распада СССР военное производство, наука, НИИ и пр., связанные с армией и космосом, переживали падение, произошло резкое сокращение занятости. Огромная часть занятых в этой сфере и вообще в обрабатывающей промышленности потеряла самоуважение, связанное с работой на Великую державу. И куда они пошли? В сервис, торговлю, разного рода услуги. Эти сферы занятости росли, существенно изменив структуру экономики страны. Сегодня в сфере услуг занято больше 65% активного населения (в США 71%).

42% работников заняты сегодня в государственном секторе, и 55% — в частном. Но доходы в государственном секторе, у чиновников (особенно в последние годы) намного выше, чем в частном секторе, потому что частный сектор — это (относительно) неквалифицированный, непродуктивный труд.

Но дело не только в потере статуса таких прежде уважаемых и высококвалифицированных профессий, как врач, учитель, инженерно-технический работник, ученый, но и в отказе им со стороны населения в престиже и уважении. Все эти профессии стали менее уважаемы, причем, чем выше была прежняя квалификация человека, тем сильнее его субъективное чувство падения, особенно болезненно воспринимаемое на фоне деформации социальных форм признания: на место

государственного распределения символов признания, общественного авторитета, пришло демонстративное потребление. Переживание снижения своего положения, своей авторитетности, смысла своей роли в системе государственной службы и распределительной экономики породило массовый и хронический депрессивный фон социального бытия, стало причиной коллективных фрустраций, резкого усиления рессантимента или социальной зависти (именно потому, что общий уровень потребления, качество жизни явно выросли и улучшились, как раз и возникли основания для сравнения).

Этот потребительский бунт, который пережила страна за десятилетие с 2002 по 2012 год, не изменил структуры потребностей и представлений населения. Население по-прежнему по структуре своих запросов, по ресурсам, по ожиданию, откуда может прийти вознаграждение (а этим источником авторитета или инстанцией гратификации, как и раньше, мыслилось государство), оставалось бедным. И когда в 2012 году обозначился спад в экономике, оно восприняло это относительно спокойно, тем более что экономическая стагнация или депрессия компенсировались такой мощной пропагандистской кампанией, как «Крымнаш» и конфронтацией с Западом. Патриотическая мобилизация обернулась фантомами восстановления авторитета России как Великой державы, что породило массовую эйфорию. Это очень важный момент, потому что в 90-х и вплоть до 2008 года, до войны с Грузией, явно преобладало сознание, что Россия опускается до уровня региональной или второстепенной державы. В момент войны с Грузией вернулась эйфория, потом исчезла, а после присоединения Крыма снова вернулась и держится сегодня на том же уровне.

Стоит обратить особое внимание на сферу образования.

В системе западной социальной стратификации показатель уровня образования играет чрезвычайно важную роль, потому что определяет вертикальную мобильность, открывает доступ к карьере, к более высокому статусу. Образование оказывается мощным инструментом личного достижения, институциональным залогом успеха. У нас это, увы, далеко не так. Резкий рост численности студентов и людей с высшим образованием в постсоветские годы сопровождался девальвацией системы высшего образования. Большая часть этого вида обучения

носит низкое качество и потому не дает особых ресурсов для продвижения. Среднее специальное образование дает более быстрый эффект в плане подъема доходов, но зато через какое-то короткое время рост останавливается. Качественное высшее образование, требующее больших усилий и времени, обеспечивает гораздо более медленный подъем, но в конечном счете и более высокий доход. Но опять-таки, повторяю: высшее образование из-за массовости и низкого качества перестало быть гарантией карьерного успеха.

Настоящим социальным капиталом образование может стать только в том случае, если оно поддерживается семейным культурным ресурсом. В семьях, где уже не в одном поколении родители обладают высшим образованием, накоплен культурный (ценностный, мотивационный) капитал, а также связи, этика, навыки самодисциплинирования и долговременного планирования жизни. В таких семьях дети часто могут рассчитывать на действительно эффективную карьеру. Иначе говоря, социальные ресурсы продвижения, успеха концентрируются в очень узком слое, обладающем признаками

верхнего среднего класса. Благодаря сочетанию нескольких факторов, там действительно накапливается социальный капитал, но его нельзя сводить, как делают некоторые авторы, к комбинации образования, дохода, занятости. Требуются еще определенный тип социальной

*В 1990-е годы и до середины 2000-х
можно говорить о массовом снижении
социального статуса
(сейчас ситуация чуть-чуть улучшается,
идет повышение)*

этики, мотивации, политических действий, обеспечивающих социальную мобильность. Без этого, если мы рассматриваем межпоколенческую динамику, более высокое образование детей в сравнении с их родителями не дает никаких преимуществ для продвижения, изменения статуса. Поэтому образование, полученное в годы реформ, не дало существенных преимуществ и социальной динамики. Если быть точным, то в 1990-е годы и до середины 2000-х можно говорить о массовом снижении социального статуса (сейчас ситуация чуть-чуть улучшается, идет повышение). Но в принципе суммирующая траектория указывает на снижающийся тренд статусов в тот период, то есть на нисходящую социальную мобильность. Это делает надежды экономического детерминизма призрачными или иллюзорными, создавая условия для массового недовольства, фрустрации, чувства неполноценности и общей социальной несправедливости. Правда, само это состояние хронической фрустрированности не ведет к изменению общественной или политической активности людей, к ответственности, а значит, и к изменениям.

Таблица 1

Как, по вашему мнению, следует относиться к проблемам, с которыми люди сталкиваются в современной России? (в % от числа опрошенных)

	2006 март	2007 октябрь	2009 март	2014 апрель	2015 ноябрь
Проявлять терпение, стойкость, приспосабливаться к обстоятельствам и ждать, пока положение улучшится	21	36	63	44	47
Воспользоваться следующими выборами для смены властей, выбрать из них тех лидеров, которые смогут лучше руководить страной	31	26	13	26	29
Устраивать акции протеста, уличные демонстрации, чтобы заставить власти обратить внимание на нужды и проблемы простых россиян	34	24	15	19	12
Загруднились ответить	14	14	10	11	12

N=1600

Как видим из Таблицы 1, самая большая часть людей склонна «проявлять терпение, стойкость, приспосабливаться к обстоятельствам». Лишь очень небольшая часть (эта группа была представлена, в частности, на Болотной) готова использовать легальные методы — выборы — для смены власти, но неуспех этого движения привел к деморализации, и опять-таки — к росту рессантимента и пассивности.

Люди живут в горизонте неопределенности своей жизни, неуверенности, хронической тревожности, связанной с отсутствием гражданских институтов, которые могли бы определять социальное поведение и которым они могли бы доверять. Это очень важно — отсутствие представлений о векторе или направлении, в котором движется страна. По существу, оно представляет собой ощущение своего бессилия, зависимости от власти. Эта недееспособность, отказ от ответственности, от сознания «я могу это сделать» переносится в извращенном виде на власть, от которой ждут, что она даст то, чего сам человек не может получить в

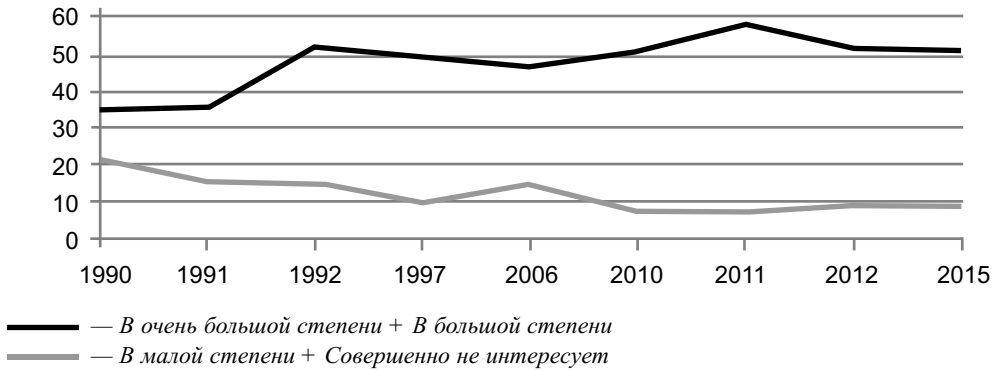
жизни. Происходит то, что психоаналитики называют трансфертом ответственности, переносом представлений о потенциале действия на власть при одновременном собственном отказе от действия, участия в общих делах и укоренения в «понимании, что сделать ничего нельзя». Что в этой ситуации происходит с общественным сознанием? Во-первых, реанимируются все навыки, которые характерны для советского времени, прежде всего, двойное сознание, или, как его назвал Оруэлл, «двоемыслие». Во-вторых, поднимается примитивный пласт стертых советских представлений о том, что «власть должна обеспечивать людям» известный минимум благ, приличный уровень жизни, стабильность в виде гарантий минимального благополучия — работы, жилья, социального обслуживания. На этом держится негласное соглашение населения и режима, но это не «общественный договор», о котором в свое время (в начале президентства Д. Медведева) говорили (А. Аузан, а за ним и другие), это скорее вынужденное примирение

сторон: власть обеспечивает «определенный уровень жизни, справедливое распределения благ» и проч., но при условии, что люди ведут себя спокойно. И одновременно очень широко распространено понимание, что влиять на действие вла-

стей невозможно, что власть обманет всё равно. Отсюда состояние раздвоенности: завышенные ожидания в отношении власти, иллюзии становятся условием неучастия, пассивности граждан в социально-политическом пространстве.

График 1

В какой степени вас интересует политика? (в %)

Когда мы говорим, об апатии, об отчуждении или дистанцировании от политики, это вовсе не означает, что люди лежат на печи и ничего не делают, напротив, они прикладывают огромные усилия для обеспечения собственной жизни и жизни

своей семьи. Забота о физическом выживании чрезвычайно значима — это действительно то, что людей мотивирует в первую очередь. Никакой апатии здесь не фиксируется. Но на характере отношения к власти это никак не сказывается.

График 2

В какой мере государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами России? (в %)

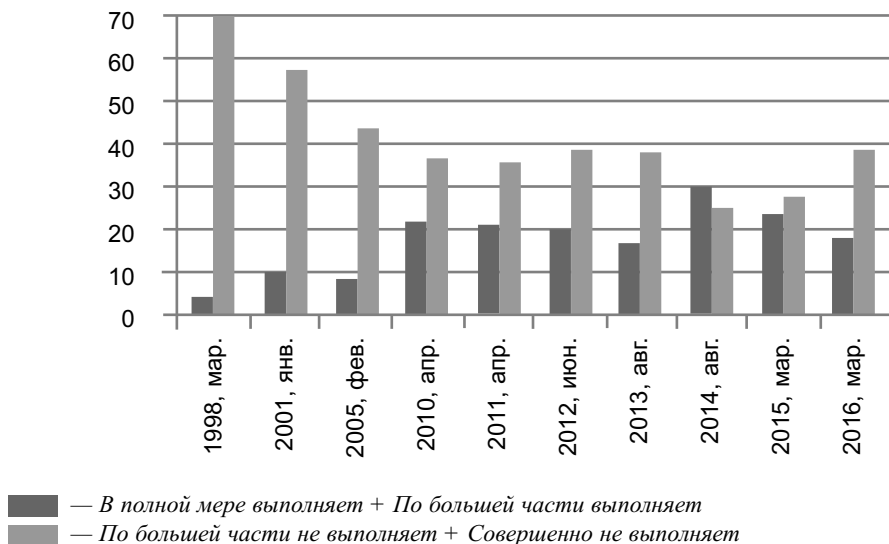

График 3

Обратимся к Графикам 2 и 3. Они показывают устойчивый диссонанс во взаимоотношениях государства и граждан. Граждане в гораздо большей степени, как они считают, выполняют свои обязанности, платят налоги, служат в армии, не нарушают законов в сравнении с государством. Но государство не выполняет своих обязанностей в должном объеме, и что? Россияне ясно понимают это, но следствий из такого понимания нет, признание этого факта (как и признание тотальности коррупции) не вызывает никакого возмущения, эти обстоятельства принимаются как само собой разумеющиеся. Добиться, как показывает жизненный опыт, ничего нельзя, и потому приходится терпеть. Обратим внимание только на компенсацию массовой неудовлетворенности имперским сознанием: доля мнений, что государство полностью и по большей части выполняет свои обязательства перед народом, обычно колеблющаяся в пределах 8–20%, сразу после аннексии Крыма поднимается до 30%, соответственно, мнения о долгах власти перед населением снижаются примерно с 40–50% и более до 28% (2015 г.). Перед

бесконтрольной, а значит уравнивающей всех жителей по отношению к себе властью и возникает описанный выше эффект бессодержательной «середины», множества людей, таких же, как все. Другими словами, единственным принципом конституирования социальной структуры оказывается иерархия соподчинения, или иначе — порядок доступа к власти. Посмотрим на распределение мнений о значимости социальных институтов в России (Таблица 2). Например, на динамику их авторитетности. Здесь мы имеем дело, как это ни странно, с очень трезвым взглядом населения на социальную организацию своей жизни. Перед нами картина пирамидальной структуры институциональной организации (трудно назвать такую массу населения «обществом», правильнее было бы именовать ее «общество-государство», поскольку как раз от «общества» как типа социальной организации здесь мало что есть). За 15 лет заметно выросло признание значимости национального лидера — президента, а также армии и спецслужб в сочетании с институтом, которого нет в Конституции РФ, а именно — Администрации Президента —

Таблица 2

Какую роль в жизни России играют ...?*

	2001	2007	2012	2016
Президент	3,90	4,25	3,87	4,57
Вооруженные силы	3,28	3,50	3,42	4,09
ФСБ, спецслужбы	3,21	3,74	3,61	4,03
Президентская администрация	2,90	3,63	3,51	3,93
"Олигархи", банкиры, финансисты	3,79	3,74	3,63	3,72
Правительство	3,53	3,56	3,61	3,71
Прокуратура	2,90	3,36	3,26	3,52
СМИ	3,52	3,48	3,36	3,47
Совет Федерации	2,99	3,23	3,10	3,45
Губернаторы	3,42	3,34	3,18	3,36
Государственная Дума	2,81	3,07	3,06	3,31
Судебные органы	2,80	3,25	3,17	3,33
Церковь	2,91	3,26	3,04	3,26
Полиция	**	**	3,10	3,26
Директора крупных предприятий	3,35	3,18	3,10	3,19
Политические партии	2,69	2,73	2,81	2,93
Интеллигенция	2,53	2,59	2,42	2,61
Профсоюзы	1,95	1,89	1,91	2,10
Число опрошенных	1600	1600	800	800

* Приводится средний балл по пятибалльной шкале от "очень большую" до "очень малую"

** Вопрос не задавался

вытеснивших с первых позиций правительство, парламент и судебную власть. Другой неформальный, но крайне влиятельный в системе авторитарного режима институт — «олигархи» — слегка утратил свое влияние в общественном мнении России, но остается по-прежнему обладающим более существенным весом, чем все формально демократические и представительские институты. Это значит, что за вывесками «разделения властей», «представительная система», «выборы», «ответственность власти» перед народом стоит (по мнению россиян) мощная, реальная и устойчивая структура насилия или принуждения, типологически имеющая больше общих черт с тоталитаризмом, чем с современной демократией.

Как определять эту систему господства: стоит ли называть ее «мягким авторитаризмом», или речь идет о какой-то моди-

фикации тоталитарной системы, или же одной из фаз разложения тоталитаризма (точка зрения, которая мне ближе других)? Конечно, целый ряд институциональных сфер очень изменился, некоторые исчезли (как Госплан, КПСС, СССР), но фактическая структура отношений людей между собой, прежде всего, в сферах господства и подчинения, структура базовых институтов, остались фактически теми же, что и раньше. Поэтому неслучайно при усилении репрессий люди принимают свое зависимое положение как данность, как то, что они изменить не в силах. Если нельзя выразить свои интересы, солидаризироваться и объединиться с такими, как ты, представить общие проблемы и цели в виде программы политической деятельности партии или общественной организации, то есть обозначить себя как группу, как социальное образование в

публичном пространстве, то неизбежно возникает ситуация массовой социальной аморфности, что-то вроде социальной плазмы, которую и фиксируют социологи. Поэтому восприятие себя как «средних», ничем не отличающихся от других», «простых и открытых» в социологическом плане эквивалентно готовности «жить, как все остальные», «быть похожими». Такое роевое состояние в современном сложно устроенном мире представляется «неестественным», ненормальным. Но оно — производное от невозможности выразить свои интересы (часто даже осознать их, а не только артикулировать), представить их в публичном поле. Я говорю о резком понижении культурного горизонта российского общества, девальвации накопленного ранее интеллигенцией 1960–1980-х годов морального и культурного капитала, ценностей, родившихся из опыта сопротивления и неприятия советской системы, но постепенно утрачиваемых

в условиях сегодняшнего «потребительского общества». Не стоит путать его с западным «consumer society». Это два совершенно различных социальных агрегата. Если западное общество демонстративного потребления является своеобразной формой гратификации достижений частного человека, выражением этики индивидуального успеха, то российское общество потребления представляет собой негатив, перевернутые приоритеты дефицитарного общества советской плановой экономики, когда доступ к закрытым распределителям или к благу был мерой авторитетности человека из определенного слоя или группы. И это осталось, поскольку именно близость к неподконтрольной и недифференцированной и коррумпированной власти обеспечивает человека разного рода благами и знаками публичного признания. Неслучайно наша Дума и Совет Федерации — это собрание богатых людей (или тех, кто в ближайшем

будущем будет таковым). Практика подавления публичных дискуссий влечет за собой не только физическую невозможность, но и умственную стерилизацию средств рационализации, возникающих постоянно социальных проблем, деградацию партийной системы, в которой партии могли бы представлять цели развития или интересы отдельных групп. В конечном счете, для меня состояние плазмы, аморфности общества, невыраженности групповых форм и границ, стертости группового разнообразия и сознания специфичности, особенности людей суть симптомы появления или сохранения, воспроизводства признаков, характерных для тоталитарных обществ. Тоталитарный — это ведь не только массовые репрессии, возможны и другие технологии господства, которые обеспечивают единомыслие населения. И мы сегодня их имеем. Это, в первую очередь, чрезвычайно эффективные СМИ, превращенные в инструмент мощной пропаганды. Террор, то есть масштабные массовые репрессии против населения, в этой ситуации становятся необязательными и даже ненужными, есть и другие технологии господства, которыми обеспечивается общее послушание, дисциплинирование и принуждение общества, есть другие способы манипуляции. В советское, раннее брежневское время телевидение охватывало только 40% населения, так как был один канал, позже, ближе к перестройке, их стало три. В этом смысле возможности манипулирования сознанием были довольно ограниченными, принуждение строилось по другим организационным основаниям: была организация контроля и обеспечения лояльности по месту работы, учебы, месту жительства, другие техники достижения повиновения, покорности, пассивности. Сегодня такой результат может быть достигнут гораздо более эффективными средствами «промывания мозгов» в сочетании с очень ограниченными по

охвату и скорее профилактическими репрессиями.

В результате социальная неспособность к осознанию или выражению своих интересов оборачивается умственным косноязычием, а невозможность политически их представить, артикулировать как общественно значимые цели, ведет к подъему архаических представлений, лежащих ниже горизонта актуальных событий. Это не только антизападничество и антиамериканизм, но и представление о том, что советская система, планово-распределительная экономика и политическая система лучше, чем демократическая и рыночная, то есть оборачивается ностальгическим возвращением к идеализируемому прошлому. Это не просто отказ думать, но и иллюзорное восполнение того, чего не хватает в сегодняшней жизни. Отчасти такие массовые представления рождаются из дефектности нашей «рыночной экономики» и ее обратной инволюции. Чтобы это было более понятно, приведу две цифры: в 1998–1999 годах государство контролировало 26% всех финансовых активов, сегодня — 71%. А это значит, что громадная часть населения опять остается зависимой от государственного распределения. Потребительский бум стал реальным не столько из-за отказа от распределительной системы (она в виде административной ренты сохранилась), сколько благодаря неожиданным доходам от нефти и газа и их перераспределения. Рост реальных доходов в 2000-е и 2010-е годы шел гораздо быстрее, чем росла производительность труда. Рост заработной платы примерно на 20–25% опережал рост производительности труда. Иначе говоря, лояльность граждан, их покорность достигалась очень важной составляющей: их покупкой государством, то есть перераспределительной, а значит — чисто социалистической, патерналистской политикой. И это дало свои результаты.

Максим Трудолобов,
журналист

Правда в России и мире

Чтобы подступиться к спорам о *пост-правде*, хорошо бы понять для начала, что такое *правда*. Может быть, если мы поймем это удивительное русское слово, то нам легче будет разобраться в том, что происходит с доверием между людьми и нашим отношением к информации в современном мире.

В русском языке *лжи* противостоят два слова — *правда* и *истина*. Можно для начала просто вспомнить, как мы ими пользуемся. Мы хотим знать и говорить *правду*, просим других говорить нам *правду* и не хотим мириться с *неправдой* и *полуправдой*. Но при этом мы можем сказать: «У каждого своя *правда*». Есть *правда* у народа — историческая; есть *правда* у создателя произведения искусства — художественная. Можно говорить *горькую правду* и резать *правду-матку**.

Ничего подобного со словом *истина*, как правило, не случается: ни «полуистины», ни «неистины» не бывает. Мы не скажем, что у человека или у страны «своя истина»: *истина* не может быть частной и не признает политических границ. «Горькую истину» или «художественную истину» представить сложно. Зато в естественных науках, философии и религии высшая ценность — именно *истина*, а не *правда*. Вы вряд ли встретите слово *правда* в книге по математике или физике.

Красота правды

«Словарь русского языка XI–XVII веков» в статье «*Правда*» первым дает значение «*правда, истина*», но значений, связанных со *справедливостью* и *праведностью* упоминается гораздо больше. Макс Фасмер в своем «Этимологическом словаре» пишет, что *правда* соответствует *δικαιοσύνη* и *iustitia*, то есть словам, озна-

* См. дополнительные примеры в книге: Шмелев А. Русская языковая картина мира. М., 2002. С. 190.

чающим *справедливость* и *праведность*. «В старославянском, болгарском, украинском и русском языках первое значение *правды* — справедливость, второе — истина. «Современное слово *праведник* восходит к старославянскому и соответствует греч. δίκαιος, ἀγιος», — пишет Константин Сигов в статье «*Правда* в контексте Европейского словаря непереводимостей»*.

Слово *правда* образовано от славянского корня *prav*, с которым связаны такие, например, слова: *правый*, *правильный*, *праведный*, причем *правый* может соотноситься как буквально с правой рукой, так и метафорически с понятием правильности. «*Правда* может выступать в таких значениях, — отмечает он, — как «*обет, обещание, присяга, заповедь, правило, договор, закон*» — в основе семантики этого слова лежит представление о Божественном миропорядке». Между тем, слово истина образовано от корня *is-to* и родственно латинскому *iste* (*этом, том*) и словам из славянских языков *истински* (по-болгарски *подлинный, настоящий*), *to isté* (по-словацки *то же самое*), *jistý* (по-чешски *несомненный, бесспорный*). Поэтому истина осмысливается как нечто основанное на тождестве, знании и человеческом опыте**.

В романе Федора Достоевского «Бесы» Шатов говорит Ставрогину: «... не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?». Ту же мысль Достоевский приводил как свою собственную в одном из писем. В этой фразе невозможно заменить слово *истина* на слово *правда* без существенного изменения смысла высказывания. Христос, по Достоевскому, относится именно к Правде — независимо от воспринимаемой нами действительности и от того, как мы описываем эту действительность. Характерно, что Достоевский, по словам Успенского, говорит «о возможности математического доказательства: действительность противопоставляется у него вере, которая не зависит от восприятия и рассуждения; тем самым математическое доказательство относится к *истине*, а не к *правде*».

«Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются; истина (ἀλήθεια) возникнет из земли, и правда (δικαιοσύνη) приникнет с небес», — говорится в Псалтыри. Есть русская пословица, в которой, по мнению Успенского, отразился процитированный отрывок из Псалтыри: «Истинна от земли, а правда с небеси». Алексей Шмелев указывает в книге «Русская языковая картина мира», что по сегодняшнему ощущению языка абсолютное значение скорее приобрела истина, а правда уже не воспринимается как нечто божественное, она стала «земной». Но дело не столько в словах, сколько в отношении к знанию. *Истина* остается результатом познания, познание — научное — в Новое время приобрело первостепенное значение и обошло духовное познание в статусе. Но для религиозного сознания и сегодня *свет истины* исходит от Бога.

* Сигов К. *Правда в контексте Европейского словаря непереводимостей*.

** Успенский Б. *Право и религия в Московской Руси. // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып 1. С. 160.*

Ученому, чтобы *познать истину*, нужен научный эксперимент. Судье, чтобы *установить истину*, нужно сопоставить показания свидетелей, вещественные доказательства, доводы обвинения и защиты. Но чтобы *узнать правду*, достаточно иногда просто спросить, а чтобы быть *праведным*, нужно верить. Тут нужны усилия и инструменты особой природы — инструменты не научного познания, а духовного. Таким образом, слово *истина* в нашем языке отвечает за то, что познаваемо эмпирически, научно, за то, что подтверждается чувствами и научным экспериментом. Между тем, *правда* — это слово, отвечающее за то, что познается не чувствами, а духовным устремлением, за то, что правильно и справедливо, за то, что, скорее, *должно быть*, чем *есть*.

Все помнят название «Правда русская» — первый известный свод правовых норм Киевской Руси. «Правда русская» — это документ, в котором перечисляется то, что нужно делать в каких-то ситуациях, как должны вести себя люди при возникновении конфликтов, какие платить штрафы и за что. Слово *правда* здесь, таким образом, означает право и закон (есть аналогичные Русской — Бургундская и Салическая правды). Вспомним также и древнерусский юридический сборник «Мерило праведное» («весы правосудия»).

В XVIII веке Феофан Прокопович по заказу Петра I пишет «Правду воли монаршей», в которой устанавливает основные принципы русского абсолютизма в его петровской версии. Константин Сигов указывает, что в данном случае у слова *правда* появляется значение *легитимность*. Ну а «Русская правда» декабриста Павла Пестеля — это, по сути, конституция. Члены Южного общества верили, что после свержения монархии они на основании этого документа будут перестраивать жизнь в России. Основатели первой версии газеты «Правда», члены социал-демократического союза Украины, а затем Лев Троцкий, который издавал «Правду» в течение почти четырех лет до того, как это название перехватили большевики, вероятно, следовали той же романтически-революционной традиции. Интересно, что большевики, регистрируя в 1912 году в Санкт-Петербурге газету, должны были выкупить название «Правда» у некоего чиновника Священного Синода, который готовил к изданию религиозно-моралистический вестник.

Угроза правды

Мы, конечно, не первыми открываем свойства нашего языка. Пересечение и одновременное несовпадение значений слов *правда* и *истина* давно занимало русских авторов. «Всякий раз, как мне приходит в голову слово *правда*, я не могу не восхищаться его поразительной внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое», — в этих знаменитых словах литературоведа и мыслителя-народника Николая Михайловского запечатлен дух правдоискательства тех времен.

Вот как свое понимание слова *правда* резюмирует Семен Франк в написанной по-немецки статье «Русское мировоззрение» (1925): «В русском языке существует очень характерное слово, которое играет чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли — от народного мышления до творческого гения. Это неперебиваемое слово правда, которое одновременно означает и истину, и моральное и естественное право — так же, как и в немецком языке слово «*richtig*» означает нечто теоретически и практически соответствующее или адекватное».

Помнить об этих особенностях употребления слова *правда* необходимо, чтобы понять, почему в русской культуре *правда* приобретает какое-то огромное самостоятельное значение. При этом странным образом однокоренные слова «право» и «правда» оказываются оторванными друг от друга и существуют как будто в разных вселенных. Правда живет своей высокой жизнью.

Николай Бердяев связывал российские особенности восприятия слова и понятия *правда* с тем, что в сознании русской интеллигенции *правда* связалась с идеей уравнительной справедливости. «Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья, — писал Бердяев в «Веховской» статье «Философская истина и религиозная правда».

Мы прекрасно понимаем, помня нашу литературную традицию, что литература и литературная критика в нашей культуре очень часто брала на себя роль общественной трибуны. Русские литераторы и критики часто были людьми, которые произносили суд над общественной реальностью, выносили суждения, которые общество принимало, потому что эти люди обладали высоким авторитетом. Та правда, которую несут в себе книги Гоголя и Достоевского совсем не совпадает (да и почему, собственно, одна должна с чем-либо совпадать) с правдой законодательной, с правом. Это особая, высшая реальность.

Требования, которые предъявляются к взыскуемой *правде*, возможно, чрезмерно высоки. Очень важно осознать, что право и правосудие не рассматриваются культурой как достойный механизм для этих поисков. Недоверие к правосудию, по крайней мере, к правосудию в исполнении российского государства, встроено в нашу культуру, поэтому запрос на правду проходит над обычными правовыми механизмами. Причина, вероятно, в том, что правосудие в российском исполнении рассматривается как часть государственного механизма. Оно служит государственным или еще каким-то интересам, но не интересам правды.

Альтернативой доверию к гражданскому суду оказывается доверие к суду слова, доверие к тому, что говорит авторитетный человек — поэт, литератор, обличитель. Российское общество готово было передать литератору, авторитетной фигуре функции прокурора и судьи, и результатом становилось правосудное слово, слово, которое несло в себе правду, приговор несправедливости и всей общественной системе, которая включала в себя и систему правовую, ведь она, в частности, хотя и утверждала, к примеру,

Артуро Мартини. Гроза. 1933–1934

право частной собственности, но делала законным рабство. Авторитет, выносящий приговор несправедливости, находился (и, возможно, находится до сих пор) выше права, смотрит на него свысока, потому что правосудие является частью того же государственного механизма, которому нет доверия.

Сделаю оговорку: я говорю о ситуации на уровне культуры. Понятно, что в реальной жизни в России есть суды, в России есть законы. И в огромном количестве случаев они как раз работают. И суды выносят решения, против которых никто не спорит. Более того, гражданскому обществу удается возвращать обманщиков в неуютную реальность истины, когда они выводят на чистую воду коррупционеров (деятельность Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального) или тех, кто получает ученые степени обманным путем, покупая или списывая чужие диссертации (проект «Диссернет»).

Красота *правды*, о которой говорили Михайловский и Франк, удивительна. Но у нее есть и обратная сторона: правда оказывается слишком высоким, огромным и неопределенным понятием. Разбираться в деталях, в чем правда состоит, — ни у кого нет времени. Есть только вера в то, что высший суд и высшая *правда* (заметьте, не высшая *истина*) где-то существуют и кто-нибудь нам потом все объяснит. В результате *правда* осознается как чрезвычайное понятие, то есть ставится выше писаного права.

Получается, что можно, сославшись на сугубую несправедливость законов, взять и назваться знатоком и хранителем *правды* — со всеми ее многочисленными значениями и высшим смыслом. Можно потом сделать ее принципом государства, так и оставив, по сути, чем-то чрезвычайным. Взять и назвать газету «Правда» и диктовать людям с этой трибуны, как думать, как понимать явления общественной жизни и что делать.

Постправда — лишнее слово

Пренебрежение фактами, медийные пиаровские технологии, откровенные подтасовки и ложь принято в последние годы называть *post-truth* — «постправдой». В мире развернулась большая дискуссия, некоторые страны уже принимают законы о том, что социальные сети должны нести ответственность за то, что там появляются не соответствующая истине информация. Речь идет об эмпирической, документальной, познаваемой на опыте правде (*truth, verité, Wahrheit*), так что по-русски, строго говоря, следовало бы использовать слово «постистина». Как мы видели выше, *правда* — не про фактическую точность, она про справедливость, праведность и правильность, про то, как (кто-то понимает, как) должно быть, а не про то, как есть.

Иногда мне кажется, что через призму русской культуры и русского языка проще уловить те изменения, которые происходят в общественной жизни всего мира. Этим изменениям в других языках нужны объяснения и новые слова (та самая *post-truth*), а в русском как раз не нужны. В силу многих причин, среди которых обилие информации, сложность пользования ею, господство пиар-технологий и креативных политических кампаний, значимость истины снижается. Утверждения, сделанные публично, обретают самостоятельную ценность совершенно независимо от того, являются ли они фактически истинными, соответствуют ли законам и правилам. То, что заставляет людей верить, не обязано быть верифицируемым. И это «что-то» по-русски называется *правдой*.

Нетрудно представить себе современного Бердяева — да и представлять не нужно, ибо их среди западных аналитиков и обозревателей множество — обрушивающегося с критикой на корпоративных пиарщиков и политических популистов: «Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру [как вы его понимаете. — Прим. автора], к народному благу [как вы его понимаете. — Прим. автора] парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине».

Политики, включая и российского и американского президентов, отлично понимают, что такое истина на уровне документа. С эмпирической истиной они работают постоянно: они получают массу информации и исходят из того, что эта информация настоящая, истинная. Но то, с чем они выходят к обществу, это скорее правда, чем истина. Это то, что после должной обработки можно выносить на публику. Потому что специалисты по политическим кампаниям (политтехнологи) говорят политикам, что информация в том виде, в каком они ее получают, опасна для общества. Поэтому обществу надо говорить не *истину*, а *правду*.

Если речь идет, например, о президенте США Дональде Трампе, то ситуации могут казаться смешными. Прекрасно зная цифры, Трамп говорит в глаза репортерам и всему миру, что количество людей на его инаугурации было больше, чем на инаугурации Барака Обамы. Это не просто наглость, это отказ признавать эмпирическую истину, стремление поставить ее в служебное положение. Трамп, по сути, говорит: это правда американского народа, потому что американскому народу лучше, чтобы я говорил такую правду, а не какую-нибудь другую. Насколько я понимаю, у этого конкретного политика и бизнесмена такое обращение с фактами вырастает из умения выстраивать маркетинговые мифы вокруг своих проектов, умения раззвонить по медиа и частично приврать, на чем он был многократно пойман еще когда был бизнесменом. В его реальности это совершенно нормально: чтобы что-то продать, нужно завышать ожидания, нужно придавать известный пиаровский поворот своему проекту. Он всю жизнь делал это в бизнесе и перенес в политику.

Но в большинстве случаев это несмешно. История с пассажирским лайнером, совершавшим рейс из Амстердама в Куала-Лумпур и сбитым летом 2014 года над Украиной, предстает одним образом внутри России и совершенно другим за ее пределами. Несмотря на то, что истина в этой истории в значительной степени установлена и, вероятно, все точки над *i*, будут расставлены, недоверие к западным следователям останется. Наличие в России некоторого количества независимых СМИ практически не влияет на доминирующие нарративы, формируемые государственными пропагандистами. Несмотря на прозрачность, несмотря на наличие Интернета, возможность пересекать границы, в одной общественной среде можно установить ориентиры для общества, которые будут отличаться от других. Получается, что есть своя правда по вопросам, которые для российского государства принципиальны, и что это вполне можно сделать.

Правда вышла на передний план во всем мире. Важным для избирателей, а значит и для политиков оказывается то, что представляется важным и правильным для малых групп (*моя правда*) и то, что представляется важным и правильным для наций (*национальная, историческая правда*). Одновременно оказывается, что правду больших объединений, таких как Европейский Союз защищать труднее, чем правду наций. Верифицируемая истина, естественнонаучная реальность остается в мире статистики, документов, в мире ученых статей. В мире науки факт остается фактом: современные в своей основе договоренности о том, что считать фактом, что считать результатом научного эксперимента, который подтверждается аналогичными научными экспериментами, сохраняются. Но в общественной реальности мы сталкиваемся (чем дальше, тем больше) с приемлемостью частной или политической «правды». Вся наша история должна была бы, казалось, сделать нас устойчивыми к такого рода трюкам, но мы все еще только учимся.

Демократия: вызовы и цензоры (наследие А. Салмина)

Прекрасная вещь — общение с мудрецом.
Аристофан

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

1.

Если после распада СССР и всего «восточного блока» стало модным рассуждать о «конце истории» и «последнем человеке»¹, то в наши дни многие возглашают о «конце конца истории», о постзападном мире и даже о пост-западном Западе. Алармизм относительно кризиса либеральной демократии стал сегодня общим местом. Так, обозреватель газеты «Файнэншел Таймс» Гидеон Рахман пишет, что «авторитарная волна достигла Запада», сами западные общества разочаровались в демократии и возможно не так уж сильно, как полагали прежде, отличаются от недемократических незападных народов. Откат от стремления к либеральной демократии возник поначалу за пределами Запада — в России, Турции, на Филиппинах и ЮАР. А теперь антидемократическая волна достигла самих стран либерально-демократического «ядра»².

Видимым свидетельством кризиса либеральной демократии стали подъем и порой даже победы в западных странах радикальных политиков-популистов, рост ксенофобии по отношению к мигрантам, падение доверия к демократическим институтам, растущая поддержка протекционизма и изоляционизма, кризис европейской интеграции.

На этом фоне откат России от демократии — Г. Рахман характеризует режим В. Путина как образец мягкого авторитаризма, «объединяющего в себе национализм, популизм, коррупцию, гонения на СМИ и тесный союз президента и богатейших олигархов»³ — не кажется уже чем-то ненормальным. Скорее наоборот: получается, что именно Россия одной из первых открыла новые антилиберальные пути для всего мира — сделав акцент на военную и полицейскую силу государства, равноду-

шие к правам человека, агрессивную защиту эгоистически понимаемых «национальных интересов», протекционизм и монополизм в экономике и консервативный авторитаризм во внутренней политике. Может показаться, что Россия и Запад, вступив во внешнеполитическую конфронтацию, в своих внутренних процессах наоборот *сближаются*, нащупывая общие рельсы национализма, традиционализма, ксенофобии, протекционизма и свободы рук во внешней политике.

Мир накрыла «глобальная демократическая рецессия». Аналитический центр «Фридом Хаус», занимающийся оценкой состояния демократии в мире, пессимистичен в наши дни, как никогда: в 2015 году в 72 странах мира наблюдался упадок демократии — самое большое число стран с начала 2000-х годов⁴. Самые яркие примеры такого упадка наших дней, помимо России, — Турция, Польша и Венгрия.

Объявленный кризис либеральной демократии делает полезным возврат к идейным и теоретическим истокам этой политико-социальной системы и попытку отыскать и понять причины его современного упадка. Можно ли, опираясь на историю и теорию либеральной демократии, оценить пределы устойчивости и гибкости либеральной системы к изменениям? И какое отношение всё это имеет к России?

2.

Самое простое определение либеральной демократии — это *демократия (народовластие), построенная на либеральных принципах и преследующая либеральные цели* (то есть основанная не только на всеобщем избирательном праве и регулярных выборах власти, но и на реально защищенных гарантиях так называемой *негативной* свободы, то есть свободы

человека от вмешательства государства и частных лиц в его политические и гражданские права, права на собственность, личную свободу, жизнь, на ассоциации, свободу совести и т.д.). Схожим образом определяет либеральную демократию Фукуяма: «учение о личной свободе и суверенитете народа»⁵.

Учение о личной свободе представлено в этой формуле *либерализмом*. А учение о народном суверенитете — *демократией*. В современной западной *политици* (термин Аристотеля, любимый экспертом Школы Алексеем Михайловичем Салминым (1951–2005)) сошлись воедино идеи либеральных философов, защитников правового государства, личной свободы и частной собственности — Дж. Локка, Ш. Монтескье, И. Канта и главного творца идеи народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо⁶.

Для нас важно различать либерализм как корпус идей о личной свободе и правах человека, и демократию, в основе которой принцип народного суверенитета, воли всего народа или его большинства.

Либерализм и демократия в наши дни взаимосвязаны, но по своей сути далеко не тождественны. В условиях демократии возможны нелиберальные выборы, а отдельные либеральные принципы (например, обеспечение священных прав частной собственности) могут утверждаться и в недемократических политиях — например, так были обеспечены незыблемые права частной собственности в самодержавной России XIX века.

Это различие позволяет нам увидеть некоторые важные причины и механизмы современных затруднений либеральной демократии не только на Западе, но и во всем мире. Зачастую то, что мы видим сегодня — это не что иное, как *восстание народа (демократии) против либерализма*. Или, иначе говоря, проявление неустранимого несовпадения народовластия и свободы.

3.

Противоречие между *принципом личной свободы* и *принципом народного суверенитета* было выявлено с самого начала формирования современного концепта либеральной демократии. Главная задача *современной демократии* — обеспечение самостоятельности, независимости, свободы личности, защищенных законом. Но как реально достичь этого как в условиях авторитарного абсолютизма, так и в условиях безраздельного торжества народного суверенитета (демократии)?

Первым соединил фундаментальные идеи личной свободы и демократии, предложив *понимание демократии как системы, прежде всего, призванной обеспечить индивидуальную свободу*, француз Бенжамен Констан⁷. Он разошелся в этом пункте с Руссо, утверждая ключевой *конституционный принцип*: не только суверенитет короля, но и суверенитет народа должен быть ограничен (правом), когда идет речь о гарантиях независимости личности, ее политических и гражданских правах.

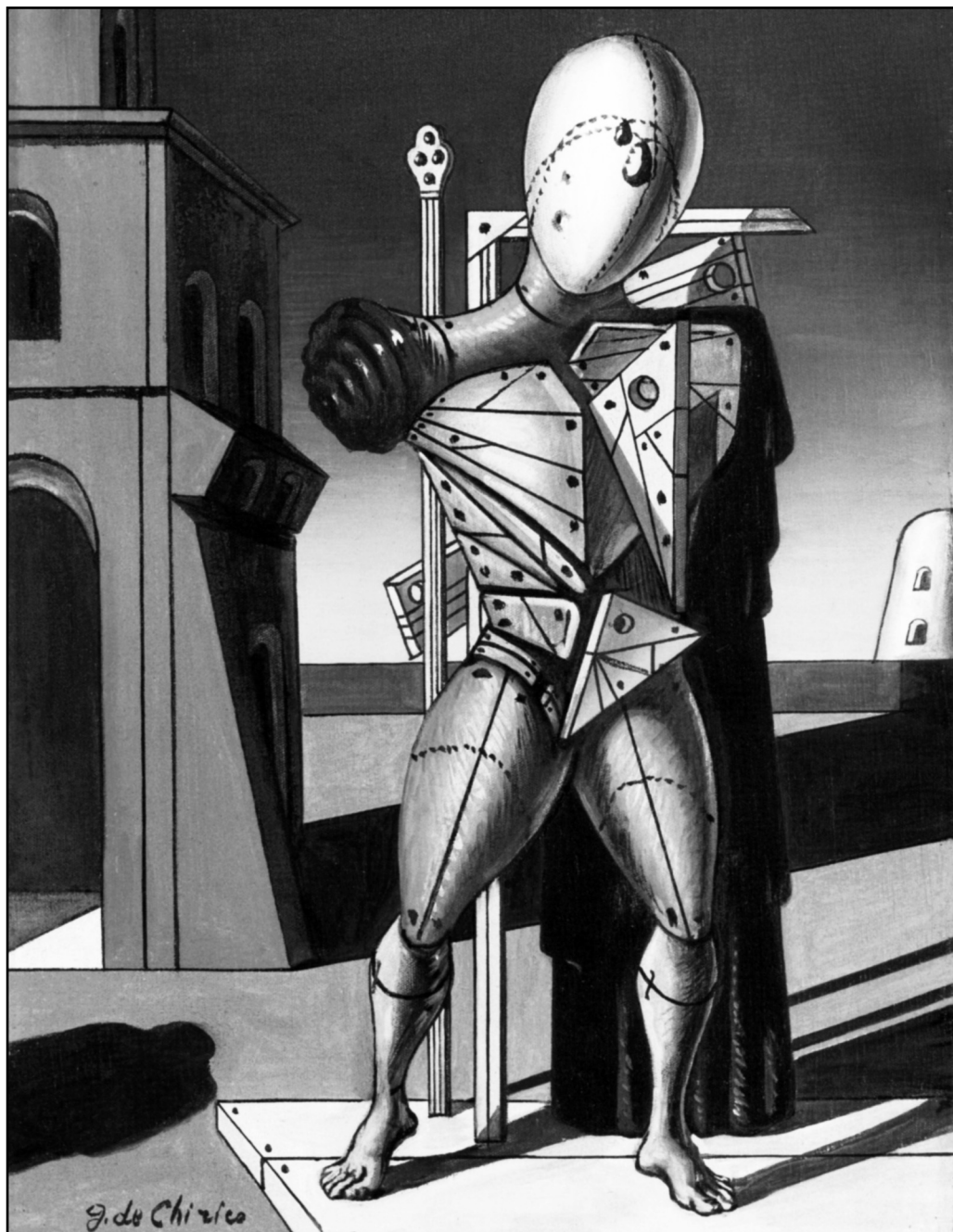
Через сто лет после Б. Констана этот же принцип отстаивал русский философ Семен Франк. Его знаменитая формула гласила: *«ценность демократии не в том, что она есть власть всех, а в том, что она есть свобода всех»*. Еще через полвека ту же мысль несколько иначе выразил теоретик открытого общества Карл Поппер: *«демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а чтобы избежать тирании»*. Понимание, что демократия, прежде всего, гарант свобод человека и гражданина, является основой современных представлений о системе либеральной демократии.

В XX веке мы увидели, как из демократии, *из доведенного до крайности принципа народного суверенитета* выросли

такие крайние формы уничтожения личной свободы и самой жизни, такие перерождения и вырождения демократии, как российский, германский, итальянский, камбоджийский и другие *тоталитаризмы* — современная и исторически самая бесчеловечная форма тирании. Все это, как хорошо известно, освящалось «народом», делалось от его имени и даже в его интересах⁸. Тем самым в XX столетии народовластие показало не только свою хрупкость, но и потенциал превращения в свою полную противоположность.

4.

Если в эпоху зарождения (возрождения) идеи демократии в XVIII — начале XIX века (эпоха Просвещения) главным было ее философское, религиозное и этическое обоснования (права народа на воплощение суверенитета), то в наши дни, когда демократия, как кажется, победила и распространилась по всему миру (во всяком случае, как нормативный идеал), главным становится уже иное проблемное поле. А именно — *озабоченность ее хрупкостью и поиски способов ее укрепления*. В этом и заключается тема современных дискуссий о кризисе либеральной демократии. Демократия, как показала история, хрупка и неустойчива и содержит в себе потенциал как перерождения в тиранию, так и хаоса и разрушения либеральных свобод. Поэтому практическая задача состоит не столько в создании неразрушимой демократии, что в принципе невозможно, сколько в том, чтобы «застраховать ее от крайнего неразумия законодателей и от кипения гражданских и обычных человеческих страстей». Иными словами — изобрести не вечный двигатель, а машину с приспособлением для *«защиты от дурака»*⁹. Применительно к трамповским США такую защиту чаще всего усматривают в системе сдержек и противовесов, мудро

Джорджо де Кирико. Трубадур. 1950-е гг.

сконструированную отцами-основателями федерации в конце просветительского XVIII века.

Применительно к Великобритании, с головой бросившейся в «Брекзит», надежды связывают с всегда открытой

возможностью любому будущему правительству *передумать* (вместе с народом) и вернуть страну в ЕС. К тому же победа антиЕСовского референдума вовсе не означает отказа королевства от либеральных принципов внутри него.

Но вот уже применительно к Турции Эрдогана, проголосовавшей за сокращение демократических свобод на свободном референдуме (реализация суверенитета народа), не так просто увидеть возможности сохранения светского и демократического характера посткемалистской политики с ее значительным либеральным компонентом. Заложена ли вообще в турецкой политике защита от возрождения традиционного исламского общества и государства волей народа?

5.

Так что же может защитить и укрепить либеральную демократию? Все продолжающиеся споры относительно основ и перспектив демократии так или иначе восходят к фигуре ее первооткрывателя (для Нового времени) и ключевого теоретика — французского просветителя Жан-Жака Руссо (1712–1778). Именно он ясно и бескомпромиссно открыл и обосновал идею *народа-суверена*, создающего в результате общественного договора свою республику *на основе общей воли*, республику, обладающую высшим суверенитетом. Народ и только народ обладает здесь верховной властью. Это идеал прямой демократии, в ней правят все граждане, они же принимают для себя законы. В суверенном народном государстве «общей воли» *«каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого»*¹⁰. Над народом-сувереном нет и не может быть никакой власти и воли, «нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него необязателен даже Общественный договор»¹¹. Внутри себя народ-суверен свободен, как и свободна каждая его часть — каждый отдельный человек, а если человек не хочет подчиняться общему закону и быть

таким образом свободным — народ вправе *заставить* быть его свободным. Так народ-суверен, созданный свободной волей свободных людей для защиты общей и частной свободы, оборачивается своей противоположностью — абсолютной властью над человеком и абсолютным отрицанием свободы. Для обозначения этой неограниченной ничем тотальности А. Салмин вводит понятие «народ-монада», то есть народ как *«нечто единое и неделимое»*¹² (тотальное и всевластное, ничем и никем неограниченное).

6.

После Руссо *идея народа-суверена и идея демократии* (народовластия, верховного народного суверенитета) становится самой влиятельной политической идеей и остается таковой вплоть до наших дней. Для якобинской диктатуры (1793–1794 гг.) и ее вождя М. Робеспьера идеи Руссо были путеводной нитью, включая обоснование революционного террора от имени и «в интересах» народа-монады¹³. Именно насильственный опыт Великой Французской революции выдвинул на первый план проблему ограничения и сдерживания власти уже не абсолютного монарха — короля, а *нового абсолютного монарха — народа (народа-монады)*. Эта проблема решается по наши дни. Салмин называет теоретические открытия последних двух веков по «коррекции гена монады» *«цензорами»* (идеи и институты, цензурирующие страшные силы тотальности, насилия и подавления свободы, заложенные в идее народа-монады)¹⁴. Первого такого «цензора» предложил английский философ и политик Эдмунд Берк (1729–1797) в своих «Размышлениях о революции во Франции», написанных по горячим следам событий (1790 г.). Он резко осудил кровавые эксцессы и сам принцип революции, разрывающий историческую и культурную преемственность.

Взамен Берк, не отвергая права народа на власть и на свободу, предложил ввести народ-монаду и ее действия *в исторический и культурный контекст*, в историческую традицию, предложил уважать не только волю ныне живущего народа-монады, но «*и живших прежде*» (людей). Развитие обществ должно идти не революционным, а эволюционным путем, на основании здравого смысла, а не страстных порывов. Если тексты Руссо — писания Нового времени, то «Берк указывает на важность политического “*предания*”»¹⁵. Так было положено начало европейскому **консерватизму** Нового времени как идеологии и как политическому движению защиты свободы свободному от революционных крайностей.

Второй «цензор» для народа-монады был обоснован Иммануилом Кантом (1724–1804). Если у Берка это эволюция, культура, традиция и здравый смысл, то у Канта на первый план выдвигается *право*. Для защиты от крайностей необходимо **правовое государство**, ставящее в рамки саму демократию (у Руссо над народом нет и не может быть никакого высшего закона).

Кант рационализирует христианский моральный закон (заповеди Бога) до своего «морального императива». Именно этот моральный императив должен лежать в основе государства и права, в том числе быть «политическим императивом» демократии. Ни верховная власть, ни народ не вправе попираť права друг друга, ибо это не может быть обосновано морально. Источник права — в доброй воле самих людей. *Право само по себе ничем не гарантировано, но произвол еще хуже, и поэтому всегда следует выбирать право!*¹⁶

Третий «цензор» был впервые осознан и обоснован на Британских островах, вырастая из общественной и политической практики растущей английской свободы. Это «цензор» **плюрализма (гражданского общества)**, понимание того, что общество отнюдь не гомогенно и не состоит из

людей-атомов (как у Руссо), но напротив, чрезвычайно сложно и плюралистично, и в нем каждый человек и группы людей вправе преследовать свои законные интересы. Согласование таких интересов лучше всего удастся на среднем уровне (уровне *ассоциаций*). Свобода ассоциаций (гражданского общества) и личная свобода человека и его права (на жизнь, свободу и собственность) должны быть защищены конституцией, то есть неотменимым никем (ни властью, ни самим народом) высшим правом. «*А покуда есть конституция, наше положение может иногда становиться весьма тяжельм, но никогда — неисправимо тяжельм*»¹⁷.

За сто лет до Великой Французской революции Джон Локк (1632–1704) в «Опыте об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления» (1689 г.) теоретически обосновал модель *конституционного либерального государства*. В таком государстве *гражданское общество* в значительной мере автономно и само устанавливает нормы и правила мирного существования людей, а *верховная власть* ограничена и действует строго в рамках закона, не посягая на естественные и защищенные конституцией права граждан. Если власть посягает на естественные права людей, народ имеет право на восстание и восстановление конституционного порядка¹⁸.

7.

Так одновременно страшная и притягательная *идея народа-монады* Руссо победила со временем во всей Европе и за ее пределами (как нормативный идеал), но и была при этом теоретически ограничена сразу с трех сторон: мощными идеями-цензорами *культуры-традиции, верховенства права и автономии гражданского общества*. Народ-суверен (демократия) был поставлен в рамки исторической ответственности и бережного отношения к

преданию, неотменимого никем верховенства права, основанного на кантовском моральном императиве, а также защищенного конституцией плюрализма свободного гражданского общества. Нахождение органического *синтеза* (еще один любимый термин А. Салмина) существования народа-суверена и цензоров его руссоистской *общей воли* (в том числе синтеза республиканизма и церковного авторитета) составляет основное содержание становления либеральной демократии в XIX–XX веках.

8.

После тоталитарного опыта XX века вопрос защиты свободы вновь встал в полный рост. Ни высокая культура, ни право, ни сложность гражданского общества не смогли на практике защитить Россию, Германию, Италию от крайне левой и крайне правой тирании. Современная демократия вновь была подвергнута переосмыслению. Карл Поппер (1902–1994) в 1945 году предложил строить ее на новом основании. Коль скоро ни традиция, ни право, ни мораль, ни сама сложность современного общества не могут предотвратить смерть свободы, то разумнее *«основывать демократию на практическом принципе избегания тирании, чем на божественном или узаконенном праве людей на власть»*¹⁹.

Задача эта, как представлял ее Поппер, во многом техническая: так сконструировать систему власти, чтобы исключить ее узурпацию тираном. *«Как сконструировать такое государство, в котором от плохого правителя можно избавиться без кровопролития, без насилия?... это сугубо практическая, почти техническая проблема»*²⁰.

Йозеф Шумпетер (1883–1950) в книге «Капитализм, социализм и демократия» (1942 г.) предложил рассматривать демократию лишь как механизм выбора и легитимации

власти (а не как особый тип общества или моральный принцип), в ней правят группы *элит* (а не народ), конкурирующие на выборах, подобно тому, как производители конкурируют за спрос потребителей (рыночный механизм). Роль народа не в том, чтобы править, а в том, чтобы на ограниченное время избирать представителей, которые и будут принимать решения. Главное это то, что возможность менять правительство на выборах *защищает народ от тирании*²¹. Салмин называет это *«цензором Поппера»*, то есть минимальным набором технических (институциональных) решений, способных защитить свободу от несвободы (сменить власть без кровопролития).

В качестве такого «технического» механизма защиты свободы от тирании самым важным оказалась *теория разделения властей*, восходящая к Локку и Монтескье и впервые в полной мере реализованная отцами-основателями США с их знаменитой системой «сдержек и противовесов». Это исключительно важный *пятый «цензор»* Салмина — *«цензор разделения властей»*, ставший в наши дни общепринятым (но далеко не везде в реальности работающим)²².

9.

Применительно к текущему кризису либеральной демократии на Западе и во всем мире исторический и теоретический анализ Салмина ясно свидетельствует о том, что *в этом кризисе нет ничего принципиально нового*. В либеральных демократиях всегда были и всегда будут силы, выступающие за авторитаризм, ограничение свобод, изоляцию, идеологический диктат, протекционизм, за традиционное и «закрытое общество» в противоположность модернизированному и «открытому». Эти силы находились и находятся *вне сложившегося синтеза* основных политических культур и

Джорджо де Кирико. Одинокий поэт. Прим. 1965–1970

идеологий, являются для исторически сложившегося либерально-демократического консенсуса маргинальными. Когда-то эти силы расширяют свое влияние (особенно во время кризисов), а потом теряют. Однако после 1945 года пока нет

примера, чтобы эти силы смогли опрокинуть где бы то ни было консолидированную либеральную демократию.

При всем этом народ всегда сохранял и сохраняет право сказать свое мнение. Он вправе, в частности:

— выразить недовольство последствиями глобализации (потеря рабочих мест, рост миграции, стагнация или падение доходов) и проголосовать за дезинтеграцию и (или) протекционизм (знаковые примеры — голосование за «Брекзит» и Трампа с его мексиканской стеной);

— выразить недовольство правящими элитами и сменить их на выборах (знаковые прецеденты Д. Трампа и Э. Макрона);

— проявить раздражение по отношению к «другим/чужим» (повышая проценты голосов, поданных за крайне правых — знаковый пример — почти больше трети голосов, отданных во втором туре французских президентских выборов за Марин Ле Пен);

— на свободном референдуме проголосовать за ограничение своих прав и свобод, за ослабление принципа разделения властей (как на референдуме в Турции, инициированном Эрдоганом).

Конечно, все эти события и решения потенциально угрожают либеральной демократии и не могут не тревожить сердца либералов и демократов. Но до сих пор либеральная демократия успешно использует *все выработанные европейской мыслью «пять цензоров»* Салмина и сохраняет высокую устойчивость (может быть — и то пока об этом рано говорить — за важным исключением Турции), в частности:

— уважая давние *либеральные и демократические традиции*;

— уважая основополагающее конституционное *право* (как например Лондон уважает права Шотландии решать свою судьбу);

— не покушаясь на гражданские и политические права граждан и на свободу *плюралистического гражданского общества*;

— соблюдая все *технические процедуры* демократии (включая Турцию);

— не нарушая *принцип разделения вла-*

стей (яркий пример тому — гавайский судья, отменивший указы Трампа)²³.

Мы можем наблюдать на практике, что все выработанные за два века теоретические и институциональные *цензоры* для народа-монады успешно работают, при всем этом 1) оставляя народу-суверену Руссо право самому решать свою судьбу, 2) не давая ему в то же время зайти слишком далеко, 3) оставляя все возможности переменить решение (возможно, ошибочное), если в этом будет необходимость.

К тому же пессимистический взгляд на перспективы либеральной демократии не является единственно возможным, более чем вероятна и оптимистическая перспектива. Так, по мнению политолога Григория Голосова, *«современный кризис демократии в западных странах ... связан с тем, что там сложились предпосылки к переходу на новый уровень демократического развития»*, прежде всего, учитывая неизмеримо более высокий уровень образования, достатка и информированности современных людей. Все это вместе создает недовольство привилегиями и закрытостью правящих элит и запрос на реформы либеральной демократии, *формы* которых еще только предстоит *изобрести*²⁴.

10.

Что же Россия? Прежде всего, совершенно очевидно, что в России *никогда не было и нет либеральной демократии*. Не является Россия и нелиберальной демократией. Г. Голосов и В. Гельман убеждены, что в России сегодня — авторитарный режим²⁵, Е. Шульман считает режим «гибридным», но тоже — лишь как одной из разновидностей авторитаризма²⁶. Салмин в одной из последних своих работ характеризует российский политический режим 90-х годов XX века как «незрелую демократию» или недодемо-

кратию²⁷. А режим, созданный В. Путиным к концу его первого президентского срока (2004 г.), — как модель «управляемой или авторитарной демократии»²⁸.

Стало быть, анализ и выводы относительно кризиса либеральной демократии к России неприменимы. Неактуальны в этой связи для нас (по крайней мере, пока) и «цензоры» Салмина.

Для нас гораздо важнее *другие цензоры*, предохраняющие нас от сползания в прошлое, в практики тоталитарного государства (каким был СССР), для которого были характерны: 1) централизованное управление экономикой, 2) единственная массовая партия, мобилизующая население на «строительство социализма» или на борьбу с врагами, 3) монополия государства на СМИ, 4) террористическая и вездесущая тайная полиция, осуществляющая надзор над каждым человеком, 5) поклонение вождю, 6) единственная официальная идеология, обещающая в будущем построение совершенного общества, провозгласившая свое главенство над законностью и личностью²⁹.

К счастью для нас, такие цензоры за 26 лет после прекращения существования СССР возникли и помогают нам сохранять свободу (пусть и далеко не в том объеме, как в либеральных демократиях). Самыми важными из существующих *анти-тоталитарных цензоров*, защищающих нас от ренессанса тоталитарного государства-монады, являются потенциально следующие 10 российских институтов:

— либеральная (основанная на идеях Руссо, Локка, Монтескье и Канта) Конституция 1993 г.;

— членство России в Совете Европы;

— наличие массовой частной собственности и рыночной экономики;

— федерализм и местное самоуправление;

— высокообразованное и урбанизированное общество;

— информационная и гуманитарная открытость страны, массовые социальные сети;

— отсутствие государственной идеологии, монополии государства на истину;

— широкое общественное неприятие политических репрессий;

— регулярные выборы на многопартийной основе при всеобщем избирательном праве;

— живое гражданское общество (в том числе независимые НКО).

Многое из этой десятки «цензоров» является сегодня слабым, формальным, номинальным, выхолощенным (например, либеральная Конституция не уважается и не соблюдается властями и судами), но тем не менее все эти цензоры по отдельности и вместе взятые создают достаточную защиту от возврата в прошлое (своего рода кристаллическую решетку свободы). Более того, каждый из 10 цензоров является в принципе *неустрашимым*. И каждый из них имеет огромный потенциал развития в направлении реальной демократии.

Всего этого пока недостаточно, чтобы обеспечить эволюцию России в направлении либеральной демократии, но более чем достаточно, чтобы *исключить* возврат страны в тоталитарное прошлое. «... *Время жесткой диктатуры ушло. Она не является сегодня ни альтернативой путинизму, ни возможной траекторией самого путинизма*»³⁰.

В результате мы живем в состоянии застывшего равновесия, застоя, болота, когда государство не в состоянии подавить гражданское общество, даже слабое. А гражданское общество слишком слабо, чтобы навязать государству свою волю. Символом эпохи стал «ждун» — смешное, заплывшее жиром малоподвижное существо³¹.

Идеологическим обоснованием этого неразвития стала традиционалистская идеология «особого пути», позволяющая

объяснить и оправдать неостановимое отставание России от либеральных соседей с запада, конфуцианских с востока и индуистских с юга. Элита использует застой для безудержного циничного *обогащения*, простой народ — для *выживания*, более или менее сносного.

11.

Каковы же, однако, перспективы либеральной демократии в России?

По мнению еще одного эксперта Школы Эрнеста Геллнера (1925–1995), самое важное для дела свободы не наличие демократии, а *наличие гражданского общества*. Сама демократия для своего возникновения нуждается в уже существующем гражданском обществе как необходимом своем основании³².

Гражданское общество возникает там, где экономическая сфера (основанная на частной собственности) отделяется от сферы политической (сферы власти). В Западной Европе была эпоха абсолютных централизованных монархий и зарождения индустриального капитализма. Там, где появляется автономная от государства экономическая сфера, создаются и минимально необходимые условия для либеральной демократии. Современная экономика требует экономического и идейного плюрализма (без последнего невозможен технологический прогресс). Рост экономики толкает общество и политическую систему к большей открытости и плюрализму. С этой точки зрения нет никаких фундаментальных причин, по которым в России в принципе невозможна либеральная демократия.

В то же время даже в мире индустриальной экономики и неудержимого роста экономики и технологий либеральная демократия не вырастает из гражданского общества *автоматически*. Для этого гражданское общество должно сначала подчинить себе государство, а потом

договориться с ним о новых правилах игры.

Как это произошло в Европе?

Геллнер отыскивает в истории два пути к либеральной демократии:

1. *Гражданская война*, в ходе которой гражданское общество берет верх над государством (Англия XVII века, североамериканские колонии Англии, победившие в Войне за независимость в XVIII веке.)

2. *Экономическое поражение* государств, подавивших гражданское общество, от соседей, успешно развивающихся в результате возникшего синтеза государства и гражданского общества. «... Если государство одерживает победу над гражданским обществом, разрушает его или подчиняет себе, и все это происходит в окружении других стран, в мире, где экономический потенциал той или иной страны играет очень важную роль, тогда данное общество (как целое) платит высокую цену и, в конечном счете, чтобы наверстать экономические потери, бывает вынуждено отказаться от сомнительных завоеваний своего государства»³³.

Выберет ли Россия один из этих путей, придумает ли свой, третий путь, или вовсе останется жить с русским «ждуном», мы пока не знаем, но перспектива растущих экономических потерь и стратегического отставания от лидеров роста наметилась уже отчетливо. Как и связь этого отставания с подавлением государством гражданского общества.

12.

Как на этот же вопрос о нашем будущем отвечает Алексей Салмин?

Надо сказать, что он оставил нам в сентябре 2005 года куда больше горьких недоумений, чем ответов.

Россия 90-х годов была не плодом осмысленного проекта, а во многом хаотическо-

го разрушения советских институтов и неудачных попыток поставить на их место что-то новое³⁴. Новые демократические институты вышли слабыми, многие старые (армия, суды, правоохранительные органы, бюрократия) вовсе не были реформированы и продолжали существовать в сталинско-брежневской парадигме, а место слабого гражданского общества заняли «злокачественные образования»: олигархи, кланы и клики. Часть институтов, жизненно необходимых для выживания либеральных демократий, вовсе не сложилась — защищающие общее благо общественные организации, местное самоуправление, партийная система. Лакуны заполнило государство, из чего во многом и вырос нынешний авторитаризм. Свод неотменяемого права (реальная конституция) пока не сформировался. Договор между государством и гражданским обществом также не состоялся, более того, наблюдается их конфронтация. Опыт перехода (транзита) к демократии как иберийских государств, так и стран Центральной и Восточной Европы к России по ряду причин неприменим.

Вот и вышло, что целое десятилетие 90-х под лозунгами демократии и рынка мы шли, в общем, непонятно куда, в предполагаемом направлении «всего хорошего». В исторической перспективе судьба либеральной России, да и самой России зависит от преодоления нескольких «камней преткновения», для чего необходимы:

— появление в России среднего класса, как носителя идей и ценностей демократии и гражданского общества;

— формирование влиятельного и ответственного гражданского общества и договор между ним и государством;

— *аналитическое* (экспертное) сообщество, способное справиться с исключительно сложными задачами интеллектуального обеспечения реформ и развития страны;

— решение проблемы национально-территориального устройства, шире — национального вопроса;

— консенсус в понимании русской истории, в частности в вопросе соотношения и преемственности (непреемственности) исторической (до 1917 г.) советской и современной России?

В избранной нами (и следующей анализу Салмина) теоретической перспективе будущее демократии в России в полной мере зависит от того, сформируется ли в ней руссоистский (то есть держащийся на системе взглядов Ж.-Ж. Руссо) *народ* (в нашем случае — гражданская многокомпонентная нация), осознающий себя сувереном (источником власти), как это предписывают России действующая Конституция 1993 года, приоритет международного права? Сможет ли он после того, как овладеет государством, сохранить целостность страны и создать продуктивный синтез гражданского общества и власти? Пока что такого народа нет, и Россия остается страной «*подданных, а не граждан*»³⁵.

Рецепт успеха диалога власти и общества во имя развития страны Салмин видел в двух практически-политических областях:

— создании механизма и прецедента цивилизованной передачи власти;

— появлении элит и их преемственности³⁶.

Со времени публикации его текстов прошло уже более 10 лет, а мы находимся, в общем и целом, в том же самом месте.

Был бы жив Салмин, он мог бы отпустить по этому поводу одну из любимых им горьких шуток:

«...Он повернул коня направо,
А сам налево поскакал...»

или

«... на палубу вышел —
А палубы нет...»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ф. Фукуяма. «Конец истории и последний человек», 1992
- 2 Рахман Г. Авторитарная волна достигла Запада. // Ведомости, 20 февраля 2017. [Электронный ресурс: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/20/678496-avtoritarnaya-volna>].
- 3 Ф. Фукуяма. «Конец истории и последний человек», 1992
- 4 Рахман Г. Авторитарная волна достигла Запада. // Ведомости, 20 февраля 2017. [Электронный ресурс: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/20/678496-avtoritarnaya-volna>].
- 5 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2007, С. 84–85.
- 6 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 11.
- 7 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 13.
- 8 Там же, с. 13.
- 9 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 19.
- 10 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997.
- 11 Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. — М., 1937, С. 13.
- 12 Ж.-Ж. Руссо: цит. по Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 58.
- 13 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 62.
- 14 См. подробнее у французского историка Альбера Собуля: Собуль А. Руссо и якобинизм. // Французский ежегодник. 1964. — М., 1965, С. 35–48 [Электронный ресурс: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/sobul-russo-i-yakobinizm.htm>].
- 15 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 67.
- 16 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 72.
- 17 Там же, с. 76.
- 18 Болингброк Г. С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. — М.: Наука, 1978, С. 172 // цит. по Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 80.
- 19 См.: Джон Кин. Демократия и гражданское общество. — М., 2001, С. 87–91.
- 20 Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 112.
- 21 Поппер Карл. Открытое общество и его враги. // цит. по: Салмин А. М. Современная демократия. — М.: Ад Маргинем, 1997, С. 112.
- 22 См. подробнее: Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии. — М., 2011, С. 118–126.
- 23 Судья штата Гавайи заблокировал иммиграционный указ Дональда Трампа // Коммерсант, 16 марта 2017 [Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/3242930>].
- 24 Голосов Г. Вся власть народу. Куда движется современная демократия? — Republic, 6 февраля 2017 [Электронный ресурс: <https://republic.ru/posts/79351>].
- 25 Голосов Г. Есть демократические режимы и есть авторитарные. Нужно ли знать что-то еще? — Republic, 10 января 2017 [Электронный ресурс: <https://republic.ru/posts/78343>]; Гельман В. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. — Спб., 2013.
- 26 Шульман Е. Царство политической имитации. // Ведомости, 15 августа 2014 [Электронный ресурс: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/15/carstvo-imitacii>].
- 27 Салмин А. М. Метаморфоза российской демократии: от спонтанности к импровизации? // Полития, 2003, № 3, С. 7.
- 28 Там же, С. 5.
- 29 Хоскинг Д. История Советского Союза 1917–1991. — М., 1994, С. 211.
- 30 Голосов Г. Демократия в России: инструкция по сборке. — СПб., 2012, С. 167.
- 31 Травин Д. Русский ждун. // Ведомости, 8 февраля 2017.
- 32 Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995, С. 193–194.
- 33 Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995, С. 199–200.
- 34 Здесь и далее: Салмин А. М. Метаморфоза российской демократии: от спонтанности к импровизации? // Полития, 2003, № 3, С. 5–59.
- 35 Паин Э. Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов. — Фонд «Либеральная миссия», Дискуссии, 2 августа 2006 [Электронный ресурс: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1280>].
- 36 Салмин А. М. Из выступления на заседании круглого стола «Экспертиза» (Горбачев-фонд) «Перестройка в трансформационном контексте», 24 мая 2005 г. [Электронный ресурс: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/29/1251413862/17.pdf>].

*Алексей Макаркин,
первый вице-президент
Центра политических
технологий*

Россия между традиционализмом и модернизацией

Определений модернизации очень много, но я выбрал бы одно, основанное на альтернативе традиционализму, его трансформации. Традиционное общество строится на авторитете, традиции, связанной с предками, с семьей, с идеологией, навязанной режимом. Общество традиционное в значительной степени состоит из людей интегристского типа, которые существуют в жесткой системе представлений. Если из этой системы изъять хотя бы один компонент, то она начнет деформироваться, шататься. Поэтому людям, интегрированным в эту систему, необходимо сохранять целостность своего миропонимания.

Модернизация общества ведет к тому, что человек сохраняет за собой не только право на выбор, но и на то, чтобы самому конструировать свое миропонимание. Это миропонимание, безусловно, зависит от идеологии, от семейного опыта человека, от воспитания, от влияния социальной среды, но выбор всё-таки делает сам человек. Он может соединять в своем мироощущении различные элементы. Например, относить себя к христианской церкви и верить в переселение душ. Можно быть капиталистом и голосовать за левых. Для ортодоксального традиционализма это немыслимо, для политического модернизма — вполне возможно.

Такое модернистское миропонимание несовместимо с фанатизмом, оно предполагает право на сомнение, на иронию. Безусловно, есть ценности, к которым нельзя относиться иронично, но количество таких ценностей не бесконечно. Если без здоровой иронии и даже скепсиса относиться к окружающему миру или ни в чем не сомневаться, то это очень архаичный подход.

Современное российское общество в целом очень недалеко ушло от общества советского в социально-политическом плане. Экономика же отделилась от СССР весьма существенно, несмотря на то, что командные высоты в экономике занимает государство, но это уже другая экономика с другими принципами и управлением, с другой системой отношений собственности.

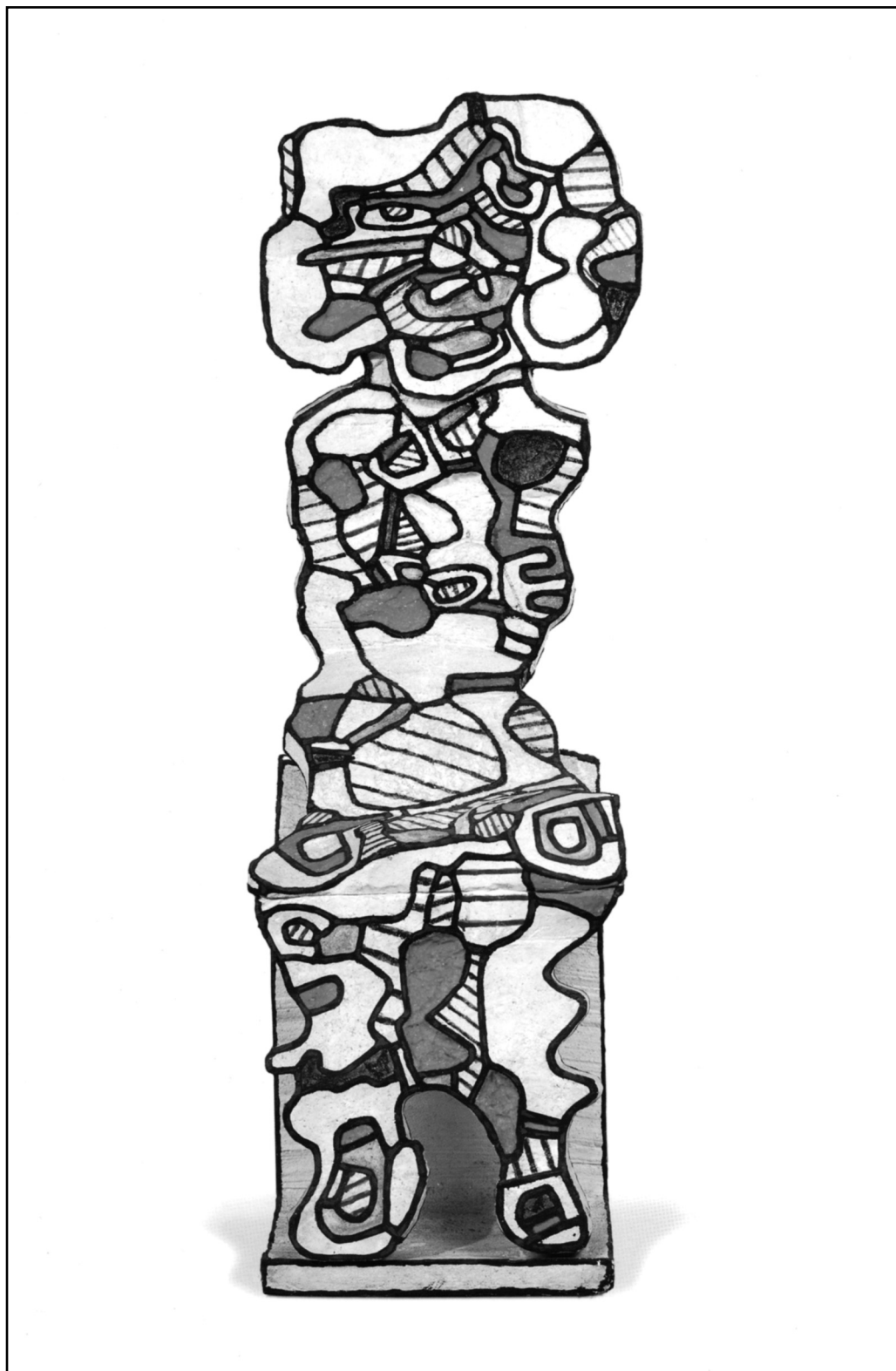
Очень серьезно изменилась информационная картина, но сейчас иногда говорят, что мы возвращаемся к режиму Советского Союза в информационном смысле, но это не совсем так или, точнее, совсем не так. Скорее происходит движение к умеренно авторитарному правлению, но не к тоталитаризму или хотя бы жесткому авторитаризму.

Однако человек меняется куда медленнее, чем экономика, политика, медиа или культура. Известен классический пример про советскую перепись населения 1937 года. Прошло двадцать лет с момента прихода к власти большевиков и обнаружилось, что большинство советских людей, вроде уже переделанных, прошедших через очень серьезную кампанию по ликвидации неграмотности, которая сопровождалась идеологизацией общества и массивной пропагандой, оказались верующими. Это стало одной из причин, наверное, не главной, но значимой, почему результаты этой переписи были засекречены. Организаторы переписи были уничтожены физически. И потом была проведена другая перепись уже с результатами в большей степени соответствующими тому, что хотели видеть руководители страны.

Обратимся, однако, к более близким временам и посмотрим, каковы были запросы тех людей, которые двадцать пять лет назад голосовали на первых относительно свободных выборах 1989 года или полностью свободных выборах 1990-го. Эти запросы были достаточно сложными, так как советские люди уже прошли через советскую модернизацию, причем через два её этапа. Один этап был зверский, многие даже не считают его модернизацией. Совершенно зверская коллективизация, индустриализация, репрессии, но так создавалось новое общество. Так большевики решали задачи, которые не смогли решить имперские правители, то есть провести экономическую модернизацию страны, решить проблему образования, просвещения людей. Возник серьезнейший диссонанс между бурной индустриализацией страны последней четверти XIX века и политикой К. Победоносцева, идеолога контрреформ Александра III, охранения монархии. Среди прочего, это помешало решить задачу экономической модернизации империи в полном объеме. Большевики же, захватив власть, сразу сосредоточили усилия на массовом образовании неграмотного населения деревни, встроив в него революционные догмы и популистскую идеологию. И фактически одновременно был принят план электрификации страны в качестве стартового условия индустриализации.

Таким образом, первый этап модернизации пришелся на 30-е — 40-е довоенные годы прошлого века, а второй относится к периоду уже хрущевской оттепели, десталинизации, частичной реабилитации жертв репрессий, массового переселения людей из коммунальных квартир в отдельные квартиры, успехов в освоении космоса...

После смещения Н. Хрущева в 1964 году страна вступила в так называемую эпоху стабильности (застоя) — атмосферу относительного спокойствия и удовлетворенности населения, несмотря на товарный дефицит, спад экономики, проблемы внутри и вне страны. Модернизация была забыта, а главным источником оптимизма стала нефть.

Жан Дюбюффе. Сидящая фигура II. 1967

Чего хотели люди от реформ в конце 80-х, в разгар горбачевской перестройки? Они хотели сохранения советского фундамента: гарантированного и бесплатного образования, здравоохранения, социальных благ. И при этом — достаточно серьезной корректировки советского строя. Их запрос, пожалуй, можно назвать умеренно модернистским, хотя как обычно, в обществе было много мифологии связанной с экономикой, хотели шведскую модель: казалось, что всё-таки она сохранила социализм, но не тот «реальный» — с уравниловкой и дефицитом. Словом, хотелось чего-то похожего на шведский социализм в сочетании с японскими темпами роста 70-х годов и советским величием.

Ещё хотели прекращения вмешательства государства в частную жизнь — это тоже очень важный модернистский момент. Чтобы частная жизнь не выносились на партийные собрания, что еще Высоцкий высмеивал.

Со временем хотели в ограниченных масштабах частную собственность. Причем это основывалось, в том числе, не только на неких теориях, но и на практике. Люди выезжали в страны Варшавского договора и потом рассказывали, что, например, в Венгрии, в ГДР — очень разных странах Варшавского договора (Венгрия была существенно более свободной страной, чем ГДР) — есть мелкая частная собственность: магазинчики, ремонтные мастерские и т. д. Неслучайно вначале кооперативное движение в СССР возникало именно в рамках этих идей. Почему бы человеку не заняться делами, которые для государства совсем уж избыточны.

В народе вызывали раздражение привилегии партийной номенклатуры, шли разговоры о корректировке идеологии, причем здесь опять-таки, как у нас часто бывает, искали аналогии в зарубежном опыте. Проблемой было неприятие частью населения официального атеизма. Советский человек воспитывался в общественной жизни как атеист. Но многие из тех, кто в целом придерживался советских или коммунистических взглядов, считали атеизм чересчур жестким. Советская идеология не могла дать внятные ответы на вопросы, которые волнуют, наверное, всех: о смысле жизни, о том, что ожидает человека после смерти. Религия на это дает ответы, испытанные временем. Таким образом, сложившийся в России режим можно рассматривать как умеренно модернистский, но с весьма укорененными в обществе традиционалистскими элементами.

Следует отметить важную особенность мироощущения значительной части российского общества — разочарование в либерализме и его ценностях, связанное с тем, что этот запрос не реализовался в начале 90-х годов, да и позже, например, в отношении справедливости и многих других ожиданий граждан. Сильнейший удар был нанесен по самоидентификации людей как граждан великой державы. В качестве компенсационного фактора произошло усиление ностальгии по СССР и связанных с прежним режимом представлений о справедливости и порядке.

В современной России представления людей о правильном и должном носят очень сложный характер, включают в себя элементы конструирования. С одной стороны, большинство не придерживается одной идеологии, человек пытается все-таки размышлять, но с другой — размышляет он в рамках нормативности сложившейся в советское время. Причем норма-

тивности не официальной, которая декларировалась с трибун, была построена на коммунистической идеологии, интернационализме, атеизме и так далее, а той, которая реально сложилась к концу перестроечных времен и включала в себя не только компоненты советской идеологии и практики, но и упомянутый набор запросов, который формировался внутри советского строя и был предъявлен в конце восьмидесятых годов.

Приведу некоторые данные опросов «Левада-центра», которые, на мой взгляд, отражают динамику общественных процессов в России.

Тема великой державы. Непременным критерием великой державы опрошенные граждане считают высокое благосостояние граждан (64%). Это означает, что люди не готовы до бесконечности затягивать пояса ради каких-то глобальных целей. В то же время мы видим, что за 15 лет резко — с 30% до 50% в восприятии граждан — возросла значимость такого фактора, как военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия. Очевидно, что эпоха господства мягкой силы еще не наступила — конфликты не ослабевают, мир, увы, вооружается: фактор ядерного паритета не исчерпан.

Таблица 1

Что, по вашему мнению, входит в понятие «великая держава»?
(в %, возможно несколько вариантов ответа)

	1999	2016
Высокое благосостояние граждан	63	64
Экономический и промышленный потенциал страны	64	58
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	30	50
Великая культура, наука, искусство	31	23
Уважение других стран и авторитет в мире	35	18
Богатые природные ресурсы	14	17
Свободы и гражданские права	15	11

Но вот человек обращается к личной сфере жизни, где сталкивается с совсем другими проблемами. Например, кем он хотел бы видеть своего ребенка, когда тот вырос? Чуть больше людей, чем прежде, хотят видеть его офицером — но даже, когда государство наращивает военную мощь, увеличивает расходы на содержание военных, их оплату, поднимает престиж профессии, офицером своего ребенка в 2015 г. видели всего 11% (в 2004 году — 8%).

Куда чаще ребенку прочат карьеру врача (18% в 2015 году), существенно реже учителя (3%). Почему? Потому что врач может неплохо заработать, особенно в частных медучреждениях. Падает популярность профессий юриста, экономиста, финансиста, так как раньше повальное увлечение этими специальностями привело к перепроизводству специалистов и трудностям найти достойную работу в соответствующих сферах деятельности. Интересно, что на последнем месте — священник (меньше 1%). И это при

том, что официальная политкорректная позиция в настоящее время заключается в признании значительной роли православия и церкви в стране, уважении к традициям, истории. Но своего ребенка священником родители видеть явно не хотят, эта профессия еще менее популярна, чем офицерская.

Таблица 2

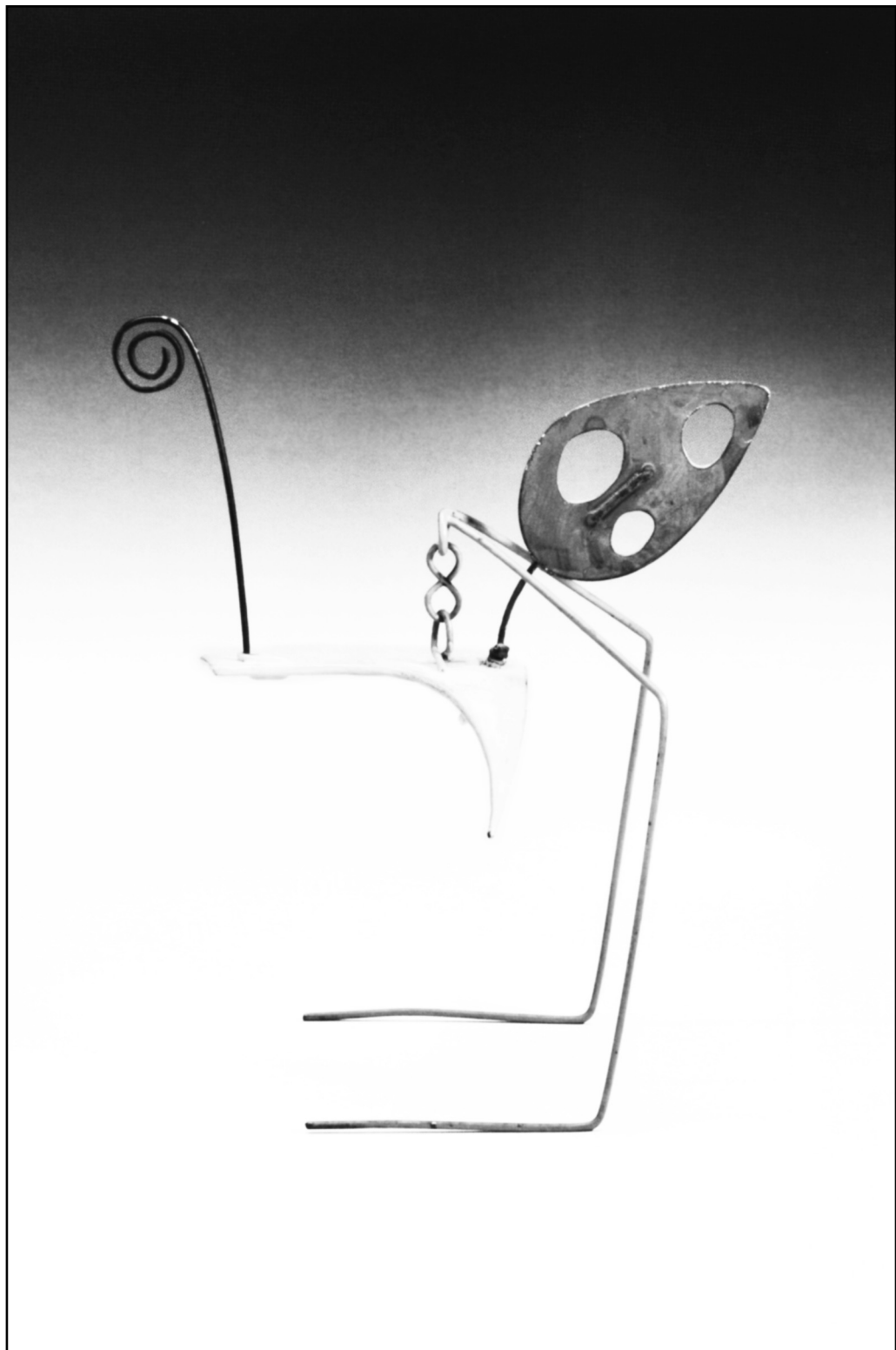
**Кем вы бы хотели видеть вашего сына (дочь, внука)?
(в %, возможно несколько вариантов ответа)**

	2004	2015
Врачом	17	18
Юристом, экономистом, финансистом	24	16
Предпринимателем	14	13
Программистом	18	11
Инженером	10	11
Офицером	8	11
Школьным учителем	4	3
Священником	1	<1

Таблица 3

**Какие качества из тех, которые многие родители хотели бы
воспитать в своих детях, кажутся вам самыми важными?
(в %, возможно несколько вариантов ответа)**

	1998	2014
Умение добиваться своих целей	40	49
Умение общаться с людьми	34	38
Хорошие манеры и умение вести себя в обществе	33	37
Чувство ответственности	32	36
Умение постоять за себя	32	28
Стремление к знаниям	32	28
Добросовестность в работе	30	27
Терпимость и уважение к окружающим	23	22
Стремление к успеху	15	22
Независимость	19	16
Бережливость	7	10
Верность и преданность	11	9
Вера в Бога	8	8

Александр Кольдер. Страус. 1950

Что ещё важно для общества в семейном контексте? Какие качества люди хотели бы воспитать в своих детях? Опрос «Левада-центра» показывает, что в основном это качества, ориентированные на умение добиваться своих целей (49% в 2014 году), умение общаться с людьми (38%), хорошие манеры (37%). В первой тройке, таким образом, присутствует то, что очень важно для самопрезентации, для карьеры. В то же время стремление к успеху ценится не очень высоко, хотя за 6 лет этот показатель вырос с 15 до 20%. Вероятно, прямо говорить, что стремишься к успеху, как-то не очень принято, хотя все качества первой тройки явно ориентированы на успех. Дело, видимо, в том, что коллективистские установки и установки и личностные устремления носят разный характер. Первые более традиционалистские и демонстративные, вторые — куда более индивидуалистичные, модернистские, и их не принято декларировать.

Какую роль в обществе играет религия? С 2005 по 2016 год почти вдвое снизилось количество людей, которые считают, что религия для них играет очень важную роль (более размытый вариант ответа — «довольно важную» — выбирают 27–28% респондентов — здесь наблюдается стабильность). Представление о религии как ценностном императиве теряет сторонников. Общество, в основном светское, не склонно конфликтовать с церковью. Но когда девушки пляшут в храме, люди не довольны, считая это осквернением сакрального пространства верующих. Однако если церковь выходит за традиционные пределы служения, общество относится к этому неоднозначно. Это, в частности, показала дискуссия по поводу преподавания Закона Божьего в средней школе. Позицию церкви поддерживают только 13% респондентов. Почти пятая часть (19%), согласно другому опросу 2016 года, придерживается полностью светской позиции, как во Франции, где любая религия исключена из образовательных программ уже более ста лет. И 61% респондентов согласны, чтобы их дети изучали основы религиозной нравственности и историю религии по желанию, факультативно.

Таблица 4

Какую роль в вашей жизни играет религия? (в %)

	2005	2016
Очень важную	11	6
Довольно важную	27	28
Не слишком важную	39	40
Не играет никакой роли	20	22
Затруднились ответить	2	4

Одна из главных особенностей советского общества — система запретов и санкций в механизме поддержания нормативного поведения. Однако, если рассмотреть, например, тему аборт, то запреты в СССР практически не действовали: хотя церковь всегда была категорически против, общество было весьма толерантно, в том числе из-за отсутствия культуры

регулирования беременности. Категорически запретительной позиции в 2015 году придерживались лишь 3% опрошенных. Большинство считают, что либо ограничений практически не должно быть (51%), либо они должны быть, но при сохранении права «по показаниям» и в определенных обстоятельствах. Семь лет назад таких было вдвое меньше. В то же время уменьшилось количество тех, кто выступает за аборт без ограничений (в 1998 году — 65%), хотя их всё равно больше половины населения.

Таблица 5

Как вы считаете, аборт должны быть разрешены или запрещены? (в %)

	1998	2015
Должны быть разрешены и производиться по желанию женщины	65	51
Должны быть разрешены только при определенных обстоятельствах	18	35
Должны быть запрещены при любых обстоятельствах	5	3
Не знаю / не хочу отвечать	12	11

Еще один вопрос: должно ли государство предпринимать меры по предотвращению абортов? Две трети говорят, что это частная жизнь человека, в которую государство не должно вмешиваться. За вмешательство высказались всего 20% опрошенных.

А вот другой, тяжелый, вопрос — это то, что в советском обществе являлось уголовно наказуемым — гомосексуализм. И здесь мы видим, что опять-таки произошло определенное смягчение нравов, то есть за возвращение к репрессивной советской модели выступают только 13% (в 2013 году). Однако, хотя люди против того, чтобы наказывать гомосексуалов за сам факт нетрадиционных отношений, большинство отказывает им в праве быть нормальными. Если аборт могут быть нормой, то нетрадиционные сексуальные отношения нормой не признаются. Люди считают, что гомосексуалов надо лечить (38%), что в современном западном обществе вызывает ужас. В Англии хорошо известна история выдающегося британского инноватора и математика Тьюринга, которому в 50-е годы предложили такие услуги, в результате чего он покончил с собой.

Таблица 6

**Как вы думаете, что следует предпринимать в отношении гомосексуалов?
(в 2013 г., в %)**

Преследовать по закону	13
Лечить	38
Помогать им достойно жить	8
Оставить в покое	31
Затрудняюсь ответить	10

Что касается пропаганды и публичных проявлений гомосексуальности, то только 14% респондентов занимают в той или иной степени толерантную позицию, 48% «определенно считают», что государство должно пресекать любые публичные проявления гомосексуальности, 25% склоняются к такой позиции. Такая жесткость отчасти объясняется тем, что люди опасаются за своих детей, которые окажутся недостаточно стойкими и перестанут быть «нормальными», «таким как все».

Ещё один интересный вопрос, обсуждаемый в обществе и в СМИ: имеют ли родители подростка право наказывать его? В советское время официальная педагогика категорически считала физическое наказание неприемлемым, однако на бытовом уровне оно было распространено. Сейчас общество по этому поводу разделено: увеличилось количество тех, кто в каких-то случаях считает наказание возможным (с 27% в 2000 году до 38% в 2015-м), но всё равно большинство (53% в 2015-м) выступает против. Похоже, и здесь общество не очень стремится к архаизму, хотя консерватизм очевиден.

Таблица 7

Как вы считаете, имеют ли родители подростка 13–14 лет право физически его наказывать? (в %)

	2000	2015
Определенно да	8	7
Скорее да	19	31
Скорее нет	32	33
Определенно нет	37	20
Затрудняюсь ответить	4	7

Общество воспринимает взаимодействие с властью и свою частную жизнь как два разных экзистенциальных уровня. Оно готово передать власти ответственность за безопасность и развитие страны, а взамен готово, по сути, не вмешиваться в действия государства, если оно обеспечивает терпимые условия жизни. Это вполне традиционалистская, основанная на патернализме, модель отношений власти и общества.

Говоря в целом, наше общество стало куда более циничным, чем даже советское. Если у позднесоветского человека еще было представление, что в стране остались честные политики, то сейчас доминирует ощущение, что правду не говорит никто — ни власть, ни оппозиция. Поэтому из массива информации проще выбрать ту, которая активно продвигается в лояльных власти СМИ и ближе миропониманию человека именно из-за простоты идеи патриотизма и величия страны, построенного на военной мощи, способной противостоять «враждебному окружению».

Однако в частной жизни общество гораздо более активно, более разборчиво. Например, своего ребенка в армию россияне обычно отдавать не торопятся, особенно если не уверены, что он будет служить не очень далеко от

дома. При этом частная жизнь обычно не связана с публичным самовыражением, которое может быть чревато риском поплатиться за слишком активную его демонстрацию. Если живешь своей сугубо частной жизнью, особо не лезешь в публичное пространство, законов не нарушаешь, то можешь позволять себе достаточно много, и государству ты не интересен. Такие отношения соответствуют запросу большинства общества в настоящий момент.

И, наконец, любопытный рейтинг великих национальных деятелей из опросов, которые проводились в Британии, Франции и России. Хотя в российском обществе обнаруживаются существенные модернистские процессы в выборе своих великих деятелей, Россия куда более традиционалистская, чем европейские страны. У нас практически нет персонажей из жизни, понятной и близкой простым гражданам. Наша история связана, прежде всего, со строителями великого государства, расширением жизненного пространства, в том числе ценой огромных человеческих потерь.

В Великобритании опрос показал нетривиальный подход людей к выбору великих британцев. В список попали прославившиеся великими деяниями и просто яркие люди, оставившие след в сознании сограждан. После Черчилля вторым оказался Брюнель, имя которого мало что говорит небританцам. Это один из ведущих британских инженеров XIX века, который строил мосты, туннели, много работал в сфере железнодорожного строительства. Надо ли говорить, кто такие Леннон и принцесса Диана?

Выбор французов в большой степени отражает культурную и демократическую традицию. В десятку великих французов попали актеры страны, Бурвиль и Колюш, певица Эдит Пиаф... В российской же десятке — сплошные государственнические и военные деятели: Александр Невский, Столыпин, Сталин, Суворов... Хорошо, что не забыли про Пушкина, Менделеева, Достоевского; чего не скажешь о деятелях современной культуры. Такова наша культурно-историческая традиция.

Однако нельзя сказать, что российское общество совсем уж традиционалистское и модернизм нам заказан. Качества современного общества приобретаются в процессе развития, их можно возвращать, преодолевая инерцию традиций. Ситуация не безнадежна, как полагают те, кто считает, что у нас ничего не получится. Надо работать, чтобы достойно жить.

Европа – камо грядеши?*

Торстен Бек,
профессор Лондонского университета и CEPR;
Джеффри Андерхилл,
директор Института социологии университета Амстердама

Очевидно, что Европа находится сегодня в кризисе: политическом, в связи с выходом Великобритании из ЕС и ростом антиинтеграционных настроений в других государствах-членах; экономическом, когда Еврозона только-только начала медленно выходить из слабого или вовсе отсутствовавшего роста (в течение почти десятилетия) и когда многие страны по-прежнему остаются в рецессии; в социальном, при котором большая часть молодежи в большинстве стран или безработная, или имеет неполную занятость, а будущее пожилых людей также становится все более неопределенным. Эти аналитически различные измерения кризиса — свидетельство несомненной угрозы. Институты и даже сама идея Европейского Союза находятся под огнем критики, не говоря уже о том, что на национальном уровне большие группы населения чувствуют себя бесправными, что толкает их к поддержке популистских партий по всей Европе. И в это же время ЕС испытывает внешние угрозы с Востока (Путин) и Запада

(Трамп). Оба они стремятся ослабить, если не разрушить европейское единство. Нет сомнения, что Европа как политическое образование столкнулось с крупнейшим экзистенциальным вызовом за последние 70 лет. Основанное на историческом опыте предположение, что этот кризис, как это всегда случалось прежде, лишь толчок к дальнейшей евроинтеграции, что ключевые решения вновь будут приняты в самую последнюю минуту — вовсе не гарантировано. *Камо грядеши*, Европа и Европейский Союз?

Эта междисциплинарная электронная книга (eBook) объединяет 18 коротких статей экономистов и политологов. В центре внимания авторов анализ многостороннего кризиса, поиски выхода из него и будущее Европейского Союза.

Авторами рассматривается широкий круг политических тем и вызовов: от проявлений «политической идентичности» в странах ЕС до его реакции на популизм, возможную перебалансировку или даже радикальный пересмотр разделения властей между Брюсселем и национальными государствами. Ответов требуют отдельные вызовы и необходимые реформы в некоторых критических

* Thorsten Beck and Geoffrey Underhill. Introduction. *Quo Vadis? In: Quo Vadis? Identity, policy and the future of the European Union*. Ed. By T. Beck and G. Underhill. — London: CEPR Press, 2017. — PP. 1–8.

областях, таких как европейская фискальная политика и попытки формирования банковского и фискального союза. Тревожным предостережением во всех разделах книги звучит мысль, что политические блуждания и неопределенность не могут спасти ЕС как политический проект. Цель авторов — опровергнуть нередкие обвинения экономистов и политологов в том, что предлагаемое ими понимание само по себе может быть не меньшей проблемой. Все 18 статей как раз предлагают решения проблем, и порой многообещающие, демонстрирующие современное, со взглядом со стороны, мышление!

В книге пять частей. Первая обозначает проблемы европейской идентичности и задает рамку для продолжения дискуссии — обсуждению во второй части темы популизма. Третья часть посвящена системе управления ЕС, четвертая — специфическим областям европейской политики. В последней, заключительной, части рассматривается роль социальных знаний и экономической науки в создании нового мирового порядка.

Европейская идентичность

В открывающей книгу статье *Джеффри Андерхилл* обсуждает исторические аспекты политики становления Европейского Союза, начиная с первых попыток установления прочного мира в Европе после 1945 года и возрождения европейской мощи и экономической жизнеспособности. Прослеживается развитие потенциала объединения благодаря возникновению таможенного союза, общей аграрной политики и Единого рынка ЕС. Финансовая координация и валютный союз добавили к

этому еще один важный макроэкономический аспект, а постоянно растущий перечень компетенций расширился, благодаря увеличившемуся числу государств-членов (с 6 до 28). В ЕС были интегрированы бывшие коммунистические страны Центральной и Восточной Европы; ряд государств готовится к вступлению в Союз. Таким образом, политическая форма ЕС складывалась в течение долгого времени, испытывая спады и подъемы на пути к Европе социальной солидарности. Однако со временем потрясающая популярность ЕС привела, к сожалению, не только к усталости от интеграции, но и к появлению антибрюссельских политических партий и движений.

Ответственность за политику и популярность евроинтеграции (как и за дефицит того и другого), очевидно, несет ЕС в целом, заключает Андерхилл, однако, политические решения, касающиеся Евросоюза, должны исходить от национального уровня, а результат — зависеть от действий самих государств-членов, как старых, так и новых.

Помимо многих политически специфических «технических кризисов», Европейский Союз испытывает более общий кризис идентичности. *Маурицио Феррера* (Миланский университет) ставит вопрос: «Так что означает быть европейцем?». Интеграция продолжается, что способствует формированию панъевропейской солидарности элит, в то время как груз традиционализма и инерция национальных культурных рамок сдерживает формирование чувства общеевропейского гражданства, или «соседского сообщества» в ЕС. «Эконократия»* и политика жесткой экономии, проводимая в период продол-

* Термин, введенный в оборот тремя британскими экономистами в их книге «*The Econocracy*» (2016), означает чрезмерную зависимость политики от концепции и способов мышления, диктуемых экономическим экспертным сообществом. — Прим. ред

жающегося кризиса, снизили даже тот невысокий уровень солидарности европейцев, который был достигнут. В частности, полностью разрушен принцип равенства стран-членов ЕС. Феррера выдвигает два условия для восстановления движения вперед: 1) одновременно символическое и институциональное восстановление политического равенства стран-членов ЕС как принципа управления, и 2) закрепление роли национального либерально-демократического социального государства как опоры солидарности в «Европейской социальной модели».

Тереза Кун (университет Амстердама) приводит доказательства того, что искренняя общеевропейская идентичность, личный опыт межнационального общения, свидетельствующий о поддержке ЕС, свойствен узкому сегменту населения в верхней части социоэкономической лестницы. Подтверждают это и данные соцопросов, представленные *Джонатаном Стори* (Международная конференция по качеству высшего образования, Словения, 2016 г.): только 2% граждан ЕС называют себя «европейцами» (то есть разделяющими европейские устремления), и только 6% считают европейскую идентичность более важной, чем их национальная идентичность. Давление в пользу реализации европейской политики интеграции только усиливает сопротивление интеграции среди тех европейцев, которые малоактивны в международных контактах. Отсюда очевидно, что международный опыт должен поощряться в связи с занятиями европейцев в их жизни. Например, стоит вернуться к предложению членов Европарламента о предоставлении всем молодым людям доступа к бесплатному европейскому проездному билету (Intertrial Pass), чтобы они могли изучать Европу самостоятельно.

Глядя на ЕС шире, с исторической пер-

спективы европейского наследия, Стори напоминает нам о четырех замечательных особенностях Европы: общеразделяемом культурном наследии Греции и Рима; о мозаике взаимозависимых народов и государств, разделяющих общее наследие; о несущественных отличиях между внутриевропейскими политикой и дипломатией и стремлении к миру как основополагающем принципе, который подразумевает, что конфликтный потенциал конкурирующих наций должен уступить место общеевропейскому консенсусу. История доказывает, что этот консенсус не может более достигаться посредством идущих сверху инициатив и указаний наднациональных органов, не получающих поддержки европейских граждан. «Брекзит», угроза терроризма, продолжающийся кризис Еврозоны и растущие требования более локальной политики — все это подразумевает, что решения и реформы ЕС должны исходить от суверенных государств, то есть скорее снизу вверх, чем сверху вниз.

Популистские партии

Определяющей характеристикой политики ЕС в условиях мирового кризиса стал подъем популистских движений. По всей видимости, все они разделяют общую повестку — как левые, так и правые. И да, и нет, возражает на это *Брайан Бергун* (университет Амстердама). В то время как правые и левые популисты могут разделять единые антиевропейские позиции, леворадикальные партии являются последовательно менее антиглобалистскими, чем правые радикалы. Очевидно, что позиция левых популистов по поводу глобализации гораздо ближе к позиции партий мейнстрима, нежели к позиции их праворадикальных партнеров. Различия в историческом происхождении левых в

Рой Лихтенштейн. Ждущая блондинка. 1964

отличие от правых продолжают сохранять свое значение, и партии мейнстрима в поисках поддержки должны учитывать эти различия.

Наряду с ростом популизма голосование по «Брекзиту» является, возможно, самым ясным выражением народного протеста против политического и бюрократического истеблишмента. *Саша Беккер*, *Тьемо Фетцер* и *Деннис Нови* (Уорвикский университет), сопоставляя данные референдума с социально-экономическими характеристиками избирательных округов, приходят к выводу, что на его

результат повлияла иммигрантская часть населения, пришедшая из стран Центральной и Восточной Европы. *Диана Коил* и *Роб Форд* (Манчестерский университет) показывают, что чувства бессилия и отчуждения, испытываемые и выраженные людьми, голосовавшими за выход Великобритании из ЕС, хотя и были абсолютно рациональными, но сфокусированы при этом на ложной цели. Как и другие авторы, они утверждают, что проблемы, которые привели к столь глубокому разочарованию и маргинализации этих людей, были созданы

в Лондоне, а вовсе не в Брюсселе. Авторы полагают перемену политического курса в Великобритании единственным решением внутренних проблем.

Что могло бы остановить подъем популистских партий? *Гий Шумахер* (университет Амстердама) предлагает обращать меньше внимания принятию или отторжению идеологий конкурирующих разновидностей популизма и больше — развитию массовых «заменителей» (прокси-партий) для их антиэлитного электората.

Диапазон управленческих и технократических ответов на кризис породил вполне адекватные решения, однако был куда менее успешен в создании и укреплении европейской политической идентичности. В частности, оппозиционные политики пренебрегали психологией и шире — тем фактом, что на политику влияют эмоции. Именно эмоциональный фон объясняет драматический крах технократических правительств в Греции и Италии на пике кризиса.

Европейская система управления

Эндрю Гэмбл (Шеффилдский университет) обращает внимание на то, что серьезная реформа управления в ЕС невозможна без соответствующих изменений в договорах, касающихся ЕС, и, следовательно, без проведения референдумов, на которых проевропейские партии в некоторых странах-членах вряд ли сумеют одолеть популистов-евроскептиков. ЕС кажется гражданам и часто характеризуется самими создавшими его правительствами как наднациональный орган, который продвигает глобализацию, либерализацию и космополитизм, в отличие от государств, которые защищают своих граждан. Таким образом, Евросоюз становится «козлом отпущения» для объяснения проблем в нацио-

нальных экономиках или препятствием, мешающим национальным правительствам решать проблемы. Вдобавок и сам ЕС стремится к роли суверенного государства, несмотря на глубокую зависимость от состояния государств-членов, их ограниченных финансовых ресурсов, в результате чего ему приходится в одиночку отвечать на вызовы, затрагивающие все сообщество. А национальные правительства свои неудачные действия объясняют рутинной «Брюсселя». Подобно Джонатану Стори и другим авторам Гэмбл заключает, что ЕС должен либо соотносить свои амбиции с реальными возможностями и ресурсами, либо сдать назад!

Кевин О-Рурк (Оксфордский университет) тоже рассматривает двойную альтернативу для ЕС. Союз должен стать либо безопасной гаванью, защищающей от штормов обеспокоенных избирателей, оберегающей их от макроэкономической нестабильности и негативных проявлений глобализации, либо, потерпев неудачу, не пытаться ограничивать национальные государства в их самостоятельной роли в разрешении кризисов. ЕС должен восстановить политическое пространство на национальном и/или европейском уровне, восстанавливая таким образом и европейские политико-экономические амортизаторы шоков.

Эрик Джонс (университет Джона Хопкинса) подчеркивает огромную асимметрию между давлением национальной ответственности, которое испытывают государства, в наибольшей степени страдающие от потерь в результате кризиса еврозоны, и теми, которые меньше затронуты трудностями. Идея национальной ответственности не нашла своего места в доктрине формирования европейской идентичности на основе принципа подлинной солидарности. Пока наблюдаются признаки рыхлой конфедерации национальных государств. Евро-

пейцы могли бы идентифицировать себя с таким устройством, но вряд ли они поверят в его устойчивость. Взаимная солидарность государств Евро-союза должна быть очевидной для граждан независимо от национального экономического успеха.

Эрик Берглоф (Лондонская школа экономики, CEPR) совершает в этом разделе книги экскурс в историю. Он напоминает о той роли, которую ЕС сыграл для стран Центральной и Восточной Европы в годы транзита (прежде всего, в плане перспектив их членства в сообществе). К сожалению, возможный паралич или коллапс ЕС могут привести к тому, что хрупкие государства на Балканах и востоке Европы утратят перспективу постоянного членства. Разрушение ЕС означает для этих стран утерю этого внешнего якоря для институциональных и экономических реформ, угрожая тем самым и их успеху в будущем.

Политики ЕС

В статьях этого раздела обсуждаются специфические аспекты политики ЕС в условиях кризиса Еврозоны: неустойчивость национальных финансовых систем и слабость банковского сектора.

Сергей Гуриев (профессор экономики Института политических исследований, Париж) отмечает важность уроков посткоммунистического транзита для современного ЕС. Во-первых, для преодоления гетерогенности между членами ЕС, особенно внутри еврозоны. Это требует проведения реформ на национальном уровне во многих странах: реформы рынка труда, бюджетной и пенсионной реформ, реформы регулирования бизнеса — список можно продолжать. Во-вторых, рецессия показала необходимость завершения строительства Союза, в частности, создания Банковского союза, единой системы страхования от безрабо-

тицы, единого рынка капиталов и единой интеграционной политики в отношении беженцев. Члены ЕС должны учитывать опыт реформаторов посткоммунистических стран. Мы можем интерпретировать рост популистских партий в некоторых бывших переходных экономиках, по меньшей мере, отчасти как отрицательную реакцию людей на страдания от переходного процесса как такового. Гуриев таким образом усиливает тезис других авторов: процесс реформ подразумевает необходимую и эффективную компенсацию для проигравших от них граждан.

Чарльз Выплош (Женевский институт международных отношений и развития, CEPR) называет несколько проблем, которые, по его мнению, представляют вызов для фискального федерализма, разделяя его на два пути. Давление извне и требования по возвращению к установленным ограничениям подразумевают большую централизацию в ЕС. В то время как информационная асимметрия и неоднородность предпочтений подразумевают, напротив, децентрализацию.

Использование этих принципов в различных сферах европейской политики позволяет достигать компромиссов и тем самым политических решений. Какие-то политики, таким образом, требуют больше централизации (например, банковский союз, см. ниже), а другие — большей децентрализации (например, региональная политика).

Наиболее важная тема — чрезмерный суверенный долг, прежде всего Греции и некоторых других стран еврозоны. Линии разлома между странами кредиторами и должниками в начале 2017 года все еще не преодолены. Хотя ЕЦБ уменьшил свое давление на доходность облигаций для некоторых периферийных стран, глубинные проблемы долга не разрешены. *Патрик Хоноган* (Тринити-колледж,

Дублин и CEPR) приветствует эти меры, но считает их недостаточными. Он утверждает, что по-прежнему не существует надлежащих рамок для обращения с этим чрезвычайно высоким уровнем суверенных долгов. Политически жизнеспособный ЕС будет процветать, только если сумеет найти решение, направленное как на имеющееся сегодня наследие, так и на подобные проблемы в будущем. В заключение *Джермин Цеттельмайер* (Институт мировой экономики Петерсона, США и CEPR) предлагает обменивать доли национальных долгов на общий долг Еврозоны (страхуясь от будущих случайностей) и предлагает тем самым механизм реструктуризации суверенных долгов.

Цеттельмайер также высказывается за ограничение полномочий в принятии решений в фискальной сфере на уровне еврозоны, повышение рыночной дисциплины и снижение степени свободы национальных фискальных политик. Одно из его предложений включает создание в рамках еврозоны фискального агентства макроэкономического уровня — организации, которая получает доходы, тратит их и может заимствовать финансовые ресурсы. Доходы могут поступать от заранее согласованного регулярного источника доходов, например от корпоративного налога еврозоны и/или НДС. Расходование средств предусматривается в двух формах: публичное инвестирование, например, в трансграничную инфраструктуру, и номинально фиксированные «чеки» для национальных правительств, соотношенные с размером национального ВВП, которые правительства могут использовать по своему выбору. Такая структура будет усиливать существующие ныне механизмы стабилизации.

Между тем важный прогресс уже был достигнут в развитии банковского союза. *Рашель Эпштейн* и *Мартин Родес* (Ден-

верский университет, США) определяют этот прогресс как успех. Инновации в области страхования вкладов и несостоятельности все еще востребованы, как и разделение ответственности между ЕС и национальными властями, которое продолжает оставаться и на нынешнем этапе непрозрачным.

Роль экономической и социальной наук

В последние годы экономистов осмеивали и осуждали либо за то, что все их прогнозы оказались несостоятельными, либо за неспособность разглядеть накапливающийся гнев больших масс населения развитых стран в условиях глобализации и либерализации мира. В заключительной статье книги профессор *Торстен Бек* выступает за значительное, пусть и более скромное, присутствие экономистов в публичной дискуссии о политическом выборе. Помимо их традиционного внимания к эффективности и характеру распределения ресурсов, экономисты должны теперь больше фокусироваться на роли политической экономии в принятии политических решений, что должно сблизить их с работой политологов. Наконец, чрезвычайно важно для экономистов преодолеть рамки сугубо технократического анализа и своими советами оказать поддержку институтам, которые обеспечивают нас данными и статистикой, необходимыми для выработки эффективной политики, равно как и для открытых и информированных медиа в интересах цивилизованного и основанного на фактах дискурса, который зачастую представляется гражданам единой Европы лишенным здравого смысла.

*Перевод с английского
В. Рыжкова*

*Сергей Гурьев,
ведущий экономист
Европейского банка
реконструкции и развития,
профессор экономики
Института политических
исследований, Париж*

Политическая экономика реформ: уроки посткоммунистических стран для ЕС*

Несмотря на проблемы, Евросоюз является успешным проектом. Это единственное в истории наднациональное объединение, государства-члены которого сознательно пожертвовали значительной частью своего суверенитета и которое обеспечило мир и процветание на территории, раздиравшейся конфликтами и войнами на протяжении тысячелетий. Именно поэтому все больше соседних государств хотят присоединиться к ЕС, а мигранты и беженцы из многих стран стремятся попасть туда. В последнее время ЕС столкнулся с рядом жизненно важных проблем. Опыт глобальной рецессии конца первого десятилетия 2000-х обнаружил необходимость реформ по двум направлениям: во-первых, снижения гетерогенности между членами Союза, особенно в пределах Еврозоны, для чего придется провести реформы рынка труда, финансовые и пенсионные, в области регулирования предпринимательской деятельности и т.д.; во-вторых, завершения структурного объединения Союза — создания единого банковского пространства, единой системы страхования по безработице, объединения рынков капитала, выработки единой политики в отношении беженцев и многих других сфер деятельности ЕС.

Несмотря на очевидную необходимость реформ, их проведение замедлилось из-за последствий экономического спада. Предыдущие этапы евроинтеграции осуществлялись в условиях достаточно динамичного, стабильного и всеохватывающего экономического подъема. Теперь ситуация заметно изменилась: правительство и население обременены долгами, замедлились темпы экономического роста, некоторые страны не могут преодолеть высокий уровень безработицы, не говоря уже о ряде

** Sergei Guriev. Political economy of reforms: Lessons for the EU from postcommunist transition. In: Quo Vadis? Identity, policy and the future of the European Union. Ed. By T. Beck and G. Underhill. — London: CEPR Press, 2017. — PP. 105–112.*

стран с высоким уровнем длительной безработицы *. В условиях ограниченной возможности манёвра бюджетными средствами и медленного роста реформы, направленные на социальную поддержку, также замедлились.

Именно в это время, на мой взгляд, членам Евросоюза стоит обратить внимание на опыт реформ посткоммунистических стран в 1990-е годы, так как нынешние кризисные условия напоминают стартовые условия транзита. Во-первых, тогда стало понятно, что коммунистическая система уже неэффективна и необходимость реформ очевидна для развития. Во-вторых, большинство государств бывшего соцлагеря оказались банкротами и имели ограниченные возможности займа. В-третьих, целые отрасли экономики оказались неконкурентоспособны и была необходима их радикальная реструктуризация.

В результате реформ на посткоммунистическом пространстве большинство стран с переходной экономикой существенно сократили разрыв с Западной Европой по душевому ВВП. Согласно Докладу о переходном процессе, опубликованному ЕБРР в 2016 году, эти страны почти достигли западноевропейского уровня удовлетворенности жизнью. Однако в последние годы опросы демонстрировали низкие показатели удовлетворённости уровнем жизни населения стран, проводящих реформы, по сравнению со странами, уже завершившими переход, независимо от уровня доходов**.

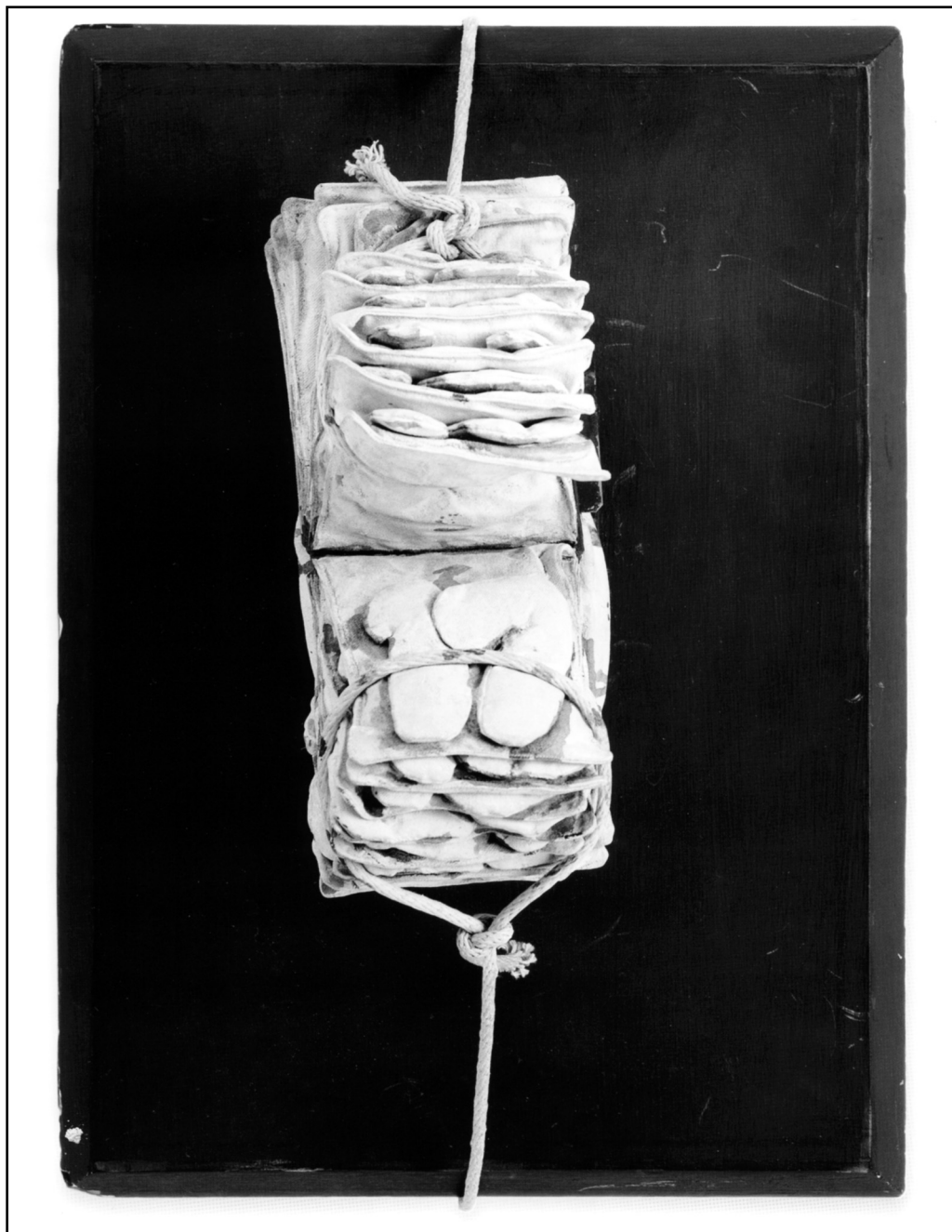
Для понимания содержания политических реформ необходимо посмотреть на проблему шире среднестатистического дохода. В Отчёте о переходном процессе за 2016–2017 (ЕБРР 2017) показана динамика различных аспектов благосостояния. Хотя изменения явно произошли, для большинства населения они не были впечатляющими. Выяснилось, что лишь 44% населения посткоммунистических стран сравнялось с жителями Западной Европы по темпам роста доходов, но их доходы росли все же быстрее, чем в среднем в странах G7.

Стоит отметить, что наиболее болезненный период реформ пришелся на 1989–1996 годы. Согласно исследованиям, в те годы лишь 10% всего населения могло похвастаться хоть каким-то ростом доходов.

Предметом наших исследований была также зависимость изменений физического состояния населения от уровня удовлетворенности жизнью. Например, обнаружилось, что перенесенные в возрасте до двух лет жизненные невзгоды негативно влияют на рост человека в дальнейшем. Замеры показали, что рост взрослых людей, родившихся в периоды социальных и экономических спадов, меньше на 1–2 см. То же самое можно наблюдать у детей в подростковом возрасте: дети, родившиеся в год нача-

* Bentolila and Jansen, 2016.

** Речь идет о так называемом разрыве переходного периода — снижении уровня удовлетворенности жизнью среди населения стран, находящихся в процессе экономических реформ. Впервые он был сформулирован в работах Deaton (2007), Sanfey and Teksoz (2007) с использованием данных «Gallup World Poll» и «World Values Survey» (WVS). Позднее об этом явлении говорилось в работах Guriev and Zhuravskaya (2009), Djankov et al. (2016) на основании данных WVS, и «Life in Transition Survey» (2006 и 2010 гг.), «Pew Global Attitudes Survey», «Eurobarometer» и «European Values Survey». Согласно исследованиям, перемены наметились в 2014 году и продолжались в 2015–2016 гг. (согласно данным «Life in Transition Survey» и «Gallup World Poll»).

Клас Ольденбург. Ежедневник на январь. 1963

ла экономических реформ, в среднем на 1 см ниже родившихся в период экономического роста. Наиболее заметно этот эффект проявляется в социально неблагополучных семьях (с низким уровнем образования и дохода), в то время как в семьях, где у родителей есть среднее и высшее образование, подобный эффект не был отмечен. Та же тенденция наблюдается и в общем уровне удовлетворенности жизнью. Люди, родившиеся в неблаго-

получных семьях в годы экономических реформ, в будущем менее удовлетворены, чем люди из благополучных и более обеспеченных семей.

В ряде стран в результате болезненных реформ к власти пришли радикально настроенные политические лидеры, которые свели на нет положительный эффект демократических преобразований или сменили политический курс, что позволило им создать коррумпированные финансовые и политические институты для обслуживания собственных интересов*. В отдельных случаях им удалось разрушить демократическую систему сдержек и противовесов, что сделало невозможным для оппозиции поставить под общественное сомнение легитимность нахождения во власти коррумпированных политиков, даже несмотря на невыполненные предвыборные обещания экономического роста.

Реформаторы ЕС в настоящее время должны вынести из этого жизненно важный урок: любые реформы, связанные с краткосрочными потрясениями и долгосрочной экономической выгодой, крайне рискованны, потому что даже меньшинство, страдающее от этих реформ, может привести к власти радикально настроенные политические группы, которые затормозят или вовсе сведут на нет весь эффект от проводимых реформ. Необходимо с самого начала учитывать интересы всех слоев населения и социальных групп не только в долгосрочной, но и в краткосрочной перспективе

Другой не менее важный урок и вопрос — вид компенсации, получаемой населением в случае безработицы. Учебники по экономике предлагают нам упрощенную и статичную картину мира, в которой человек, потерявший заработок вследствие проводимых государством реформ, получает единовременную выплату. Однако в действительности негативное влияние безработицы на человека куда более серьезно. Помимо уменьшения или потери человеческого капитала (навыков и знаний, способных приносить доход), исследователи подчеркивают негативные последствия нездорового образа жизни. Социологические опросы показывают, что негативные последствия потери работы намного превосходят негативные последствия снижения заработка при сохранении рабочих мест**.

Таким образом, становится очевидной необходимость разработки активной политики рынка труда и процесса создания рабочих мест. Это должно стать приоритетами не только для властей, но и для профсоюзов в странах, находящихся в стадии экономических изменений.

Предпринимавшиеся в последние годы усилия ЕС по снижению уровня безработицы потерпели неудачу, особенно в южных регионах. Это привело к снижению уровня доверия к европейским политическим лидерам и системе в целом, а также к увеличению числа голосов, отдаваемых за радикально настроенные партии. В недавнем исследовании мои соавторы Ян Алган, Элиас Папаиоанну, Евгения Пассари и я предприняли попытку анализа изменений уровня безработицы в европейских регионах до и после экономического спада. Для определения причинно-следственного

* См. публикации ЕБРР за 2013 год.

** Clark et al. 2016

влияния занятости населения на результаты голосования мы использовали так называемые инструменты американского экономиста Бартика*.

Было выявлено, что колебания уровня безработицы почти не влияют на уровень доверия между людьми к силам правопорядка, церкви и глобальным институтам. Однако повышение уровня безработицы приводило к снижению уровня доверия к национальным и общеевропейским политическим силам и институтам и к росту популярности радикально настроенных политических партий.

Такая же интересная закономерность была выявлена и в ходе исследования зависимости между уровнем безработицы и итогами голосования за выход Великобритании из Евросоюза во всех 379 выборных округах страны. Несмотря на гибкую трудовую политику и достаточно низкий средний уровень безработицы, в тех округах, где вследствие рецессии уровень безработицы выше хотя-бы на один процент, количество голосов на референдуме о выходе Британии из ЕС как минимум на пять процентов был больше в пользу выхода.

Евросоюзу необходимы реформы. Однако ключевым фактором их успеха является инклюзивность, включенность населения, причем с самого начала этого процесса. Инклюзивность в этом случае подразумевает не только и не столько справедливое перераспределение материальных благ, сколько пересмотр политики рынка труда и создание новых рабочих мест. Даже при условии адекватных социальных выплат безработные слои населения демонстрируют куда более низкий уровень удовлетворенности жизнью, что, в свою очередь, может привести к резкому росту привлекательности радикально настроенных политических сил в этой среде, что неминуемо приведет к торможению процесса реформ.

ЛИТЕРАТУРА

- Algan, Y., Guriev, S., Papaioannou, E., Passari E. The European Trust Crisis, mimeo, Sciences Po, Paris, 2017.
- Bartik, T. J. Who benefits from state and local economic development policies?, Upjohn Press, 1991.
- Bentolila, S. and Jansen, M. Long-Term Unemployment After the Great Recession: Causes and Remedies, CEPR Press, 2016.
- Clark, A., Fleche, S., Layard, R., Powdthavee, N. and Ward, G. Origins of happiness: Evidence and policy implications, VoxEU.org, 12 December, 2016.
- Deaton, A. Income, Health, and Well-Being around the World: Evidence from the Gallup World Poll» // *Journal of Economic Perspectives* 22(2), 2008: pp. 53–72.
- Djankov, S., Nikolova, E. and Zilinsky, J. The Happiness Gap in Eastern Europe. // *Journal of Comparative Economics* 44(1), 2016: 108–124.
- EBRD, Stuck in Transition, Transition Report 2013, London. <http://2013.tr-ebrd.com/>
- EBRD, Transition for All: Equal opportunities in an unequal world, Transition Report 2016-17, London. <http://2016.tr-ebrd.com>
- Guriev, S. and Zhuravskaya, E. (Un)happiness in Transition // *Journal of Economic Perspectives* 23(2), 2009: 143–168.
- Sanfey, P. and Teksoz, U. Does Transition Make You Happy? // *Economics of Transition* 15(4), 2007: pp. 707–731.

* Bartik. 1991

От веры в спасение к доверию

Есть в русском языке такое выражение: «Утопающий (и) за соломинку хватается». Разумеется, не в прямом, а в переносном смысле. Ведь не может же человек, который тонет, спастись, держась за соломинку.

Откуда и почему появился этот фразеологический оборот?

Ясно, что человек, попавший в безвыходное положение, стремится спастись, выбраться из него. В России, где все способы спасения, казалось бы, исчерпаны, люди тем не менее по-прежнему продолжают надеяться на «авось», держась за «соломинку».

Я обращаю на это внимание, находясь под впечатлением от названия книги «Quo Vadis? Identity, policy and the future of the European Union», изданной в марте этого года независимым Центром исследований экономической политики (CEPR Press).

«Quo vadis, Domine?» («Куда Ты идёшь, Господи?») — спросил, согласно преданию, Иисуса Христа апостол Петр во время гонений императора Нерона на христиан. «За то, что ты оставил Мой народ (почти все христиане в Риме были убиты по приказу императора после пожара), Я иду в Рим на второе распятие», — сказал Иисус. Апостол попросил разрешения у Господа идти с Ним. После прибытия в Рим Пётр был распят вниз головой, приняв мученическую смерть.

В старославянском переводе фраза «Камо грядеши?» (так называется исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича, за который он получил в 1905 году Нобелевскую премию) предлагает задуматься, правильно ли человек живёт, туда ли идёт в своей жизни.

Символично, что упомянутая книга европейских экспертов была издана накануне 60-летия подписания Римских договоров 1957 года о создании ЕЭС и Евратома. Римская декларация, подписанная 25 марта 2017 г. лидерами 27 стран Евросоюза, подтвердила их желание и дальше крепить единство ЕС.

*Юрий Сенокосов,
основатель Школы
гражданского просвещения*

Арнальдо Помодоро. Сфера. 1966

Столь же символично, что 4 апреля, то есть фактически спустя 10 дней после подписания Декларации президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер, выступая перед евродепутатами в Страсбурге, сказал: «Мы, немцы, хотим, чтобы Европейский союз остался единым, хотим строить общее будущее... Вместе с на-

шими партнерами, большими и малыми, мы разделяем равные права и равные обязанности».

И дальше: «Если мы хотим быть маяком в соблюдении верховенства закона и прав человека в мире... Европа не должна молчать, когда страдает гражданское общество или наука».

Авторским коллективом книги «Quo Vadis?» был предпринят многоаспектный анализ кризиса Евросоюза и его экономической политики. Однако не менее важно обсуждение исторических предпосылок и мировоззренческой основы кризиса.

В статье «О нашей революции», ссылаясь на Наполеона, Ленин писал: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там видно будет» (On s'engage et puis... on voit...).

«Серьезный бой», разумеется, не «соломинка». Но какова контаминация! Буквально через 4 года, как это было написано, в романе известных советских писателей-сатириков Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» (1927 г.) появилась фраза, ставшая в СССР популярной: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Это пародия на слова Маркса в пересказе Ленина, часто цитировавшиеся советской пропагандой тех лет: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». В оригинале у Маркса в «Общем уставе Международного товарищества рабочих» (1871): «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом».

Идея освобождения рабочего класса от эксплуатации с помощью диктатуры пролетариата, сменившая идею «Москвы — Третьего Рима» (религиозного спасения страны по-византийски), привела в России в 1917 году к победе коллективной надежды на «авось». И именно тогда, а не после распада СССР, как заявил президент Путин, произошла действительно крупнейшая геополитическая катастрофа XX века. Как сказано в Евангелии от Матфея: «и не думали, пока не пришел потоп»¹.

Об этом стоит напомнить, потому что через полтора месяца после того как 26 декабря 1991 года было объявлено о прекращении существования СССР, 7 февраля 1992 года был подписан Маастрихт-

ский договор, положивший начало Европейскому союзу. Удивительно... Страна-победитель в Великой Отечественной войне распадается, а побежденная страна и Франция становятся локомотивом объединения Европы.

Однако 25 лет спустя в результате глобального социально-экономического кризиса, демонстрации национальных амбиций, угроз терроризма и растущей иммиграции Евросоюз, Россия и весь мир снова переживают отнюдь не лучшие времена.

Существует ли какая-то альтернатива, способная исправить ситуацию, учитывая, что все мы сегодня, оставаясь де-юре гражданами суверенных государств, являемся де-факто уже гражданами планеты Земля с населением более 7 миллиардов человек? Когда одновременно растет воздействие человека на природную среду, сопровождающееся изменением климата, истощением природных ресурсов, техногенными катастрофами.

О последствиях этих вызовов и угроз, порождаемых глобализацией, можно судить по распространению в мире современных спасательных служб, благотворительных фондов и т. п. Однако очевидно, что для их преодоления необходимы не только общественные инициативы и сотрудничество государств, но и доверие между адептами разных религий, которые по-разному верят в спасение. В том числе между приверженцами христианства (католиками, православными, протестантами), не говоря уже о приверженцах ислама, второй по численности после христиан группе верующих в мире. Согласно демографическому прогнозу американского исследовательского центра Pew Research Center, к 2050 году общее население Земли вырастет до 9,3 млрд человек, а число мусульман будет почти равно числу христиан (30% и 31% от общей численности человечества соответственно).

Вопрос: может ли в условиях грозящей экологической катастрофы и морально-го кризиса спасение как религиозная идея стать интеллектуальной альтернативой кризису? Ответ, на первый взгляд, очевиден: скорее всего, нет. Именно потому, что представители разных мировых религий (иудаизма, христианства, ислама, буддизма) верят в спасение по-разному.

Религиозное понятие спасения, утверждают историки религии, принадлежит европейской культуре, в которой оно было укоренено благодаря христианству. Спасать нужно свою душу от духовной смерти, говорят его адепты.

Удерживая ветхозаветное понимание спасения, христианство, по словам С. Аверинцева, русского историка культуры и библеиста, одухотворяет его, хотя и здесь оно мыслится как духовно-телесное, поскольку включает в себя воскресение и просветление тела.

Спасение — это не просто спасение от смерти и греха, но и спасение для «обновления жизни», «жизни во Христе», для свободы (от закона и от греха); это «оправдание», «святость», «мудрость», это вера, надежда, любовь. Оно требует для своего абсолютного завершения «вечной жизни».

Что же касается других религий, то в их языке понятие спасения либо отсутствует (как, например, в буддизме и индуизме, где оно понимается как свобода от кармы, освобождение от окружающей жизни, осознанное преодоление желаний, привычек), либо, как в иудаизме, присутствует, но не как спасение от «вечной смерти» (отделение от Бога), а от трудностей, забот и суеты повседневной жизни. Для мусульман же благая весть Корана заключается в том, что люди при сотворении были наделены неиспорченной природой и истинной религией, и тем самым уже были спасены. Тогда как в христианстве Бог из

любви к людям приблизился настолько, что сам стал человеком, воплотившись в Иисусе, чтобы смертью искупить грехи человечества. Потому что Бог «хочет, чтобы все люди спаслись»² и поэтому послал Своего «Сына Спасителем миру»³.

Верить в Христа-Спасителя, следовать заповедям Христа, быть Им — и есть путь спасения в христианстве.

Трудно себе представить, чтобы идея религиозного спасения могла стать в наши дни альтернативой продолжающемуся кризису, хотя о ней нередко говорят сторонники межрелигиозного диалога. Готовности к такому диалогу явно нет. А что есть? Во-первых, понимание важности для его начала представления о мировом религиозном опыте как достоянии всего человечества и вкладе каждой религии в этот опыт. Во-вторых, есть память о последствиях Второй мировой войны и коллективных усилиях по их преодолению благодаря появившимся таким международным организациям, как ООН и Всемирный совет церквей. И, в-третьих, есть знание о глубине и сложности глобальных проблем и их последствий для будущего.

Это — наше наследие и интеллектуальный ресурс, которыми мы обязаны профессионально распорядиться, предлагая видение прошлого и настоящего во имя будущего.

Процесс христианизации народов Европы, продолжавшийся 17 столетий, после эпохи Реформации не мог не привести к секуляризации общественного сознания, в результате которой религия стала заметно терять свое былое влияние на жизнь общества и отдельной личности. Но, определяя новую общую тенденцию, секуляризация не подрывала веры в Иисуса Христа. В этом убеждают, в частности, письма одного из отцов-основателей США Томаса Джефферсона, который отвергал догмат Святой Троицы — хри-

стианский символ веры, иронизируя на тему невозможности равенства одного трем. «Три есть один, один есть три, но в то же время один не есть три, а три не есть один... Все это составляет ремесло, профессию, власть и доходы священников-шарлатанов»⁴.

При этом он утверждал, что «из всех систем морали самая чистая — учение Иисуса»⁵. То есть Джефферсон видел в Иисусе Христе скорее учителя морали и социального реформатора, чем Бога. «Его [Иисуса] моральное учение продиктовано любовью ко всем людям... ко всему человечеству, собирая всех в единую семью, связанную узами любви, милосердия, мира, общих нужд и общих целей»⁶.

Едва ли кто-то до Реформации написал бы нечто подобное. Приведенная цитата уже плод века Просвещения, и написано это выдающимся политиком, который, конечно, помнил и понимал, почему первые переселенцы (диссиденты) из Англии отправились в 1620 году в Америку. «Существуют права, которые не имеет смысла передоверять правительству и которые все правительства до сих пор всегда стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно или письменно; это право свободной торговли; это право личной свободы и неприкосновенности»⁷.

И еще: «Нет, друг мой, — писал Джефферсон в 1816 году, — верный способ получить хорошее и безопасное правительство — это не доверять всего управления одному человеку или правительству, но разделять его между многими».

В этой фразе самое важное слово «разделять», напоминающее о проблеме разделения властей, которой отцы-основатели США придавали первостепенное значение, выстраивая свою систему сдержек и противовесов. А с другой стороны, отсы-

лающее к истории борьбы за разделенную власть английских баронов, заставивших, как известно, в июне 1215 года Иоанна Безземельного скрепить королевской печатью Великую хартию вольностей. Знаменитая 39-я статья Хартии гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона... и мы [король] не пойдем на него и не пошлем на него кого-либо иначе, как по законному праву равных...».

Этой статьей английские бароны в XIII веке фактически заставили своего короля (хотя и не надолго) признать, что он *первый*, но *среди равных ему*.

Считается, что первым среди равных (лат. *primus inter pares*) называли когда-то Цезаря в Древнем Риме, что означало первенство среди таких же достойных граждан Рима. Однако речь идет не о том, что кого-то выбирали и называли когда-то первым. То время прошло. Речь о борьбе за равноправие — важнейшем принципе современной демократии, согласно которому все граждане равны перед законом, и вере в достижение такого равенства. То есть, по сути, о понимании христианского символа веры, в котором заключена историческая тайна смысла либеральной демократии, как становления современных общественных институтов.

В ходе начавшейся в Европе борьбы за разделение властей их «единство» и «прозрачность» будут достигаться постепенно на основе формально близкой к догмату Святой Троицы мыслительной схемы. А именно — со временем станет понятно, что, обладая свойством непрерывности, христианская история существует в долговременном мышлении благодаря постоянной интерпретации заложенных в ней смыслов, исходный пункт которых может быть описан, выражаясь словами Августина, через единость, *uni-*

Марио Сирони. Композиция. 1958

tas (Бог-Отец), равенство, *aequalitas* (Бог-Сын) и согласие, *concordia* единости и равенства (Бог-Дух Святой) — во имя земного спасения. Поскольку единость, равенство и согласие существуют не сами по себе, а ради Другого: все едины ради Отца, равны ради Сына и соединены ради Святого Духа.

Фактически Августин в трактате «О христианском учении» через эти отношения (единства, равенства и согласия единства и равенства), пишут авторы книги «Пути к универсалиям» Светлана Неретина и Александр Огурцов, дал своеобразное определение Бога, используя аристотелевскую категорию отношения, которым «называется то, о чем

говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим». Но «человек, к которому также применимы эти отношения, никогда не будет выражать их полное тождество...»⁸.

В истории любого народа в переломные эпохи многое, если не все, определяет человеческие страсти, находящие разрешение в исторических символах — идет ли речь о борьбе народа за независимость или за его гражданские права и политические свободы. В сущности, два этих символа — национальный суверенитет и права человека — и подсказывают нам выход из переживаемого сегодня кризиса, при условии переосмысления понятия «суверенитет».

Дословно определяемый как «господство верховной власти» суверенитет предполагает исторически сложившуюся коннотацию с иерархией и главенством, поскольку уже в самом понятии власти, определяемой как «право господства», ощущается дух метафизического единства. Поэтому можно предположить, что когда мы рассуждаем на эту тему, пишет Бедри Генчер (Технический университет, Стамбул), мы употребляем слово «право» во множественном числе лишь фигурально. Ибо в священных текстах, в частности, в Коране, «право» всегда упоминают в единственном числе и с определенным артиклем: это призвано подчеркнуть единство и неделимость Права⁹.

И то же самое мы видим в европейской истории с одной существенной оговоркой: здесь в XIII веке понятие «разделение властей» вступило в конфликт с понятием «верховная власть», с «божественным правом королей».

Если рассматривать власть как структуру, конфигурация которой обусловлена социально, говорится в статье Б. Генчера, то в трехчастном разделении властей можно увидеть доктринальное выражение конкуренции в Европе трех социальных сил — теологической, политической и общественной, которым соответствуют папство, монархия и феодализм. При более подробном изучении этого вопроса, пишет он, мы обнаруживаем явную параллель между Божественной Троицей и троичным делением власти, цитируя при этом политического теолога XVII века Джона Сэдлера (John Sadler), автора книги «Rights of the Kingdom», изданной в Лондоне в 1649 году: «Почему же Святая Троица не может найти свое воплощение в политическом теле так же, как она воплощается во всем живом?». Современный политический философ Морис Вайль высказывает

аналогичную мысль: «Даже не опираясь более на авторитет священных текстов, нельзя не отметить, что в трехчастном методе организации власти есть что-то мистическое»¹⁰.

Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную предложил Джордж Лоусон, книга которого «Politica Sacra and Civilis» (1660) получила высокую оценку Локка. Но Лоусона в отличие от Локка интересовала природа разделенных властей, а также их соотношение с Богом-Отцом, Богом-Сыном и Богом-Святым Духом, а не их соотношение друг с другом и независимость друг от друга. То есть эта доктрина «предполагала соразмерное использование верховной власти каждой из ипостасей триединого Бога и тем самым членение верховной власти по горизонтали». А Локк подходил к проблеме с позиции привычного, существующего представления о вертикальном разделении властей (на законодательную, верховную и исполнительную), что позволило ему примирить неделимость суверенитета с разными вариантами его использования. Суверенитет означал для него верховенство и единство власти, переданной Богом народу, а от народа правителю посредством серии договоров.

Между тем, в книге французского католического философа Жака Маритена (одного из авторов Всеобщей декларации прав человека) «Государство и человек», изданной вскоре после Второй мировой войны, когда закладывались основы будущего Европейского союза, читаем: «Два понятия — «суверенитет» и «абсолютизм» — были когда-то выкованы вместе, на одной наковальне. И оба их следует отбросить»¹¹. Почему?

Свой анализ исторического контекста, в рамках которого произошло отождествление двух названных понятий, Маритен начинает со следующего замечания:

слова *principatus* и *suprema potestas* часто переводят как «суверенитет», а *princeps* (государь) — как *суверен*. «Это неверный перевод, запутывающий дело с самого начала. *Principatus* (господство) и *suprema potestas* (верховная власть) обозначают просто “верховную управляющую власть”, а вовсе не “суверенитет”, как считалось с того момента, когда это понятие впервые появилось в словаре политической теории. Наоборот, слово “суверенитет” переводилось латинским *majestas* (величие, авторитет)…, что было хорошо известно во времена Жана Бодена».

Сочинение Бодена «Шесть книг о республике», опубликованное в семидесятые годы XVI века, было посвящено ограничению монархии. А его основной аргумент сводился к тому, что зарождение монархии было вызвано развитием человеческого общества. Именно Боден сформулировал понятие суверенной власти, заявив, что верховная власть не равнозначна собственности.

Таким образом, не *величие и авторитет*, освященные суверенностью Бога или Божественным правом, а суверенитет — в смысле светского законодательства, устанавливаемый по произволу человека, составляет, по Маритену, сущность политического абсолютизма. Тогда народ лишается власти и становится подданным, а суверенный государь являет собой некий образ Бога, отделенный от политического целого. Согласно этой доктрине, монархия — институт божественного происхождения, и, следовательно, наследственное, божественное право нельзя отменить. Но в таком случае, говорит Маритен, либо суверенитет ничего не значит, либо он означает отдельную и трансцендентно выделенную верховную власть, находящуюся над всеми подданными и управляющую политическим сообществом свыше. Ибо эта власть абсолютна

(absolute — то есть не связана) и, в конечном счете, не ограничена по объему и сроку.

После заключения в 1648 году Вестфальского мира, когда государство было признано непререкаемым гарантом внутреннего порядка, наделенным тем самым правом ведения внешней войны, концепция суверенитета как абсолютной власти монарха нашла, как известно, международное признание.

Однако по мере того как выявлялись связанные с этим практические проблемы, относящиеся к области международного права (на Венском конгрессе 1814 года европейские державы пришли к выводу, что ради международной стабильности надлежит отказаться от догмата Вестфальской системы о нерушимости государственного суверенитета), дискуссии о суверенитете стали приобретать все более острый характер. Наконец в начале XX века был поставлен вопрос: кто является подлинным носителем суверенитета — международное сообщество в целом или отдельные государства?

Так средневековая идея «божественного (справедливого) права», переосмысленная в эпоху Просвещения в терминах гражданских прав и свобод, постепенно выходила за государственные границы, сохраняя при этом свое символическое значение, в том числе в рамках трехчастной структуры независимой судебной власти.

Исторический опыт XX века показал несостоятельность односторонних прогнозов относительно дальнейших судеб религии: либо ее отмирания, либо возрождения. Сегодня очевидно: влияние религиозной веры на общественную жизнь все более усиливается в странах ислама, тогда как в христианских странах доминирует философская вера. В Европе это произошло в результате перехода от общества, регулируемого преимуще-

ственно религиозной традицией, к светской модели общественного устройства на основе рационального познания (от лат. *ratio* — разум; мера; счет; отношение, в том числе между конечным и бесконечным).

«Несмотря на проблемы, — пишет Сергей Гуриев, один из авторов книги «*Quo Vadis?*», — Евросоюз является успешным проектом. Это единственное в истории наднациональное объединение, государства-члены которого сознательно пожертвовали значительной частью своего суверенитета и которое обеспечило мир и процветание на территории, раздираемой конфликтами и войнами на протяжении тысячелетий. Именно поэтому все больше соседних государств хотят присоединиться к ЕС, а мигранты и беженцы из множества стран стремятся попасть в ЕС».

Сущность человека не в человеке, а в общении. Потому что человек как вид множествен, и его сущность не есть некий автономный факт, она проявляется в той мере, в какой человеческая личность поддерживает и сохраняет общение.

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к [угождению] плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: любите ближнего своего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом»¹².

Нет сомнения, что эти слова апостола Павла из Послания к галатам актуальны и в наши дни. Истина проверяется в общении, и если она вызывает конфликты и порождает насилие, то только потому, что к ней относятся как к формальному выражению мыслей, имеющему нечто вторичное по отношению к самой мысли.

В начале XXI века вера в эффективность государств и их суверенитет фактически исчезают. Насколько самостоятельны

современные государства и каковы пределы их дееспособности? Могут ли они в одиночку обеспечивать благосостояние и безопасность граждан, охранять границы, регулировать экономическую деятельность, предотвращать финансовые кризисы, оберегать здоровье людей и противостоять опасности экологической катастрофы?

Можно ли выбраться из социальной ловушки, когда в обществе нет традиции доверия и правовой культуры, ограничивается гражданская активность, нет равенства?

В течение последних четырех столетий в странах Запада произошло не менее 10 революций, и сегодня все они сошлись в одну, глобальную, с ее вызовами и угрозами, и главной проблемой доверия не только человека человеку, государства государству, но и к современным достижениям науки и техники в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Евангелие от Матфея, (24: 39)
- 2 (1 Тим. 2:4)
- 3 (1 Ин. 4:14)
- 4 Томас Джефферсон о демократии. — СПб., 1992. // Из письма Дж. Адамсу от 22 авг. 1813.
- 5 Там же. // Из письма У. Шорту от 31 октября 1819
- 6 Там же. // Из письма Б. Уотерхаузу от 26 июня 1822
- 7 Там же. // Из письма Д. Хамфрису. 1789 г.
- 8 Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб, 2006. С. 187.
- 9 Bedri, G. Sovereignty and the Separation of Powers in John Locke // *The European Legacy*, 2010. Vol. 15, № 3, pp. 323–339.
- 10 M.J.C. Vile. *Constitutionalism and the Separation of Powers*. 2nd ed. — Indianapolis, Liberty Fund 1998 — P. 16.
- 11 Маритен Ж. Государство и человек. М., 2000. С. 56.
- 12 Гал. 5:13–15.

*Галина Денисова,
доктор социологических наук,
профессор Института
истории и международных
отношений
Южного федерального
университета,
г. Ростов-на-Дону*

Конструирование гражданской идентичности в системе образования

Смена приоритетов в отношениях государство — гражданин

Конструктивистский подход рассматривает идентичность как результат информационного воздействия и культурной актуализации. Переход России в 1990-е годы к принципам рыночной экономики и созданию основ правового государства обусловил необходимость формирования гражданской идентичности как структурного компонента общероссийской идентичности. Гражданская идентичность – это ценностное измерение гражданства как правового статуса по отношению к государству; это не только причисление себя к определенной политике (политическому сообществу – нации), а потому и знание о своих правах, но и обязательство и установка на участие в жизни сообщества (нации).

Гражданская идентичность имеет «искусственный» характер, то есть сознательно формируется в результате информационного воздействия и выбора социально значимых референтов. В советском обществе гражданство понималось как подчиненность государству, его целям и интересам. Задачи реализации демократических преобразований политической системы, утверждения частной собственности и развития рыночной экономики потребовали иного качества гражданина как активного субъекта формирования государства, которое в свою очередь служит защите интересов индивида. В этом контексте в качестве референтных выступали демократические модели политической культуры стран Запада. Поэтому создание институциональных основ конструирования гражданской идентичности в России было ориентировано на опыт этих стран.

В 90-е годы были заложены институциональные основы демократического гражданско-правового пространства новой России: принята Конституция РФ (1993 г.), второй раздел которой раскрывает права, свободы и ответственность гражданина; в 1993 г. была создана в качестве консультативного органа Комиссия по правам чело-

века при Президенте РФ, в 2004 г. она была преобразована в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. В 1998 г. был назначен первый уполномоченный по правам человека (омбудсмен) в России. Согласно Конституции РФ, в части защиты гражданских прав и свобод в России признается приоритет норм международного права: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Это положение касается также универсальных и региональных договоров в области прав человека.

Однако эксперты отмечают «отсутствие у широких масс» в России в 1990-е годы не то чтобы ценностей, но элементарных знаний и адекватных представлений о демократических институтах и правах человека. Результаты опросов показывали, что ни педагоги, ни школьники не могли назвать такие институты защиты прав человека как Совет Европы и Европейский суд по правам человека¹.

Цели гражданского образования: европейское видение

Вхождение России в Совет Европы, а также в Болонский процесс, актуализировали проблему правового просвещения и образования, прежде всего в средней школе. Референтом модели гражданина стала концепция гражданского образования, разработанная и методически обеспеченная в странах Совета Европы. В ее разработке принимали участие и российские эксперты.

По мере развития интеграционных процессов в странах Совета Европы были созданы межгосударственные образовательные методические организации, которые занимались разработкой и согласованием единой концепции социализации молодежи на основе общеевропейских гражданских ценностей, например, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ ОБСЕ), Ассоциация по обучению в области прав человека (Human Rights Education Associates — HREA), Центр политики в области прав человека им. Карра при Школе управления им. Кеннеди (Гарвардский университет), Европейский центр Вергеланда (Норвегия); а также национальные центры, например: Федеральный центр гражданского образования Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования (РФ), Датский институт прав человека (Дания), Немецкий институт по правам человека (Германия) и др.

Основополагающие ценности, которые служат платформой европейского гражданского образования, зафиксированы в Хартии Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека². В 1997 г. Совет Европы выдвинул программу воспитания демократической гражданственности (EDC), разъясняющую понимание сущности «ответственного гражданина», которого должна формировать школа. В это понятие входят: понимание прав человека и демократии, кри-

тическое мышление, партнерство, культурная толерантность, социальная активность. Эта трактовка была рекомендована Еврокомиссией всем странам Совета Европы для разработки национальных стратегий образования. Развитие гражданского образования, особенно в области прав человека, является частью Всемирной программы ООН по образованию в области прав человека (первый этап: 2005–2009).

Следует отметить, что система школьного образования рассматривается как основная при подготовке детей и молодежи к пониманию, осознанию и отстаиванию прав человека. Государства-участники ОБСЕ признали необходимость просвещения молодежи в этой сфере и введение в школьное образование соответствующих образовательных курсов. Эти позиции были закреплены в ряде юридических документов.

В этих рамках была разработана Молодежная программа по образованию в области прав человека Директората по делам молодежи и спорта Совета Европы, в которой определена цель такого образования: «утверждение равенства человеческого достоинства в сочетании с другими программами, в частности, поддерживающими межкультурное обучение, активное участие в жизни общества и расширение прав меньшинств»; а также создание социальной среды, в которой уважаются права человека. Эти цели были конкретизированы в ряде задач, сформулированных в основополагающем методическом пособии Совета Европы по гражданскому образованию и просвещению «Компас».

Введение гражданского образования в России

Научная, педагогическая и гуманитарная общественность в России в 1990–2000 годы XXI века активно включилась в разработку методологии образования в области прав человека и применения европейского опыта в российской системе образования. Им были посвящены различные научно-педагогические форумы. Общая тональность обсуждения проблем — необходимость введения просвещения и образования в сфере гражданских прав и свобод, которое трактуется как не юридическое, а гуманитарное, направленное на формирование отношения к правам человека как к высшей ценности современного общества. Оно включает систему «морально-этических принципов, норм, установок; систему философских, мировоззренческих категорий; систему гуманистических национальных норм, воззрений, традиций и социальной практики конкретных сообществ (отношения, поведение, образ жизни)»³. Оно строится в соответствии с принципами, сформулированными в Декларации ООН об образовании и подготовке в области прав человека (2011г.) и охватывает: а) образование по правам человека (обеспечение знания и понимания норм и принципов прав человека, лежащих в их основе ценностей и механизмов их защиты); б) образование через права человека (учение и преподавание такими методами, при которых уважаются права как преподавателей, так и обучаемых); в) образование во имя прав человека (наделение индивидуумов возможно-

стями пользоваться своими правами и осуществлять их, а также уважать и поддерживать права других)⁴.

Однако несколько попыток уполномоченного по правам человека в РФ с предложением к высшим должностным лицам РФ (2000, 2001, 2004 гг.) о разработке и принятии Федеральной программы просвещения и образования в области прав и свобод человека не увенчались успехом. В этой ситуации инициативная группа разработчиков программы под руководством профессора А. Ю. Сунгурова всю проблематику прав человека включила в более широкий проект государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2010 годы». Но и этот проект был отклонен на уровне Министерства образования РФ с объяснением, что вся эта проблематика реализуется в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы»⁶.

Задачи правового образования соответствуют нормативной базе в сфере образования, разработанной в 1990–2000-е годы, включая Федеральный Закон «Об Образовании в РФ», принятый в новой редакции, где утверждаются следующие принципы: «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье»⁵.

Однако анализ практики воплощения выдвинутых высоких целей, с точки зрения их перевода в конкретные образовательные стандарты, показывает несоответствие между декларациями и фактическими условиями их реализации. Экспертная оценка деятельности официальной системы образования России в сфере гражданского образования, направленного на формирование гражданственности и социальной активности (согласно Федеральному Закону «Об Образовании в РФ»), показывает, что она направлена на формирование основ правового (юридического) обучения, а не просвещения (или образования) в области гражданских прав и свобод⁶.

Тем не менее, в российских школах система гражданского образования имеет не только форму образовательного курса по основам права, но и внеаудиторной воспитательной деятельности, выходящей за границы юридических знаний — в сферу формирования гражданской активности. В конце 90-х г. возник проект «Гражданин», и уже с 2001 г. на этой основе Министерство образования и науки РФ ежегодно проводит акцию «Я — гражданин России», направленную на проявление активной гражданской позиции школьников. Систематически проводятся всероссийские олимпиады учащихся по проблематике гражданского общества. Издаются учебные пособия и дидактические материалы, выпущенные в помощь школьным учителям, созданы различные сообщества педагогов, занимающихся вопросами гражданского образования (например, Российский фонд правовых реформ, Фонд парламентаризма, Молодежный центр по правам человека, Ассоциация «За гражданское образование», Центр гражданского образования и др.). Правительство РФ в 2009 г. приняло федеральную про-

Туллио Крали. Футуристический полет. 1929

грамму «Гражданское образование и светское воспитание населения Российской Федерации», нацеленную на формирование гражданской культуры личности.

И все же до настоящего времени отсутствует единство в понимании ценностных оснований гражданского компонента образования. Кроме того, сам образовательный процесс, в который включены базовые знания гражданского профиля, имеет абстрактно-теоретический и учебный характер. Возникает удивительная ситуация: основное большинство школ участвует

в конкурсе «Я — гражданин России» (о чем свидетельствуют сайты школ), почти все участники являются дипломантами этого конкурса за тот или иной год; в школах, судя по презентациям, выложенным в сети Интернет, учащиеся активно участвуют в разработке и реализации социальных проектов; и одновременно, по данным социологических исследований, до 80% опрошенных учащихся выпускных классов склонны к аберрантности⁷, а, например, на ЕГЭ, на протяжении ряда лет прибегали к различным мошенническим схемам. Та же ситуация наблюдалась и в образовательных практиках студентов⁸.

Общественная инициатива в сфере гражданского просвещения: российский опыт

Возникшие различия в интерпретации цели и смысла гражданского просвещения между либерально-демократической научно-педагогической общественностью и официальными бюрократическими структурами управления образования обусловили самостоятельную разработку общественными научно-педагогическими организациями и активистами программ гражданского просвещения молодежи и педагогических кадров. Этому способствовали зарубежные образовательные фонды, целью которых являлось распространение ценностей права и правового просвещения. В своей деятельности они руководствовались официальными документами ООН (План действий на Десятилетие образования в области прав человека ООН (1995–2004 годы); Документ ООН А/49/184 от 23 декабря 1994 года; Пересмотренный проект плана действий на первый этап (2005–2007 годы) Всемирной программы образования в области прав человека; Документ ООН А/59/525/Rev.1 от 2 марта 2005 года). В этом русле была разработана концепция общественно-активной школы (ОАШ), которая сегодня реализуется в 80 странах мира, а в России стала развиваться с 1996 г. при поддержке Фонда «Новая Евразия» (ФНЕ) и распространена в настоящее время в 26 регионах РФ. Переход школы на систему принципов Совета Европы обучения демократической гражданственности (ОДГ) в значительной степени меняет содержание деятельности школы, так как требует ее организационной перестройки, прежде всего, в системе ее управления и взаимодействия с внешней средой. На это указывают, в частности, эксперты ОАШ, подчеркивая, что демократизация школы как высший этап развития социально-активной школы невозможен «без изменения принципов построения взаимодействия внутри школы и с внешней средой»⁹.

Поэтому реализация таких преобразований возможна с переходом школы на принципы автономии. К тому же новый федеральный образовательный стандарт (ФГОС), введенный в 2012 г., предоставляет школе большие возможности в выборе содержания и форм воспитательной и образовательной работы. Однако и в этой ситуации требуются определенные финансовые ресурсы. Так, развитие движения ОАШ опиралось не только на энтузиазм учительского корпуса и директоров школ, но и на грантовую под-

держку созданных Фондом «Новая Евразия» ресурсных центров, которые оказывали финансовую, научную, методическую, информационную поддержку. Анализ эффективности реализации проекта ОАШ показывает, что до 50% школ-участников проекта по окончании финансирования конкретного проекта уходят из него. Эксперты также отмечают, что оптимальной моделью самоорганизации движения ОАШ является горизонтальная сетевая структура. Однако в реальной практике утверждается «вертикальная» структура: взаимодействие школ опосредуется ресурсным центром, который и финансирует тот ли иной проект¹⁰.

Эффективными оказываются малые (частные) проекты, ориентированные на развитие партнерства и сотрудничества школы с внешней средой, например, проведение ежегодных благотворительных марафонов с целью привлечения внимания к какой-либо актуальной проблеме, поддержка гражданских инициатив, направленных на продвижение людей с инвалидностью к независимости, школы подготовки волонтеров и др. Системные практики преобразования школы, ее переход на новые принципы функционирования с целью демократизации вызывают наибольшие затруднения, и, по оценкам экспертов, не реализуются. Предлагаемые различными учреждениями проекты демократических школ экспертами оцениваются не как модель, а как «набор из трех принципов, а остальных компонентов модели нет»¹¹.

Другой опыт представляют инициативы творческих коллективов школ, которые направлены на самостоятельную деятельность по реализации европейской модели ОДГ при методической поддержке различных общественных организаций. В частности, городская общественная организация «Центр гражданского образования и прав человека» (г. Пермь) на протяжении ряда лет при финансовой поддержке Европейской комиссии Евросоюза проводила просветительские семинары для учителей и учащихся школ по обучению правам человека как составной части конструирования гражданской идентичности. Кроме этого, проводились социологические исследования, направленные на выявление мотивации и эффективности такого обучения. Анализ опросов показал, что явное большинство педагогов не готово к ценностному восприятию этого направления деятельности: «уровень профессиональных и личностных компетенций учителей в среднем можно оценить как достаточно низкий. Самое «западающее» звено — непонимание гуманитарного потенциала прав человека. Следствием становится как недостаточно глубокое знакомство детей с содержанием предмета, так и недостатки в формировании общечеловеческих ценностей»¹².

Развернутые опросы по теме реализации гражданских прав в образовательных учреждениях города Перми показали, что за период реформирования российской школы пока не удалось создать образовательное пространство, где были бы защищены права ребенка от различных форм насилия, унижения человеческого достоинства¹⁴. Более того, в наибольшей степени различные формы унижения ребенка со стороны учителей распространены в начальной школе.

Таким образом, можно говорить о том, что в российской системе образования на уровне образовательных учреждений на сегодняшний день не

создана инфраструктура формирования навыков гражданственности. Инициативы общественных организаций и школ в освоении европейского опыта гражданственности реализуются в сфере дополнительного (факультативного) образования и просвещения, как правило, общественными активистами и правозащитниками. Однако они имеют в целом не системный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Образование в области прав человека в России, включая образование в области профилактики ВИЧ/СПИДа: аналитический отчет / Под ред. А. Я. Азарова. — М.: Московская школа прав человека, 2008, С. 12.
- 2 Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека (принята министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы в рамках рекомендации CM /Rec (2010) 7 11.05.2010 [Электронный ресурс: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680489512>] (дата обращения: 20.05.2016).
- 3 Образование в области прав человека в России, включая образование в области профилактики ВИЧ/СПИДа: аналитический отчет / Под ред. А. Я. Азарова. — М.: Московская школа прав человека, 2008, С. 81.
- 4 Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека (принята резолюцией 66/137 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 2011 года) [Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hr_education.shtml] (дата обращения: 21.05.2016).
- 5 Образование в области прав человека в России, включая образование в области профилактики ВИЧ/СПИДа: аналитический отчет / Под ред. А. Я. Азарова. — М.: Московская школа прав человека, 2008, С. 27.
- 6 Об образовании в Российской Федерации: Ф3N 273 от 29.12.2012 [Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174] (дата обращения: 5.06.2016).
- 7 Образование в области прав человека в России, включая образование в области профилактики ВИЧ/СПИДа: аналитический отчет / Под ред. А. Я. Азарова. — М.: Московская школа прав человека, 2008, С. 72–82.
- 8 Швандерова А. Р. Аберрантные диспозиции в повседневных практиках учащейся молодежи в условиях общества риска: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. соц.н. — Ростов-на-Дону, 2011. 27 с.
- 9 Нервное окончание школы — заставят ли коррупция и подлоги на ЕГЭ пересмотреть реформу образования [Электронный ресурс: <http://www.ltv.ru/news/social/178854>] (дата обращения: 19.02.2016).
- 10 Общественно-активные школы в России: объединяем усилия [Электронный ресурс: http://www.socmech.ru/files/library/reports/rep/2008_assessment_grant_program.pdf] (дата обращения: 21.05.2016).
- 11 Общественно-активные школы в России: объединяем усилия [Электронный ресурс: http://www.socmech.ru/files/library/reports/rep/2008_assessment_grant_program.pdf] (дата обращения: 21.05.2016).
- 12 Там же.
- 13 Суслов А. Б., Черемных М. В. Обучение правам человека в школе: проблема мотивации учителей-обществоведов. — Пермь: Изд-во Богатырев П.Г., 2009, С. 14.
- 14 Права человека в школах Пермского края. Итоговый отчет о проведении мониторинга / Под ред. А. Б. Сулова. — Пермь, 2014, с. 48–52.

Свобода и безопасность – российская дилемма

Андрей Солдатов, Ирина Бороган, журналисты

Статья подготовлена на основе книги: Андрей Солдатов, Ирина Бороган. Битва за Рунет. Как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас. — Издательство «Альпина Диджитал», 2017.

Советский подход к контролю за населением был выработан в 1930-е годы и на протяжении десятилетий существовал практически без изменений. Он не был основан на технологиях: чтобы установить личность гражданина, сотрудникам госучреждений, служащим, чекистам и милиционерам требовалось удостоверение личности, как правило, внутренний паспорт. Для слежки за кем-то нужно было использовать топтунов, а в квартирах и гостиницах устанавливать жучки, для чего нужно было физически проникнуть в помещение. Контроль за перемещениями граждан внутри страны обеспечивался обязательным требованием регистрироваться по месту пребывания, и при служебных поездках вместе с паспортом нужно было иметь с собой командировочное удостоверение. Чтобы вся эта система работала, нужны были люди — тысячи сотрудников контролирующих ведомств и КГБ. Цифровая революция предоставила совершенно новые возможности для контроля над обществом: теперь человека можно опознать по видеоизображению, провести идентификацию по голо-

су, ДНК, отпечаткам пальцев, сетчатке глаза, уникальному рисунку кожных линий на ладонях и другим параметрам. Технологии геонавигации, мобильная связь и Wi-Fi доступ в Интернет сделали возможным фиксацию передвижений людей на протяжении всего маршрута следования. Сегодня человек, проходящий под объективом камеры или болтающий по телефону, может и не догадываться, что в этот момент автоматически устанавливается его личность и координаты. Современная техника способна это делать.

Новые технологии стали тяжелым вызовом даже для государств с сильными демократическими традициями.

Россия оказалась в уникальной ситуации: страна, где отсутствует традиция индивидуальной свободы, наследница огромной советской империи, которая гордилась самым большим сообществом технической интеллигенции в мире.

После распада СССР в 90-е годы основной наниматель советских инженеров — военно-промышленный комплекс — сильно сжался в размерах. Именно тогда оставшиеся без работы и социального статуса инженеры встретили цифровую революцию, которая, кроме прочего, предложила им новый выбор — какие именно технологии создавать.

Многие из этих инженеров, оказавшись перед выбором, пошли создавать технологии слежки и контроля, искренне веря,

что именно в этом и состоит их задача как технических специалистов. В выборе между свободой и безопасностью они выбрали безопасность. Учитывая традиционно высокий авторитет технического образования в России, вряд ли можно считать большим сюрпризом, что вместе с инженерами этот же выбор сделала большая часть населения страны.

* * *

Вечером 27 мая 2011 года в Москве болельщики шли на футбольный матч московского «Локомотива» с дагестанским клубом «Анжи». Толпа, состоящая в основном из молодых мужчин, направлялась от метро «Черкизовская» к стадиону «Локомотива». Команда «Анжи» тоже не осталась без поддержки: вслед за футболистами в Москву из Дагестана приехали полторы тысячи фанатов команды. Нельзя сказать, что в столице их принимали с распростертыми объятиями, но к такому отношению выходцы с Кавказа уже привыкли.

Когда болельщики «Анжи» подошли к входу на трибуну и стали проходить через рамку металлодетектора, мало кто из них обратил внимание на небольшую камеру на треноге, стоящую прямо за рамкой. Они не знали, что она фиксировала их лица в цифровой рамке, определяла особенности строения лица вплоть до расстояния между глаз, мгновенно делала несколько снимков и пересылала данные на компьютер. Система запоминала внешность болельщика на основании сложного алгоритма.

Пришедшие просто посмотреть футбольный матч не догадывались, что они попали на испытание новой биометрической системы распознавания лиц.

Рядом с металлодетектором сидел молодой мужчина с ноутбуком, сотрудник компании «Ладаком-Сервис». Он смотрел на экран, где в одном окне появлялись лица болельщиков, которые снимала

камера, а в другом специальный алгоритм сличал сделанные снимки с фотографиями из полицейской базы данных паспортов Республики Дагестан. Когда алгоритм опознавал человека, под фотографией появлялись фамилия, год рождения и другие персональные данные. Так власти составляли новую базу данных на самых преданных фанатов дагестанской команды.

Подобное происходило не только на футбольных матчах.

В 2011 году та же компания установила видеокамеры с технологией распознавания лиц на некоторых станциях столичного метро.

Первой была станция «Охотный ряд». Стоило человеку ступить на эскалатор, как его лицо попадало в объектив сразу нескольких «умных» видеокамер, картинка с которых шла в Ситуационный центр метрополитена, МВД, ФСБ и МЧС. Камеры были связаны со специальной системой видеонаблюдения и базой данных «Сова-видеопоток», которая проверяла, не похоже ли ваше лицо на фото преступников в розыске.

Пассажир при этом понятия не имел, что его снимают. Высокий и крепкий Александр Абашин, генеральный директор «Ладаком-Сервис», раньше служил в ГРУ. Но последние несколько лет он занимался разработкой и установкой систем распознавания лиц в аэропортах, на вокзалах и стадионах. За это время он стал настоящим фанатом идентификации. По его мнению, «умные» видеокамеры должны стоять повсюду — и в школах, и в подъездах жилых домов.

Абашин говорил, что система, созданная его компанией, за семь секунд способна найти нужное лицо среди десяти миллионов изображений: «Грубо говоря, лицо на фотографии измеряется по тридцати показателям, и составляется математический алгоритм, обмануть который очень

сложно». Изначально разработанная для поиска преступников, эта система могла использоваться и для массовой слежки за людьми, пришедшими на публичное мероприятие или просто оказавшимися в общественном месте.

Распознавание лиц — лишь верхушка огромного и скрытого от посторонних глаз айсберга технологий, которые используются спецслужбами для слежки за гражданами. Все они придуманы и разработаны инженерами, которые прекрасно знают, на что способны эти технологии, но никогда не задавались вопросом, с какой целью они могут использоваться.

В СССР все сферы общественной жизни находились под жестким контролем компартии. У инженеров была своя строго определенная роль — обеспечивать технические нужды партийного государства. Советских инженеров хорошо учили, но лишь техническим навыкам. В отличие от врачей, им не преподавали этику профессии, воспитывая инженеров как техперсонал государственной машины. Чтобы преуспевать в системе, нужно было уметь работать, не задавая лишних вопросов. Поколение за поколением советские технические вузы растили инженеров, наученных с подозрением относиться к любой общественной деятельности. Это укладывалось в их механистическое восприятие мира намного лучше, чем отвлеченные рассуждения о свободе.

Когда в 1930–1940 годы сталинским спецслужбам нужно было организовать секретные исследования в той или иной области, они просто арестовывали ученых и инженеров и отправляли их в шарашки — закрытые и тщательно охраняемые места.

Стимулом для работы у таких специалистов был риск оказаться в ГУЛАГе в случае провала. После смерти Сталина этот алгоритм стал меняться, и вскоре появи-

лась огромная, разбросанная по стране система закрытых научно-исследовательских институтов и многотысячная армия инженеров, работавших над секретными проектами для оборонки или КГБ.

Шарашка в Марфино имела особое значение для Кремля. К 1948–1949 годам здесь был сосредоточен серьезный исследовательский потенциал: 490 сотрудников, 280 из которых были зеками, работали в составе двенадцати исследовательских групп.

Марфино поставили задачу за полтора года разработать технологию шифрования, которая позволит Сталину говорить по телефону без опасения, что разговор может быть перехвачен.

Специалисты быстро определились со способом защиты: голосовой сигнал должен был разбиваться на части, кодироваться, а затем снова собираться на другом конце телефонной связи. Но это значило, что кроме создания шифратора нужно было решить еще одну проблему: как в процессе разговора снова собрать звук, сохранив узнаваемость голоса говорящего. Над этой задачей билась лаборатория под руководством Абрама Трахтмана, но мозгом исследования был один из заключенных — филолог Лев Копелев. Эрудиция плюс прекрасный слух и умение безошибочно определять манеру речи делали его главным специалистом по артикуляционным испытаниям.

В конце 1949 года во дворе Марфино взволнованный Копелев подошел к другому зеку, своему другу Александру Солженицыну, и заявил, что хочет поделиться государственной тайной. Копелев рассказал, что ему приказали найти человека, позвонившего в посольство США и сдавшего советского шпиона, охотящегося за секретами американской ядерной бомбы.

Копелев попал в Марфино за то, что, будучи офицером, критиковал насилие советских солдат в отношении мирных

немецких граждан в Германии в 1945 году, но даже в заключении он остался патриотом и коммунистом, и тот факт, что кто-то мог выдать столь важный секрет американцам, вывел его из себя. У него не было сомнений, что он должен помочь поймать предателя.

Ему передали четыре аудиозаписи: оказалось, что неизвестный трижды звонил в посольство США, а потом еще и в посольство Канады. Спецслужбам удалось перехватить и записать эти разговоры. Копелев также получил образцы голосов трех по-дозреваемых. Он быстро определил звонившего: им оказался чиновник МИДа.

Это был громкий успех для шарашки, и Копелев не мог не поделиться им с другом (впоследствии Солженицын использует этот сюжет в романе «В круге первом»). Воодушевленный Копелев даже придумал название для новой, изобретенной им научной дисциплины распознавания голоса — фоноскопия. «Мне представлялась осуществимой такая система точных формальных характеристик голоса, которая позволила бы «узнать» его при любых условиях из любого числа других голосов, даже очень похожих на слух, — вспоминал позднее Копелев».

Проект Трахтмана по созданию отдельной шарашки по фоноскопии окончился ничем, в июле 1950 года Госкомиссия одобрила разработанную аппаратуру безопасной телефонной связи для Сталина — Марфино выполнило свою главную задачу.

Следующие два года ушли на запуск производственной линии для быстродействующего шифратора. После этого шарашка была разделена надвое. Специалистов по секретной телефонии оставили в Марфино работать в новообразованном

НИИ-2, в задачи которого входила (и входит до сих пор) разработка технологий шифрования для правительственной связи. Сотрудников акустической лаборатории, в том числе Копелева, перевели в Кучино, другую шарашку на востоке Подмосковья.

*Распознавание лиц – лишь верхушка
огромного айсберга технологий,
которые используются спецслужбами
для слежки за гражданами*

Это решение определило путь, по которому пойдет разработка советских технологий прослушки в следующие 50 лет. Перевод в Кучино означал, что работа над распознаванием речи будет вестись в том же исследовательском центре, в котором создавали оборудование для прослушки. В КГБ хотели быть уверенными, что смогут не только перехватить нужный разговор, но и установить личности его участников.

Окруженная высокими стенами лаборатория Кучино с 1920-х годов была главным центром советских и российских спецслужб по разработке оперативной техники, от радиостанций до жучков.

Среди легенд лаборатории — история о том, как кучинские специалисты спрятали подслушивающее устройство внутри деревянного герба США, который в августе 1945 года пионеры подарили американскому послу Авереллу Гарриману. Растроганный посол повесил герб в кабинете, и советские спецслужбы восемь лет прослушивали его, пока жучок, разработанный зеками, не был обнаружен.

Копелев освобожден из Кучино лишь в 1954-м, через год после смерти Сталина. К своим исследованиям по фоноскопии

Сезар Бальдаччини. *Забавная шуковина*. 1990

он больше не вернулся. Он стал известным филологом и диссидентом. Но в Кучино остались его записи, и спецслужбы заботливо их сохранили. Несколько

лет в КГБ не знали, что с ними делать, полагая, что изобретенная Копелевым технология не будет работать без его участия. Считалось, что без уникальных

навыков Копелева любые попытки установить личность человека, говорящего по телефону, обречены.

Однако вскоре в других странах появились разработки, показавшие, что может существовать метод распознавания речи, не требующий присутствия Копелева. В 1960 году шведский исследователь Гуннар Фант, работавший в Массачусетском технологическом институте (США), опубликовал монографию «Акустическая теория речеобразования», в которой описал способ разделения записи голоса на сэмплы (англ. — образец, проба. — *Prod.*) с их последующим математическим и физическим анализом. Этот метод был значительно надежней, чем навыки Копелева.

Перед исследователями открывались широкие перспективы, но Фанта беспокоил энтузиазм криминалистов — ему казалась неуместной аналогия между отпечатками пальцев и образцами голоса. В 1970 г. директор ФБР Эдгар Гувер во время визита в Стокгольм рассказал местной газете *Dagens Nyheter*, как легко теперь будет идентифицировать террористов благодаря анализу голосов. *Dagens Nyheter* попросила Фанта о комментарии, и шведский ученый резко раскритиковал Гувера, заявив, что этот метод еще слишком рано применять для идентификации людей. Газета опубликовала их спор на первой полосе с фотографиями Гувера и Фанта напротив друг друга. Как вспоминал позже Фант, это выглядело так, будто он стал «врагом ФБР № 1».

Советские ученые подобных сомнений не знали. Книгу Фанта быстро перевели на русский язык, и исследования в СССР получили новый толчок и новый вектор развития. Исследовательские центры по распознаванию речи открывались один за другим по всему Союзу. Формально их деятельность координировала секция речи Комиссии по акустике при Президиуме Академии наук СССР, а затем Совет по распознаванию и синтезу речи при

Президиуме АН, но все прекрасно знали: главным был КГБ.

Распределением заказов на исследования занимался Ленинградский НИИ дальней связи — «Дальсвязь». Именно здесь в 1973 году начал работать над проблемами акустики только что окончивший физфак ЛГУ Сергей Коваль: ему всегда были интересны научные аспекты звука, и к тому же пообещали 15%-ю надбавку к зарплате. Наличие секретности его мало беспокоило, как и то, что здание, где располагался его отдел прикладной акустики, по периметру охраняли автоматчики с собаками.

В институте работали более 10 000 человек, подчинявшихся Министерству «промышленных средств связи» (эвфемизм обозначал средства связи для военных). Однако отдел Коваля, в котором работали более 300 сотрудников, подчинялся не институту, а КГБ, он-то и платил сотрудникам большие зарплаты. Эта структура напоминала матрешку — внутри одного секрета находился другой.

Коваль скоро понял, в чем причина такой секретности. Коллеги рассказали, что в отделе до сих пор работают бывшие зеки марфинской шарашки, переведенные в Ленинград. Как-то ему указали на одного инженера в очках. Это был Валентин Мартынов, который в свое время работал в Марфино вместе с Копелевым и Солженицыным («В круге первом» Мартынов выведен под именем Валентина Пряничкова). По воспоминаниям Коваля, Мартынов был человеком «дотошным и упрямым». Занявшись проблемами распознавания речи в Марфино в конце 1940-х, он продолжал работать над ними после освобождения и даже защитил диссертацию. Свободный теперь человек, он продолжал каждый день приходиться в здание, окруженное забором с колючей проволокой, охраняемое автоматчиками, и работал на спецслужбе, которые посадили его в тюрьму. Коваль

не спрашивал, почему тот так поступает: «Он принадлежал к старшему поколению... Было же не принято тогда говорить про прошлое».

К 1970-му году отдел прикладной акустики стал координатором всех исследований по распознаванию речи в стране, финансируемых КГБ. Коваль вспоминал: «При Академии наук существовала Военно-промышленная комиссия и была секция прикладных проблем Академии наук СССР. Эта секция собирала от всех ведомств, Министерства обороны, КГБ заказы на перспективные разработки. Она требовала денег, и они выделялись... вплоть до 1988–1989 годов. Схема была прекрасная: деньги выделялись прикладным отделам, принадлежавшим КГБ, который и распределял их среди академических учреждений и контролировал все заказы... Я сам был куратором научной программы, в которой участвовали 40 университетов».

То, что в 1940-е годы начиналось с группы из семи человек, работавших в акустической лаборатории в Марфино, разрослось до огромной и хорошо финансируемой империи. При этом не было четкой границы между исследованиями, которые оплачивал КГБ, и гражданскими разработками. Секретные проекты обнаруживались в самых неожиданных местах. Например, Вычислительный центр Академии наук на улице Вавилова в Москве был одним из исследовательских институтов, негласно работающих на подразделение Коваля.

Владимир Чучупал стал работать в секторе распознавания речи Вычислительного центра в 1980-м. Ему было запрещено упоминать, что главными «заказчиками» исследований являются «Дальсвязь» и КГБ. Вскоре его вывели напрямую на Кучино. Он прекрасно знал, над чем там работают: как-то раз его начальник рассказал ему, что получил для изучения записи самого Копелева.

Благодаря щедрому финансированию уже в начале 1980-х сектор Чучупала получил первые компьютеры: несколько машин советского производства и пару ИВМ. Перед сотрудниками была поставлена задача найти применение компьютерам в распознавании речи.

Применение компьютеров теоретически означало, что не только говорящий по телефону может быть идентифицирован, но и то, что он говорит, может автоматически предупредить систему. В КГБ думали при этом над использованием «ключевых слов»: стоило кому-то произнести «бомба», «компартия» или любое другое слово, введенное в систему, как тут же включалась запись.

Это могло кардинально изменить сам *modus operandi* КГБ: раньше, чтобы начать прослушку, спецслужбам требовалось найти подозреваемого обычными средствами, теперь же сама технология могла поставлять им подозреваемых. Впрочем, задача оказалось крайне сложной: создание системы ключевых слов была амбициозной идеей, но для ее воплощения нужны были огромные вычислительные мощности.

В течение нескольких лет этой проблемой активно занималась вся исследовательская империя по распознаванию речи Советского Союза, включая «Дальсвязь» и сектор Вычислительного центра Академии наук. Как и прежде, никто не проводил четкой границы между исследованиями для гражданского использования и в интересах КГБ. Как объяснял Чучупал, разница состояла в том, что сотрудники «гражданских исследований» работали над технологией распознавания, при которой человек «сотрудничает» (то есть хочет, чтобы компьютер его понял), а «исследователи» для КГБ стремились создать систему, которая распознает любую речь человека. Это были разные задачи, но работа над ними зачастую шла в одних кабинетах.

С распадом СССР распалась и эта империя — распалась, но не исчезла. Сначала спецслужбы «срезали» исследовательские программы. «В 1990-м нас перестали финансировать. Две трети сотрудников тут же уволились», — вспоминает Коваль. Он тоже ушел из «Дальсвязи» и вместе с начальником лаборатории и пятью коллегами основал частную компанию, которая вскоре превратилась в «Центр речевых технологий». Они начали работать над гражданскими проектами, одним из которых стало создание «говорящей» книги для Общества слепых.

Впрочем, старые друзья из спецслужб быстро вернулись. Сначала в компанию Ковалья пришли люди из МВД, а потом ФСБ предложила им контракт на разработку технологии отделения голоса от фонового шума. И последовали новые заказы. В первое десятилетие 2000-х компания разрослась до 350 человек — столько, сколько работало в отделе «Дальсвязи». Центр технологий, по словам Ковалья, тоже стал играть роль отдела прикладной акустики. Одно из главных его детищ — биометрическая технология, которая способна идентифицировать говорящего по физическим характеристикам его голоса вне зависимости от языка, акцента или диалекта.

В 2010 году компания внедрила эту технологию в масштабах целой страны, создав первый в мире национальный проект идентификации по голосу. Проект был реализован в Мексике, на территории которой была развернута система государственного учета голосов и биометрического поиска, способная идентифицировать личность говорящего по фрагментам речи. Только за первый год работы системы в мексиканскую национальную базу фоночета попали образцы голосов около миллиона мексиканцев — не только преступников, но и сотрудников правоохранительных органов, а также обычных граждан, которые сдают образец

голоса, например, при получении водительских прав. То, о чем мечтал Копелев в 1949 году, было реализовано в 2010-м в Мексике, — система, которая позволяет «узнать» голос при любых условиях из любого числа других голосов. За реализацию этого проекта отвечал лично Коваль. «Я ездил в Мексику на протяжении семи лет!» — восклицает этот невысокий, энергичный, с пышными черными усами и шевелюрой человек средних лет во время нашей [Андрея Солдатова] встречи в один из холодных и снежных дней января 2012 года. Сидя в почти пустом петербургском кафе недалеко от станции метро «Чернышевская», он с энтузиазмом рассказывал историю компании.

Коваль с гордостью перечислял страны, которые уже внедрили его технологию распознавания речи: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Беларусь (то есть все авторитарные режимы на территории бывшего СССР), а также Саудовская Аравия, Алжир, Йемен и Турция.

На заданный ему вопрос, что он думает об этической стороне «внедрения» — о том, что авторитарные режимы могут использовать его разработки для преследования диссидентов, последовал эмоциональный ответ: «Все эти разговоры о том, что спецтехника помогает ловить диссидентов, — бред... двойные стандарты, используемые американцами как психологическое оружие против своих конкурентов...

Все эти права человека, мое мнение, — это умышленное применение двойных стандартов для достижения своих целей!».

Его мало смущала роль, которую технологии слежки могут играть в репрессиях. «Ну, а что мы можем сделать? — вопрошал он. — Мы только поставляем спецтехнику. Конечно, вы можете использовать ее и против хороших парней — с той же легкостью, с которой используете против пло-

Дэвид Смит. Игрок в бильярд. 1937

хих. Но каждое из этих государств все равно будет следить за своими гражданами — с нашей помощью или без нее. Ну, предположим, в некоей стране, нашей или чужой, есть система распознавания лиц.

Можно снимать митинг, и потом, имея картотеку лиц, выискивать там журналистов. А другой будет искать в толпе наркоманов. Третий — недавно освобожденных лиц или националистов. Все они используют

одну и ту же технику. Я не вижу, что с этим можно сделать. Просто не представляю. Если идет подслушивание голосов, то при чем тут, условно говоря, микрофоны?».

Похожие рассуждения мы слышали от многих инженеров. Они считают, что это не их проблема.

К 2011 году система секретных исследований в интересах спецслужб полностью восстановилась. «Центр речевых технологий» плотно работает с ФСБ. «Я не буду говорить, какие именно работы мы делаем для них, но все продолжается, один в один — что делалось тогда, делается и сейчас», — сказал Коваль. Владимир Чучупал, руководитель сектора цифровой обработки и распознавания речевых сигналов Вычислительного центра АН, тоже продолжает свои исследования. Кучино по-прежнему остается одним из главных его заказчиков.

Путь Коваля прошли многие советские ученые и инженеры, что не могло не отразиться на их видении мира.

Лорен Грэхэм из Массачусетского технологического института, ведущий исследователь истории советской и российской науки, подтвердил: «По сравнению со своими коллегами из западных стран российские ученые и инженеры куда меньше озабочены вопросами этики и морали».

«Я вижу на то две причины, — добавил он. — В советский период российские ученые и инженеры быстро осознали, что любого, кто задает вопросы, касающиеся этики и морали, власти начинают считать “политической оппозицией”, то есть могут наказать за это. Поэтому они научились хранить молчание, что со временем стало неотъемлемой частью их профессии. Конечно, СССР уже давно нет, но это не изменилось».

И есть вторая причина. «Инженерное образование в России было сфокусировано преимущественно на технической составляющей, вопросам же этики и

морали уделялось мало внимания. Конечно, инженерное образование в США тоже чем-то похоже, но в ведущих американских инженерных школах, вроде Массачусетского технологического института, моего университета, каждый студент обязан пройти за четырехлетний период обучения восемь курсов, обычно по одному на семестр, по гуманитарным и общественным наукам. На них достаточно глубоко разбираются вопросы этики, которые не рассматриваются техническими дисциплинами... Это важная часть процесса обучения инженеров в лучших университетах Запада, — говорит Грэхэм. — Она заставляет задумываться о социальной ответственности ученого и инженера. Большинство лучших инженерных школ в США имеют собственные факультеты науки, технологии и общества [STS], где изучаются эти проблемы».

Анатолий Левенчук, пионер Интернета с начала 1990-х, соглашается: «Я в свой курс для студентов вставил кусок, почему системному инженеру нельзя работать с государством. Тут нужно и другие дисциплины знать — социологию, психологию, экономику и т. д. А без этого вы что хотите? Чтобы тюрьма вышла?.. Вот методами системной инженерии можно, например, строить инженериию безопасности — устранять угрозы. Но и тюрьму можно создать, со всех сторон закрытую коробочку инженерными методами, чисто механически. Но если вы хотите, чтобы все цвело и развивалось, инженерный подход тут не подойдет».

Сам Левенчук прекратил сотрудничать с государством в 2006-м и начал преподавать инженериию в Физтехе, одном из самых уважаемых технических институтов в России. Левенчук пытался привнести в старую систему новые идеи, призывая студентов мыслить шире, не ограничиваясь принятыми рамками. Но такой подход не всем понравился.

В апреле 2013 года Левенчуку пришлось столкнуться с отвратительной советской практикой публичного доноса. На LiveJournal.com было опубликовано письмо, обвиняющее Левенчука в том, что он прививает студентам «фашистскую идеологию» и участвует в «систематическом разрушении советской школы проектирования».

За открытым письмом последовал запрос от депутата Госдумы в Генпрокуратуру с требованием проверить, не является ли Левенчук иностранным агентом, поскольку на лекциях высказывает прозападные идеи. Московскому физико-техническому институту пришлось написать официальный ответ в защиту Левенчука.

Похоже, в 2000-е возродилась не только система секретных исследований для спецслужб, но и советские методы контроля мысли в технической научной среде.

Однако кое-что все же кардинально изменилось со времен холодной войны — отечественные инженеры и их технологии больше не замкнуты в границах страны. Утром 21 сентября 2009 года в Боготе, столице Колумбии, началась пресс-конференция службы госбезопасности страны DAS (Departamento Administrativo de Seguridad — Административного департамента безопасности), местного гибрида разведывательных и правоохранительных органов.

В течение целого года DAS был объектом критики со стороны общественности, обвинявшей департамент в незаконной массовой прослушке телефонных разговоров журналистов, оппозиционно настроенных политиков, правозащитников и даже судей Верховного суда. Эти «записи» попали в прессу, и масштаб скандала был таков, что журналисты назвали его «Колумбийским уотергейтом».

Анонсируя пресс-конференцию, руководство DAS пообещало представить

некие новые решающие доказательства, которые раз и навсегда сняли бы со спецслужбы обвинения в незаконной прослушке. Когда в зал к журналистам вышел директор департамента Фелипе Муньос, 39-летний энергичный технократ, окончивший Лондонскую школу экономики и Колумбийский университет, рядом с ним за стол сел невысокого роста иностранец.

Муньос заявил, что DAS провел внутреннее расследование и пригласил независимого эксперта из России, профессионала с 35-летним опытом работы в сфере распознавания речи, чтобы проанализировать записи незаконных прослушек. А потом повернулся и представил специалиста. Им оказался Сергей Коваль из Центра речевых технологий.

Коваль заявил, что сравнил телефонные записи, попавшие в прессу, и записи, полученные DAS легальным путем, по двадцати различным характеристикам. В результате исследования было установлено, заявил Коваль, что при перехвате переговоров в первом и втором случаях использовались различные типы оборудования. «Записи, просочившиеся в СМИ, были сделаны на оборудовании, которым DAS не располагает, — добавил он».

Если так, то колумбийские спецслужбы, получается, не имели отношения к прослушке.

Коваль пролетел полмира, чтобы выступить в защиту колумбийской спецслужбы. Но вскоре оказалось, что это было напрасной тратой времени. Через несколько месяцев прокуратура Колумбии объявила, что располагает доказательствами того, что это DAS прослушивал общественных деятелей, причем об этом знали в администрации президента страны Альваро Урибе. В конце концов, сами сотрудники DAS подтвердили, что незаконной прослушкой занимались именно они. Один из них признал, что получал

приказы напрямую от директора DAS, а главным получателем расшифровок был сам президент Альваро Урибе. Скандал завершился в конце 2011 года расформированием DAS.

К этому времени эксперт по распознаванию речи давно вернулся в Россию, чтобы позже отправиться в Мексику — налаживать там общенациональную систему фоноучета.

На окраине Санкт-Петербурга, в только что отремонтированном бизнес-центре располагается офис компании «Протей».

В 2011 году здесь царил хаос, вызванный недавним переездом: среди беспорядочно расставленных столов тянулось множество перепутанных проводов, но компания уже работала.

«Протей» хорошо известен профессионалам как производитель оборудования для перехвата телекоммуникаций — от СОПМ-1 до СОПМ-3*.

В декабре 2011 года название компании прозвучало в новом качестве: сайт WikiLeaks и британская правозащитная организация Privacy International запустили проект под названием Spy Files («Шпионские файлы»): базу данных на производителей оборудования слежки, продающих продукцию репрессивным режимам. Помимо британских, израильских, немецких и американских фирм в базе оказались ЦРТ Ковалея и «Протей». Дело в том, что «Протей» производит, среди прочего оборудование, тестеры для проверки работоспособности черных ящиков СОПМ. Эти тестеры поставляют-

ся в том числе в страны бывшего СССР с авторитарными режимами.

Курировал тему СОПМ в «Протее» Вадим Секереш, флегматичный 40-летний мужчина, выпускник факультета прикладной математики Санкт-Петербургского университета.

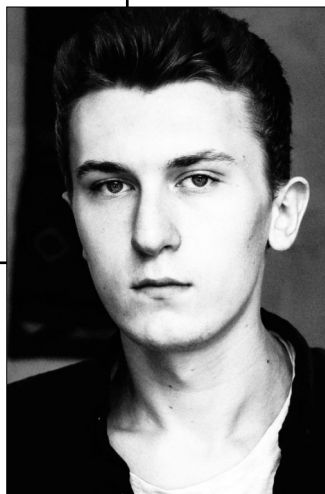
Применение компьютеров означало, что не только говорящий по телефону может быть идентифицирован, но и то, что он говорит, может автоматически предупредить систему

Когда один из авторов этой статьи спросил его о проекте WikiLeaks, он лишь улыбнулся. «Я не обратил на это внимания, — сказал Секереш. — Мы с сотовыми операторами работаем во многих странах, видимо, информация оттуда. Но я даже не смотрел. Меня эта тема не очень волнует. Мы же на самом деле спецтехнику не продаем, всякие там жучки и прочее. А то, что к телекоммуникационному оборудованию можно подключиться... так этим многие компании занимаются».

Через несколько месяцев он прислал [Андрею] гневное письмо, где, в частности, было сказано: «С помощью технологии раскрывается большое количество преступлений. Понятно, что любую вещь можно использовать во вред, но это не имеет к производителям никакого отношения».

Другими словами, инженеры тут ни при чем.

* СОПМ — система оперативно-розыскных мероприятий. — Прим. ред.

*Юрий Слинько,
независимый исследователь*

Хельсинкские соглашения: права человека в «европейском международном обществе» и СССР

1 августа 1975 года между представителями 32 европейских государств, СССР, США и Канады был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот договор продолжает и сегодня обсуждаться в мире, поскольку все представители стран-подписантов даже спустя десятилетия обращаются к его нормам. Но факт, подчеркивающий значимость документа как одного из столпов современного международного права, вовсе не означает, что все статьи Хельсинкских соглашений соблюдаются государствами.

Двойственная природа договора, который признается государствами, но ими же и нарушается, свидетельствует скорее о парадоксе восприятия исторической роли соглашений. С одной стороны, они рассматриваются исследователями как часть процесса «разрядки международной напряженности», а с другой — как попытка сохранения status quo двух противоборствующих лагерей: капиталистического и социалистического. Не менее парадоксально и то, что Запад и страны Варшавского договора одинаково восприняли подписание соглашений как свою дипломатическую победу. В СССР этому акту покровительствовал лично Л. И. Брежнев, а итоговая редакция документа неожиданно была полностью опубликована в газетах «Правда» и «Известия» от 2 августа 1975 года. При этом Г. Киссинджер, бывший в то время Государственным секретарем США, признавался, что не ожидал от СССР подписания соглашений в том виде, в котором они были приняты и не верил в эффективность «третьей корзины»¹.

Множество фактов говорит о том, что речь в данном случае идет не просто об идеологической игре той или иной державы, стремящейся скрыть свой дипломатический провал с помощью пропаганды. Водораздел пролегал гораздо глубже, на концептуальном уровне, прежде всего в области «прав человека». Многие исследователи отмечают, что их недопонимание проявилось еще на этапе обсуждения Всеобщей декларации прав человека². Во-первых, официальная коммунистическая идео-

логия позволяла рассматривать внутреннее устройство СССР как исключительно гуманистическое с точки зрения базовых экономических и социальных прав индивида. Во-вторых, уже в то время появление Декларации рассматривалось рядом стран как угроза государственному суверенитету³. В статье предпринята попытка рассмотреть Хельсинкские соглашения с позиций английской школы международных отношений.

* * *

Английскую школу международных отношений невозможно представить без имплицитного допущения о существовании «международного общества» (*international society*). Концепцию такого практически надгосударственного «общества» государств, объединенных общими ценностями и интересами, впервые описал современный выдающийся теоретик международных отношений Хедли Булл. В своем труде «Анархическое общество» (1977)⁴ он предложил набор институций и институтов, которые присущи такой системе взаимодействия государств: война, международное право, дипломатия, баланс сил и *great power management* — «ответственность великих держав».

Этот набор был и остается релевантным для той исторической системы взаимодействия государств, которую в английской школе принято сегодня называть «европейским международным обществом». Европейские державы, пусть и не всегда осознанно, использовали именно эти институты и инструменты в своей внешней политике, а отдельные мыслители стремились их концептуализировать, начиная с Гуго Гроция и его трактата «Три книги о праве войны и мира» (1625)⁵. Многие из принципов, что берут начало в названных выше институтах, стали востребованы не только внутри расширяющегося «европейского общества», но и далеко за его пределами: сложно представить современную международную организацию, которая игнорировала бы их.

Достаточно ли признавать легитимность пяти перечисленных институций и институтов, чтобы стать региональной частью «международного общества»? Если мы отвечаем на этот вопрос утвердительно, следует признать, что Хельсинкские соглашения — это документ международного права, закрепляющий не только *status quo* крупных держав, но и апеллирующий к вопросам безопасности, что полностью отвечает требованиям существования международного общества.

Однако из истории видно, что формальной декларации «правил игры» при этом недостаточно. Политика разрядки в отношениях СССР и Запада продлилась недолго. Даже события последних десятилетий показывают, что Россия как правопреемница СССР отнюдь не всегда соглашается с решениями Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), международного института, который появился фактически в ходе подписания Хельсинкских соглашений.

Такое несоответствие юридических норм и практики их применения может объясняться тем, что вхождение в международное общество не обязательно сводится к формальному соглашению между государственными института-

ми. Акторами такого договора могут быть и индивиды, люди, осваивающие ценности, которые провозглашаются институтами международного общества. Хотя все теоретики Английской школы подчеркивают значение негосударственных, общественных организаций, людей (*individuals*), политиков (*states persons*) и общественной дипломатии, внутри школы существует ряд концептуальных противоречий. А именно — речь идет о ревизии концептуального аппарата, проделанной Барри Бьюзенем в книге «От международного к мировому обществу?»⁶.

Ее автор указывает на противоречия двух течений внутри школы: если Хедли Булл мыслил в более реалистичной манере, и в центре его анализа оставались коалиции, системы государств (находящиеся под влиянием общечеловеческих ценностей, верований и т.п.), то Раймонд Джон Винсент со своими последователями видел различие между международным обществом и мировым обществом (*international society* и *world society*). Полагая, что именно последняя категория является выражением чаяний всемирного гражданского общества (развитие идей И. Канта), тогда как любое государство или система государств, согласно его логике, наделены репрессивными функциями. При этом важно подчеркнуть, что начавшиеся дебаты, положившие начало делению теоретиков школы на плюралистов и солидаристов, не умаляют того факта, что в самой сути английской школы, ее методологическом основании, лежит подход, базирующийся на анализе интеллектуальной, а не практической истории⁷. Поэтому споры о том, что понимается под «международным обществом», «мировым обществом» или «международной системой» (и учитывая, что Б. Бьюзен добавляет еще и свою категорию — «*interhuman society*» (межчеловеческое сообщество)), не должны мешать пониманию того факта, что актором международных отношений может выступать индивид. Поскольку взаимодействие людей и социальных групп всегда предшествовало становлению международного общества с точки зрения «отцов-основателей» школы Х. Булла и М. Вайта.

Неудивительно, что более заметный и весомый вклад в исследования прав человека в международных отношениях внесло при этом крыло солидаристов — теоретиков, оправдывающих давление на государства, которые нарушают базовые права человека. К примеру, один из них, Гаррет Гонг, описал процесс вступления государства в международное общество с помощью термина *state socializing*. А ценности, которые подлежат интериоризации, были названы им *standards of civilization* (стандартами, образцами цивилизации). В его оптике признанное цивилизованным государство обязательно разделяет с международным обществом взгляд на базовые права человека, поддерживает его «бюрократическую структуру», является субъектом международного права, осуществляет дипломатическое общение и признает нормы и процедуры этого общества⁸.

Уже упомянутый выше Дж. Винсент в своей книге «Права человека и международные отношения» показал, что не случайно именно права человека становятся важным аспектом мировой политики⁹. В основе его аргументации лежит как сам характер фундаментальных, общих для всего человечества прав, так и исторический контекст достижения и приобретения этих прав.

Тезис о том, что права человека могут выступать в качестве «универсальных стандартов» (Дж. Винсент) или «стандартов цивилизации» (Г. Гонг), разделяется сегодня многими учеными. Если первое поколение теоретиков английской школы относилось довольно скептически к роли прав человека, то после появления книги Дж. Винсента академическое сообщество изменило свое мнение. И, более того, стали появляться статьи, авторы которых писали о правах человека как о «новом стандарте цивилизации»¹⁰.

В этом же контексте уместно вспомнить и о Николасе Уилере и его монографии «Спасение чужеземцев», в которой он исследует проблему легитимности гуманитарных интервенций. Один из его главных тезисов состоит в различении «силы [power], которая основана на доминировании и военной мощи, [force] от легитимной силы, основанной на общих разделяемых нормах»¹¹.

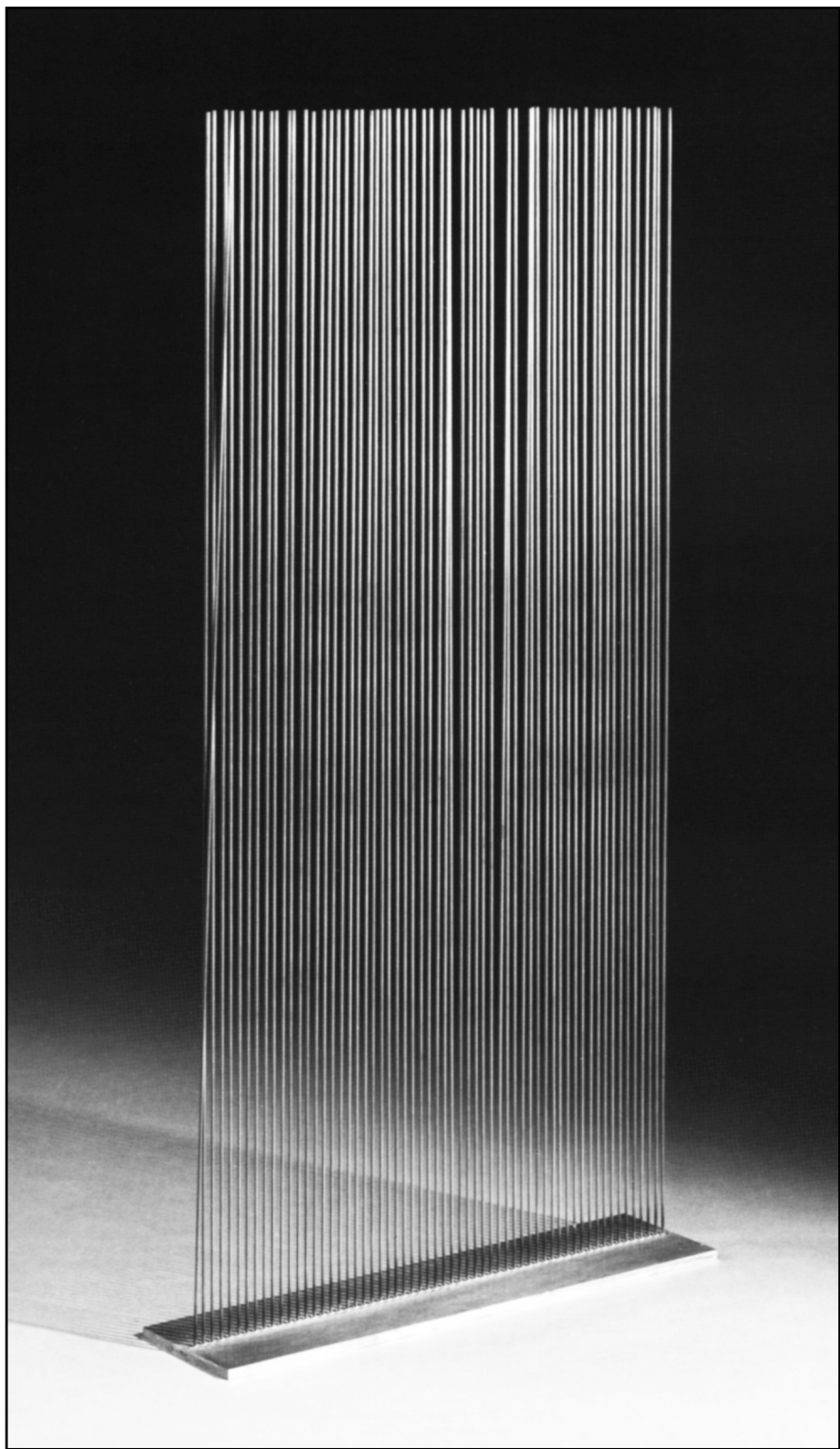
Практически все исследователи, касавшиеся темы Хельсинкских соглашений, подчеркивали и подчеркивают роль активистов за права человека в подписании итогового договора. Борьба за универсальные права происходила скорее не с помощью, а вопреки мнению большинства политиков, которые скептически относились к идеям «третьей корзины». Таким образом, теоретическая рамка английской школы позволяет рассматривать Хельсинкские соглашения как «стандарты цивилизации», в которых «права человека» предстают институтом влияния «мирового общества» на политическую среду.

* * *

В нормативном смысле СССР всегда декларировал солидарность с представлениями Запада о правах человека. В каком-то виде «стандарты цивилизации» всегда присутствовали в советской правовой системе, но играли бутафорскую роль: эти ценности не были интериоризированы людьми, принимающими решения. Даже «Сталинская конституция» 1936 года столь удачно мимикрировала под стандарты европейских демократий, что американские юристы долгое время занимались сравнением этого документа с западными конституциями. Разумеется, конституция была рассчитана на создание внешнего имиджа, иначе репрессированные «классовые враги» пользовались бы правом и на неприкосновенность жилища и тайну переписки, а «религиозники» (так называли духовенство и верующих), особенно пострадавшие от Большого террора 1937–1938 годов, могли бы апеллировать к нормам свободы совести в Конституции СССР.

Многие западные юристы справедливо отмечали, что «права человека» в СССР и на Западе — термины с разной семантикой¹².

Однако они же стремились дать этому факту «нормативистское» объяснение, игнорирующее не только политику, но и реалии советской правовой системы. Главное заблуждение целой плеяды авторов состояло в тезисе, что «советское понимание прав человека имело свои сильные и слабые стороны, как и западное»¹³. Вера в существование социалистического права (или «социалистической законности»), основанного на марксистских догмах, правовом позитивизме и классовой теории, активно поддерживалась многими западными интеллектуалами.

Гарри Бертойя. Шкала. 1973-1974

Такой взгляд на право в СССР (и как следствие — на права человека) имеет свои пределы. Он не учитывает, как поменялось восприятие права и его философия после опыта тоталитарных государств. В ситуации, когда даже право на жизнь не было гарантировано, дискуссии о балансе социально-экономических и политических (либеральных) прав выглядят, по меньшей мере, странно. Совершенно очевидно, что вопрос касается фундаментальных принципов права — а именно принятия или отторжения обществом принципа верховенства права.

Чтобы убедиться в том, что к моменту подписания Хельсинкских соглашений ситуация с правами человека в СССР не изменилась, достаточно взглянуть на документы, которые создавали советские правозащитники, а также на то, как Политбюро реагировало на их появление.

С тех пор как права человека стали неотъемлемой частью внешней политики государств, чему коренным образом способствовали заключенные в 1975 году соглашения, линия защиты советских политиков строилась исключительно на мифе об особом социалистическом праве, которое защищает социальные и экономические интересы граждан. В документах, которые выходили из-под пера деятелей компартии, это особенно хорошо видно: «Мы в Советском Союзе гордимся тем, что социалистическая революция, наш строй не только провозгласили, но и реально обеспечили всем советским людям право на труд, на образование, на социальное обеспечение, на бесплатную медицинскую помощь, на отдых и действительно гарантируют эти права»¹⁴.

Реальное положение дел, между тем, описывалось советскими правозащитниками из Московской Хельсинкской группы, которые фиксировали регулярно нарушения прав именно в социально-экономической сфере — начиная от репрессий в отношении рабочих, которые участвовали в забастовках, и заканчивая ущемлением прав нетрудоспособного населения¹⁵.

Что уж говорить о том, что профсоюзы в СССР представляли собой скорее филиалы правящей партии, нежели реальную политическую силу.

Почему Хельсинкские соглашения все же были подписаны Л.И. Брежневым? Скорее всего, «третья корзина» не была воспринята всерьез советским руководством, которое рассматривало подписание соглашений как свою исключительную геополитическую победу. И даже несмотря на то, что сегодня многие исследователи отводят заметную роль в падении СССР активистам борьбы за права человека¹⁶, политические риски Политбюро на самом деле были не столь велики. Об этом свидетельствует, в частности, та легкость, с которой правозащитники подвергались репрессиям после подписания Заключительного акта («Московская Хельсинкская группа» де-факто прекратила свое существование к 1982 году).

Институты международного права вряд ли могут существовать в условиях, когда одна из сторон не выполняет взятые на себя обязательства. Иммануил Кант в трактате «К вечному миру» писал: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны»¹⁷.

Из этой плоскости очевидно, почему СССР не стал частью «международного общества». Причиной этому во многом стали противоречия, не объ-

яснимые ни в терминах идеологического мышления, ни в юридическом контексте. Как справедливо отмечал Дж. Винсент, права человека — одна из тех областей политики, которая призвана создавать общий для государств вокабуляр¹⁸. Если расширить эту метафору, то СССР и Запад разговаривали на абсолютно разных языках.

Ключевым провалом СССР стало непонимание того, что невозможно стать членом международного общества (к чему по-своему стремилось политбюро партии), создавая лишь видимость принадлежности к «цивилизации» и ограждая индивидов как акторов от участия в международной политике. В условиях, когда железный занавес уже не способен был помешать изданию «Архипелага ГУЛАГ» на Западе и общению людей из двух враждующих лагерей, сохранять иллюзию благополучия становится невозможно. Об этом в трактате «К вечному миру» пророчески писал И. Кант: «Более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру»¹⁹.

Мог ли СССР стать частью «европейского международного общества»? Скорее всего, не мог в силу того, что руководство так и не восприняло те ценности, которые провозглашают правозащитники. Даже М. С. Горбачев на Вашингтонском саммите 1987 года (о котором сегодня все вспоминают исключительно в контексте вопросов, связанных с сокращением ядерных вооружений) на беспокойство лидеров США о правах человека в СССР ответил: «Какое моральное право вы имеете читать нам лекции?»²⁰.

Глубокое недопонимание здесь состоит в том, что «читает лекции» в данном случае не конкретное должностное лицо из США, а «world society» — цивилизация, верящая в моральные ценности. Поэтому и тот якобы вред, который Запад нанес СССР через обсуждение вопроса о правах человека, в целом является легитимным актом сдерживания репрессивного аппарата государства, поскольку речь в этом случае идет не столько о внешней политике или имидже, сколько о судьбах и чаяниях миллионов людей.

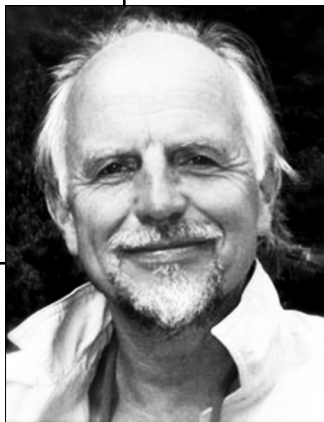
В этой связи критика со стороны левых, касающаяся «культурного империализма» США, выглядит довольно блекло. Недостаточно просто сказать, что государство «А» стремится использовать распространение культуры в государстве «Б» ради своих политических целей. При попытке отойти от конспирологических теорий становится очевидно, что такому анализу не хватает внутренней логики. Сторонники идеи «культурного империализма» не видят, что главным выгодоприобретателем и лоббистом таких сложных культурных отношений являются не государства, а люди как участники сложной сети международных организаций, сотрудничающих в области торговли, образования, науки. И даже если принять на веру, что давление Запада — это культурный империализм, то какого рода империалистом выступал СССР, когда боролся с инакомыслием не только внутри своего государства?

Спустя много лет со времени падения СССР, российское руководство воспринимает обсуждение прав человека как атаку на свой суверенитет.

Следование старому советскому дискурсу в этой сфере очевидно, и это является не только косвенным подтверждением необходимости интериоризации цивилизационных ценностей для вхождения страны в систему международного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Snyder S.S. *Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P.32.
- 2 См., например: Clapham A. *Human Rights: A Very Short Introduction*. — Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 49.
- 3 Ibid. P. 50.
- 4 Bull H. *The Anarchial Society: A Study of Order in World Politics*. — UK: Palgrave Macmillan, 2002.
- 5 На протяжении истории современной системы государств, пишет в своей книге Хедли Булл, сформировалось три конкурирующих между собой направления мысли. Гоббсианская, или реалистская, традиция, которая рассматривает международную политику как состояние войны (от имени английского философа Томаса Гоббса). Кантианская, или универсалистская, традиция, которая рассматривает функционирование потенциального сообщества человечества в международной политике. И гроцианская, или интернационалистская, традиция, сторонники которой рассматривают международную политику в контексте международного общества.
- 6 Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- 7 О методах английской школы см.: Navari C. (ed.) *Theorising International Society: English School Methods*. — UK: Palgrave Macmillan, 2009.
- 8 Hong G. *The Standard of Civilization in International Society*. — Oxford: Clarendon Press, 1984. PP. 14–15.
- 9 Vincent R. J. *Human Rights and International Relations*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 120.
- 10 Donnelly J. *Human Rights: A New Standard of Civilization?* // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). Vol. 74, No. 1 (Jan., 1998), pp. 1–23.
- 11 Wheeler N. *Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 2.
- 12 См., например: Lambelet D. *The Contradiction between Soviet and American Human Rights Doctrine: Reconciliation through Perestroika and Pragmatism* // *Boston University International Law Journal* (Vol. 7), 1989.
- 13 Towe T. E. *Fundamental Rights in the Soviet Union: A Comparative Approach* // *University of Pennsylvania Law Review* (Vol. 115), 1967. P. 1251.
- 14 *Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС* / [Моск. Хельсинк. группа; А. А. Макаров]. — М.: МХГ, 2006.
- 15 См.: *Документы Московской Хельсинкской группы. Сост. Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин*. — М.: МХГ, 2006. — 592 с.
- 16 Thomas D. *The Helsinki Effect: International Norms, Human Rights, and Demise of Communism*. — Princeton University Press, 2001; Snyder S.S. *Human Rights Activism and the End of the Cold War*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- 17 Кант И. *Собр. Соч. в восьми томах. Т. 7. Под ред. А.В. Гулыги*. — М.: ЧОРО, 1994. С. 6.
- 18 Vincent R. J. Ibid., p. 112.
- 19 Кант И. *Цит. соч.*, с. 26.
- 20 Smith, *Newsweek*, Dec. 21, 1987 [цит. по Lambelet D. *The Contradiction between Soviet and American Human Rights Doctrine: Reconciliation through Perestroika and Pragmatism* // *Boston University International Law Journal* (Vol. 7), 1989].

*Ник Дюффель,
психоаналитик
(Великобритания)*

Почему из выпускников закрытых школ получаются плохие лидеры*

Уже много веков в высших слоях английского общества существует традиция отправлять детей учиться в закрытые школы-пансионы. Но часто «привилегированная изоляция» служит детям плохую службу. Дети, воспитанные в закрытых школах и выбирающие в будущем своей профессией политику, рискуют превратиться в задира и болтунов.

В Британии, говоря «закрытая частная школа», имеют в виду «лидерство». Если родители могут себе позволить оплачивать такую школу, дети становятся на путь, который напрямую из школы-пансиона ведёт их через Оксбридж (Оксфорд + Кембридж) на самые высокие посты в органах юстиции, армии, Сити и особенно в правительстве.

Дэвиду Кэмерону было 7, когда родители отправили его в частную школу Хизердаун в Беркшире. Как и многим британским лидерам, ему в детстве пришлось пройти через испытание отлучения от семьи и адаптации к жизни в закрытой школе. Не стоит недооценивать психологический эффект, который оказывает подобный опыт на формирование характеров будущих лидеров, в чьих руках впоследствии оказывается огромная власть и на чьи плечи ложится серьезная ответственность. Подобный опыт делает их неготовыми к здоровым отношениям во взрослой жизни. Такие лидеры закрепляют традицию элитизма во власти, а элитизм дополняется в том числе и агрессивным поведением и сексизмом, которые отражаются на обществе в целом.

Эта «золотая дорога» сегодня ведёт к власти так же уверенно, как и сто лет назад, когда лидеры — выходцы из закрытых школ — ввергали нашу нацию в губительные войны. Удивительно, что эта традиция, хоть и часто является предметом насмешек, до сих пор жива, несмотря на предсказуемость результата. От внимания обще-

** Nick Duffell. Why boarding schools produce bad leaders. // The Guardian, June 9th, 2014.*

ства ускользает тот факт, что дорогостоящее закрытое образование поставляет нам лидеров, качества которых оцениваются выше, чем есть на самом деле, особенно в вопросах, лежащих вне поля рационального. Например, у них совершенно отсутствуют навыки, необходимые для построения правильных социальных отношений, а без этого лидерство в современном мире невозможно.

У меня есть 25-летний опыт работы с бывшими учениками закрытых школ, я преподавал в школе-пансионе и сам являюсь выпускником такой школы. Мои исследования о «привилегированной изоляции» вызывают много споров. Система закрытого обучения настолько укоренилась в Англии, что обнаружить в ней что-то кроме элитизма и понять, как она воздействует на жизнь общества, очень трудно. Если узаконенное насилие, случаи которого нередки в закрытых школах, ещё становятся достоянием общественности, то последствия широко распространенного отказа родителей от воспитания своих детей гораздо менее публичны. Это подводит нас к вопросу о том, действительно ли опыт закрытой школы травмировал Дэвида Кэмерона и многих других представителей наших правящих кругов?

Простого ответа на этот вопрос не существует. Мои исследования показывают: чтобы выжить в агрессивной среде закрытых школ, дети вынуждены подавлять чувства и оттачивать оборонительные навыки, что накладывает серьёзный отпечаток на всю их последующую жизнь. Кэмерон, Борис Джонсон, Джереми Хант, Эндрю Митчелл, Оливер Летвин и другие обладают полным набором качеств, чтобы считать их жертвами травм, полученных в закрытых школах. Дети из привилегированных слоёв вынуждены совершать поступки, которые не соответствуют их желаниям, а нормальное детство в семье разменивается на красивую вывеску закрытой школы. Оказавшись преждевре-

менно вне дома и семьи, не получающие любви и ласки близких, они вынуждены быстро формировать в себе психологические черты как «псевдовзрослые личности, которые рассчитывают только на себя».

Парадоксально, что, когда приходит время, полноценное взросление им не даётся, так как мешает запертый внутри ребёнок, которому не дали возможности взрослеть естественным путём. Всё это углубляется проявлениями комплекса брошенного ребенка. Поэтому столько мальчишеского в поведении многих британских политиков. Они не охотно допускают в свою среду женщин, считая их существами неблизкими по духу. К тому же, очевидно, они подсознательно перекалывают на всех женщин обиду за то, что сами в свое время были оставлены матерью.

Примерно две трети сегодняшнего кабинета министров могут «похвалиться» подобным опытом. Политические последствия такого опыта бывают чрезвычайно велики, потому что страна оказывается в руках детей, запертых внутри взрослых. Ученики закрытых школ неизбежно формируют свою личность соответственно модели выживания, что после выпуска из школы еще долго определяет их поступки. В условиях жёсткого распорядка дня и строгих правил они выполняют задачи лучше других. И что важно — они не должны выглядеть несчастными, инфантильными или нелепыми, проявлять любого рода слабость, иначе не избежать насмешек сверстников. Их личностное сознание раздвоено, а свои слабости они проецируют на других. Поэтому из выпускников закрытых школ выходят первоклассные шпионы.

Внутренняя дисциплина заменяет им родителей. Дети вырастают и берут с собой во взрослую жизнь непреходящую неосознанную тревогу и редко воспитывают в себе то, что американский психолог Дэниель Гоулман называет эмоцио-

нальным интеллектом, то есть способностью адекватно интерпретировать эмоциональную среду жизни людей. Став взрослым, такой ребенок следует привычной манере: как только он чувствует угрозу выглядеть глупо, он нападает первым. Мы наблюдали подобное в реакциях Кэмерона на реплики депутата Лейбористской партии Анджелы Игл. «Успокойся, дорогуша!» — обратился он к ней как-то, как если бы расстроена была она, а не он сам. Конечно же, депутаты на скамьях для оппозиции были в восторге и приветствовали шутку одобрителем криком «Флэшмен!»*

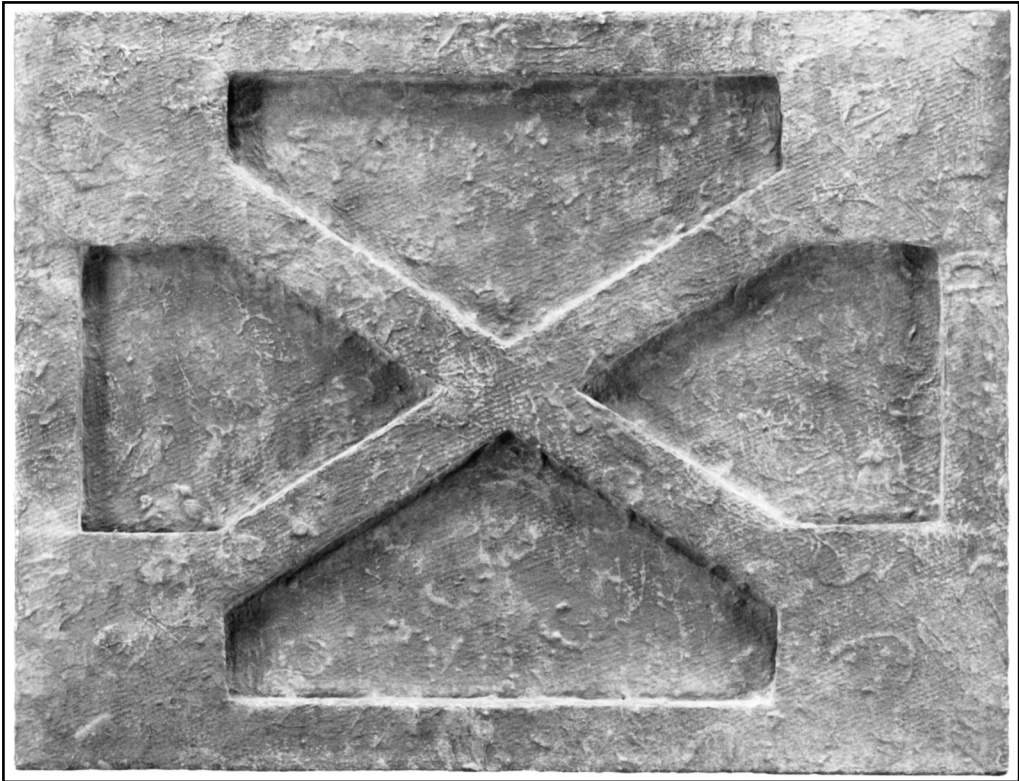
Надо заметить, что никто не пытается выступить против этих выпадов Кэмерона. Агрессивное поведение детей по отношению друг к другу неизбежно в закрытых школах, где испуганные и оставленные своими родителями дети вынуждены круглые сутки проводить время вместе. Годы спустя многие осознают, что причинами разрушенных семей становятся травмы, полученные в детстве. В Великобритании третирование других распространённое явление, особенно в политике и медиа. Но мы, как и дети из закрытых школ, делаем вид, что это нормально. Когда в 2011 году известный телеведущий Би-би-си Джереми Кларксон сказал, что он расстрелял бы выступивших с протестом против пенсионной реформы работников публичного сектора, Кэмерон тотчас же вступился за него: очевидно, премьеру это высказывание показалось забавным. Нетрудно догадаться об источнике подобного стиля поведения. Чему удивляться, если само здание палаты Общин [Вестминстерский дворец. — *Ред.*] своей бездушной архитектурой викторианской готики вызывает ассоциации

со школьной часовой и спорами между враждующими лагерями и агрессивным поведением.

Стратегии выживания многообразны: травля другого — только одна из возможностей. Можно ещё научиться «заговаривать зубы», глядеть в пол, невозмутимо улыбаться не к месту, как делал министр здравоохранения Джереми Хант, бывший староста в школе в Чартерхаус в известном документальном фильме Би-би-си 1994 года «Их воспитание» (The making of them). Это название я позаимствовал для своей первой книги. В фильме юных школьников закрытых учебных заведений снимали скрытой камерой в течение первых нескольких недель подготовительной школы. Зритель может наблюдать, как строится «стратегия выживания личности». Девятилетний Фредди говорит на камеру, стараясь делать это очень серьёзно и с явно гордым видом: «Закрытая школа изменила меня, и всё, что мне остаётся теперь, — смириться». Деланная независимость и показная псевдовзрослая серьёзность невольно бросаются в глаза в этом театральном представлении, напоминающая о Дэвиде Кэмероне и Тони Блэре в своё время. В их поведении также очевидна двойственность, усвоенная ещё в детстве, и избавиться от этой двойственности почти невозможно, потому что она способна обмануть даже того, кто сам её производит.

Социальные привилегии закрытых школ с психологической точки зрения — это палка о двух концах: с одной стороны стыд и невозможность признаться в своём страдании, с другой — чувство избранности, что объясняет почему выпускники закрытых школ одновременно нервничают, занимают оборони-

* Этим нарицательным именем характеризуют мальчишеские выходки взрослых, в ситуациях, когда они в агрессивно-покровительственной манере пытаются кого-то задеть. Гарри Флэшмен — главный герой серии новелл Дж. Макдональда Фрейзера (1925–2008). Типаж Флэшмена заимствован из книги Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна», где живописуются нравы и порядки школ Викторианской эпохи. — *Прим. ред.*

Сальваторе Скарпигта. Знак в убежище. 1961

тельную позицию и при этом излучают уверенность в себе. Например, Борис Джонсон абсолютно уверен в том, что обращение по фамилии или взрослая стрижка — это ненужные ему атрибуты. Он прекрасно себя чувствует в своей буффонате. Когда он призывал однажды во времена движения «Захвати Лондон» в 2011–2012 гг. со ступеней собора Св. Павла «Вперед во имя Бога и маммоны!», была ли это просто шутка в стиле комик-группы Монти Пайтон? Или некое закодированное послание для тех, кто так же, как и он, слушал чтение Библии короля Якова в течение десяти лет в часовне Итона. А тем, кто не в состоянии распознавать этот язык, лучше просто убраться.

Не так легко отказать от этих отживших свое привилегий, потому что они и есть компенсация за годы без любви,

семейного тепла, за годы стресса, за дефицит эмоционального, сексуального и социального развития. В моей новой книге «Травмированные лидеры» я прослеживаю историю британского элитизма и негативного отношения к детям в колониальные времена и то, что я называю «Проектом рационального человека», в логике которого викторианские закрытые школы ковали стоические кадры — будущих лидеров империи.

Недавние исследования в области нейронауки показали, что попытки воспитать лидера обычно заканчиваются неудачей. То есть человек не в состоянии принимать правильные решения, если он не способен учитывать эмоциональный аспект при обработке информации (исследования профессора Антонио Дамасио). Вам также не удастся развить гибкое мышление, если оно свободно от привязанностей (доктор

Сью Герхард), считывать мимические сигналы, если ваше сердце закрыто для чужих (и своих) эмоций, как не удастся увидеть полной картины, если ваш мозг был на строгой диете рациональности (нейропсихолог, доктор Иэн Макгилкрист). Все эти факторы обосновывают идею британского социолога Уилла Хаттона о том, что «все решения, которые принимала партия Тори в течение столетий, были неверными».

Оказавшись в закрытой школе в возрасте семи лет, Кэмерон, вынося из неё способность к выживанию, но не к эмпатии, едва ли в состоянии принимать взвешенные решения о взаимоотношениях с Европой, в отличие от премьер-министра Джона Мэйджора. Кэмерон может рассуждать о том, как лидировать в Европе, но не может рассуждать о том, как к ней принадлежать. Выходцы из закрытых школ не в состоянии принимать решения, верные для всего общества, потому что они не понимают до конца, что значит быть частью общества, — в силу того, что просто не имели возможности прожить в семье достаточное количество времени и понять саму идею совместной жизни. Командный дух для них существует только в их собственном представлении. Чтобы способствовать росту своей популярности среди правого крыла своей партии, Кэмерон думает, что достаточно просто агрессивно себя вести, не допуская уступок и то и дело пользуясь своим правом вето.

Его европейские коллеги ведут себя иначе. Ангела Меркель даже в трудные времена смогла удержать множество хрупких коалиций благодаря своей способности к сотрудничеству и выстраиванию отношений. Барак Обама поразил обе палаты британского парламента, когда в 2009 году, не получая никакой поддержки у себя на родине, тем не менее вошёл в недружелюбную атмосферу Кремля и

выстроил отношения с президентом того времени Дмитрием Медведевым и продвинул непростое соглашение о сокращении вооружений*.

Позднее на встрече с реальной властью в лице Владимира Путина Обама смог обсуждать проблемы российско-американских отношений в течение целого часа. В силу своего элитарного образования или скорее по причине его наши «травмированные лидеры» не могут себе позволить подобную государственную мудрость.

Чтобы изменить нашу политику, нам придётся изменить нашу систему образования. Сегодня самые серьёзные представители медицины признают синдром «закрытой школы». Многие из них недавно подписали открытое письмо в журнал «Обсервер», призывая отказаться от обучения детей в платных закрытых школах в раннем возрасте. Лейбористское правительство Клементы Эттли (1935–1955 гг.) попыталось было запретить реформировать закрытые школы, но даже лейбористское правительство Гарольда Вильсона (1964–1970 гг.) не отважилось поддержать это предложение. Денежная составляющая проблемы делает её сложной для разрешения — за закрытыми школами стоят гигантские финансы и мощное лобби. В отличие от других европейских стран, наше государство не инвестирует в частное образование, так что закрыть частные школы, которые, кстати, пользуются статусом благотворительных организаций, будет стоить невероятных финансовых ресурсов. Однако мы должны ответить на очень важный вопрос — действительно ли мы можем жертвовать нашими детьми ради получения неполноценных лидеров.

*Перевод с английского языка
Инны Березкиной*

* Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Подписан в Праге 8.04.2010 г., вступил в силу 5.02.2011 г., рассчитан на 10 лет.

Карл Маркс: человек, которые изобрел «локомотив истории»

*Андрей Захаров,
политолог,
доцент факультета истории,
политологии и права РГГУ*

Любому образованному человеку известно, что Карл Маркс — великий мыслитель, создавший доктрину, реализация которой в XX столетии радикально изменила облик мира. На протяжении долгого времени содержание этой доктрины, ее суть и основополагающие принципы были главным предметом интереса, когда речь заходила о марксизме. Однако для людей, читающих по-русски, сам ее творец оставался как бы в тени, что было вполне объяснимо: в Советском Союзе отношение к личности Маркса было, мягко говоря, неоднозначным — в первую очередь из-за того, что вождь мирового пролетариата долго сомневался в возможности марксистской революции в такой неразвитой стране, как Россия, да и славянский мир в целом был в его глазах символом европейской отсталости и косности¹.

Столь же не везет ему и в постсоветский период, когда «имя Маркса, как и его учение, если не предано проклятию в нашей стране, то, во всяком случае, вычеркнуто из списка обязательной и даже желательной для чтения литературы»².

Биография Маркса, между тем, очень интересна и поучительна. Основной вывод, который можно сделать, изучая ее, состоит в следующем: иногда — и вероятно, чаще всего — оглушительные по своей силе и влиятельности идеи творятся вполне обычными людьми, которые, подобно большинству из нас, думают и чувствуют в плену удручающих жизненных обстоятельств и далеко не полностью предвидят последствия своих умственных построений. Великой личностью крайне редко становятся при жизни.

Карл Маркс, появившийся на свет в 1818 году в маленьком немецком городке Трир, где было всего 12 тысяч жителей, был крайне раздражительным и предельно неуживчивым человеком, постоянно роптавшим на мир. И это недовольство можно понять, поскольку жизнь его складывалась нелегко. Как пишут биографы, он очень

любил своего отца, который умер рано, и недолюбливал мать, которая прожила гораздо дольше и долгое время не позволяла ему вступить в обладание отцовским наследством. Обожаемая им жена, которой он не был верен, скончалась от рака, прожив полную невзгод и горестей жизнь, а большинство детей умерли в юности. Всю взрослую жизнь его мучила инфекция, вызывавшая язвы на лице — отсюда грандиозная борода, которой он украшал себя со зрелых лет. Презирая капитализм, Маркс очень и очень ценил деньги, которых ему не хватало почти всегда (бытовая сторона жизни великого человека не подтверждает заявления немецкого социалиста Франца Меринга, его первого биографа, о том, что «Маркс отличался величественным равнодушием к денежным вопросам»³).

Более того, большую часть жизни ему пришлось жить в бедности, его постоянно преследовали кредиторы — до тех пор, пока друг и соавтор, богатый капиталист Фридрих Энгельс, не установил ему более или менее регулярное содержание. Хотя среди родственников Маркса были богатые буржуа, включая голландского дядюшку, сын которого позже основал знаменитый концерн «Филипс», причем некоторые из них время от времени помогали основателю марксизма деньгами, он всей душой ненавидел буржуазию. Капиталистическая экономика казалась ему в высшей степени несправедливой, но зато он любил буржуазный образ жизни — и по мере сил старался его придерживаться⁴.

Маркс родился в семье, произведшей на свет девять детей, из которых, однако, выжили не все. И по отцовской, и по материнской линии предками Маркса были европейские раввины, некоторые из них дослужились до весьма значимых степеней в иудейской иерархии. Впрочем, как не раз отмечалось, уже отец будущего классика полностью перерос свое еврейство и преодолел иудейские предрассудки⁵, в 35 лет он крестился, но не в католической вере, которая преобладала тогда в Трире, а в протестантской. Объяснялся такой необычный выбор просто: подобно поэту Генриху Гейне, отец Маркса ставил знак равенства между протестантизмом и интеллектуальной свободой. По словам того же Гейне, протестантизм был «входным билетом в европейскую культуру»⁶.

Кроме того, уже в начале XIX столетия быть евреем в Германии было непросто: в 1815 году прусское правительство запретило иудеям занимать публичные должности, а в 1816-м приняло расширительный список таких должностей, включив в него не только адвокатов, но и аптекарей. Короче говоря, крещение главы семейства, открывшее семье Марксов путь к респектабельности, «было актом не только религиозной, но и главным образом общественной эмансипации»⁷.

В политическом отношении отец Маркса был умеренным либералом и прусским патриотом. Между тем, сам Маркс свое происхождение ненавидел: он постоянно проклинал еврейство, иногда выступая в качестве настоящего антисемита. Так, в статье «К еврейскому вопросу» он утверждал, что богом евреев выступают деньги — они поклоняются золотому тельцу и воплощают в себе бездушие капитализма⁸.

Юный Карл Маркс сначала учился в иезуитской гимназии в Трире, где был на хорошем счету. Школьник преуспевал в гуманитарных науках, а

точным наукам уделял меньше внимания. Религиозная природа учебного заведения, однако, не оставила на мировоззрении Маркса никакого отпечатка. Более того, Маркс не раз видел, как его гимназию регулярно навещали полицейские агенты, корректировавшие учебные планы и кадровый состав преподавателей. В выпускном сочинении на тему «Размышления юноши при выборе профессии» молодой Маркс обосновывал не путь личного продвижения и индивидуального процветания, а романтическое служение человечеству, обязательность какой-то общественно значимой миссии⁹.

В отношениях с родителями и в школьное, и в университетское время он был ориентирован на отца — их переписка в университетские годы способна пролить свет на многие нюансы духовного взросления молодого Маркса¹⁰.

Он был настолько привязан к отцу, что всю жизнь не расставался с его фотографией, которую Фридрих Энгельс в 1883 году положил в его гроб. С матерью все было сложнее: по свидетельству Меринга, эта женщина «была всецело занята домашними делами, до конца жизни не научилась даже правильно говорить по-немецки и не принимала никакого участия в духовной борьбе сына»¹¹.

Будущий классик относился к ней менее трепетно, вероятно, потому, что не получал от нее интеллектуальной и образовательной подпитки, но зато мать, полностью поглощенная домашним хозяйством, старалась окружать его заботой даже на расстоянии, в годы университетской учебы. Так, сохранились письма, в которых она просит студента Маркса не забывать каждую неделю мыться с мочалкой и мылом¹².

Тем не менее, ответной нежности женщина не получала: как только умер Маркс-старший, Карл прервал почти все неформальные связи с семьей, включая не только мать, но и своих сестер и братьев. Отношения сохранились только со старшей сестрой Софией, да и то потому, что она была подругой Женни фон Вестфален, будущей жены Маркса.

С 1835-го по 1841 год Карл Маркс проходил университетское обучение, сначала два семестра в Бонне, а потом девять семестров в Берлине. Второй период был особенно важным для его становления, поскольку «Берлинский университет считался единственным публичным пространством в Пруссии, более или менее избавленным от цензуры»¹³.

Отец ориентировал его на изучение права, хотя самого Карла больше интересовали философия и история. Он также предпринимает и литературные опыты, в основном неудачные. Избавившись от домашней опеки, юноша бурно социализируется: он активен в неформальной студенческой жизни, пирушки и попойки становятся важной частью его времяпрепровождения, его подвергают административному аресту за пьянство, нарушение общественного порядка и даже за ношение оружия — что неудивительно, поскольку однажды он участвовал в дуэли. Учитывая такой образ жизни, студент Маркс вечно в долгах. Отец в письмах постоянно упрекает его в мотовстве. В 1836 году между отцом и сыном вспыхнул острый конфликт: причиной послужила тайная помолвка Карла с Женни фон Вестфален, сестрой одноклассника, с которым Маркс водил дружбу в гимназии. Семья

Марк ди Суверо. Добро пожаловать! 1998

Вестфален считалась весьма знатной и уважаемой, и отец полагал, что молодой Карл, еще не знающий жизни и довольно легкомысленный, взваливает на себя слишком тяжелое бремя. Это неудивительно: юный Маркс выбрал себе спутницу жизни в 19 лет, что, в общем, довольно рано. Мораль отца была такова: лучше бы учился как следует, ибо Марксу-старшему становится известно, что Маркс-младший активно прогуливает университетские курсы, на которые записался, и тратит непозволительно много денег. За первый год берлинской жизни, сокрушается отец, сын отличился только баснословными расходами: «Можно подумать, что мы кресы: за один год сынок изволил истратить чуть ли не 700 талеров, тогда как богачи не тратят и 500»¹⁴.

При этом он ссылается на опыт некоего паренька из Трира, который, будучи на восемь лет старше Маркса, сообщал своим родителям, что в прусской столице вполне сносно можно прожить и на 180–200 талеров. Напряженные отношения отца с сыном затянулись на несколько лет, и завершила их лишь кончина главы семьи в мае 1838 года. «Смерть пришла вовремя, — пишет биограф, — и избавила сразу родительское сердце от огорчений и разочарований, которые разбивали бы его по частям»¹⁵.

В университете Маркс увлекся Гегелем и его диалектикой. Эта философия оценивалась им сквозь либеральную призму, поскольку, проживая в прусской столице, Маркс вольно или невольно следил за острой борьбой немецкого либерализма с прусским государством. Экономический подъем Германии, развитие коммуникаций, основание таможенного союза немецких земель поощряли тягу к политической унификации, которую разделяла либеральная общественность. Но подобная перспектива обостряла вопрос о том, кто конкретно выступит объединителем. В этой связи особо пристального внимания удостоивалось прусское государство. Гегель, признававший это государство воплощением абсолютного духа и политической истиной в последней инстанции, не устраивал студенческую молодежь, которая считала полицейские порядки Пруссии далекими от идеала. Тезис Гегеля, согласно которому «все действительное разумно», категорически возмущивший в России «неистового» Виссариона Белинского, раздражал и немецкое либеральное общество, жаждущее расширения личных свобод. Вместе с тем предложенный Гегелем диалектический метод, постулирующий непрерывность и безостановочность развития человеческого духа, оказывался тем оружием, которое можно было использовать против его собственной философской системы. Если мысль и дух находятся в неумном развитии, то почему не может развиваться и сама жизнь — чем она хуже? Маркс чрезвычайно заинтересовался этой идеей, найдя единомышленников в кругу молодых последователей Гегеля — так называемых младогегельянцев. Он усиленно занимается философией, деля свое время между античностью и Гегелем.

Тем не менее, академическая карьера его сорвалась: теолога Бруно Бауэра, приятеля, который обещал ему протекцию в получении доцентской должности, из-за его политических взглядов (на одном из публичных мероприятий он поднял тост за гегелевскую идею конституционного государства, управляемого сугубо посредством законов, чем вызвал гнев самого прусского монарха)¹⁶ лишили высокого покровительства, уволив из университета, — и Маркс остался без работы.

Но ему повезло: в 1842-м году в возрасте 24 лет он возглавил кельнскую газету «Rheinische Zeitung», которую финансировала группа либерально настроенных и состоятельных граждан Кёльна и которая пригласила Маркса на эту должность, где-то услышав о способном юноше. Именно тогда, по его собственному признанию, Маркс начал интересоваться так называемыми материальными интересами и социальным вопросом. Пока, правда, это выливалось лишь в банальную констатацию того, что мир устроен несправедливо, а богатство и бедность в нем распределены крайне неравномерно. Интересно, что на первых порах издание молчаливо поддерживали и сами прусские власти: тяготая к протестантизму, они с его

помощью желали уравновесить влияние католической реакции, позиции которой в Рейнской области были довольно сильными и которая блокировалась вокруг газеты «Kölnische Zeitung» — одного из самых тиражных на тот момент немецких изданий.

Впрочем, спустя два года правительство Фридриха Вильгельма IV закрыло газету за проповедь революционных настроений и неуважение к властям. Интересно, кстати, что, когда возглавляемое Марксом издание нападало на прусскую монархию или цензуру, это сходило ему с рук. Запретили же газету после того, как она подвергла критике избыточное, по мнению ее авторов, влияние русского императора Николая I на прусскую администрацию; эта статья попала на глаза русским читателям, и в итоге российский посол в Берлине потребовал от прусского правительства прекратить безобразие¹⁷.

Но увольнение весьма позитивно сказалось на личной жизни Маркса. По словам Меринга, «как только для него стало ясно, что он не может писать под гнетом прусской цензуры и дышать прусским воздухом, он сразу же решил не уезжать из Германии без невесты»¹⁸.

Оставив редакторскую работу, Маркс совершил два поступка: во-первых, он наконец, спустя семь лет после помолвки, в 1843 году женился на Женни фон Вестфален; во-вторых, откликнувшись на зов одного из своих друзей, он после свадьбы переехал с женой в Париж. Как выяснилось позже, Германия была оставлена им навсегда — на постоянное жительство он туда не вернулся, бывая на родине лишь наездами.

Именно во французской столице в 1844 году Маркс завел дружбу с Фридрихом Энгельсом, сыном богатого мануфактурщика, который владел фабриками в Германии и Англии. Историки отмечают, что без поддержки Энгельса Маркс никогда столько бы не написал. Более того, продолжаются споры о том, кто из двух друзей был более талантливым: в их молодые годы, пишет Меринг, «Энгельс был тем, кто давал, а Маркс тем, кто воспринимал»¹⁹.

Действительно, в некоторых сферах Энгельс выступал более знающим, но в итоге он однозначно согласился на вторую роль в этой дружбе. Уже в Париже Маркс начал понимать, что нескончаемые философские исследования неуклонно ведут его к коммунизму — коммунистическая доктрина была продуктом творческой переработки гегелевской философии. К коммунизму его подталкивали и практические причины: во Франции, где было сильно рабочее движение, Маркс лично общался со многими видными социалистами. Маркс переполнен впечатлениями, он много пишет, но, по словам наблюдателей, несмотря на колоссальную работоспособность, никогда ничего не заканчивает. Главный объект его раздумий — Гегель. Размышляя о гегелевской философии права, Маркс задается вопросом о том, как устроено государство. По Гегелю, государство, как актуальная идея, в воплощении своем рождает из себя две сферы: семью и гражданское общество. Маркс переворачивает это соотношение: по его мысли, все обстоит наоборот — семья и гражданское общество, естественным образом возникающие институты, генерируют государство. Он все более зримо уходит от того, что именует «гегелевской мистификацией». Искажение, согласно Марксу, должно быть исправлено следующим образом: государство будет оставаться чем-то чуже-

родным и трансцендентным до тех пор, пока частная и публичная сферы существования человека не сделаются идентичными — это и будет бесклассовое общество, или подлинная демократия.

В свою очередь, наблюдения за германской политической жизнью делают Маркса все более радикальным: он, либерал, разочаровывается в либеральных методах исправления общественных недугов — в статье «Введение к критике гегелевской философии права», которую он пишет в Париже в 1844 году, он начинает рассуждать об иных, не словесных, а более действенных методах изменения общественных отношений²⁰.

Оружие критики, заявляет Маркс, отнюдь не заменяет критику посредством оружия, а материальную силу можно ниспровергнуть только материальной силой. Такой «материальной силой» способна стать правильная теория, овладевшая массами. Главное — разработать такую теорию. С середины 1840-х годов Маркс приступает к решению этой задачи.

Первым делом нужно было найти общественную группу, которая способна проявить восприимчивость к подобной теории. Такая группа должна быть особенной, лишенной обременений, привязывающих ее к утвердившимся общественным порядкам. Она должна быть как бы отстраненной от этих порядков — это своеобразное социальное «перекати-поле», люди, которым нечего терять, «сословие, которое являет собой разложение всех сословий»²¹. Такой группой, в глазах Маркса, оказывается пролетариат — класс наемных рабочих, принципиально недовольных своим общественным положением. Именно здесь философия смыкается с социологией: правильно интерпретированный и раскритикованный Гегель позволяет ставить задачу эмансипации человека, а орудием этой эмансипации выступит особый класс, который в радикальном преобразовании мира ничего не утратит, но только приобретет. «Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат, — пишет Маркс. — Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»²².

Провозглашение альянса между философией и пролетариатом заставляет чистого гуманиста Маркса обратиться к изучению экономики. Экономика в чистом виде ему не интересна: он обращается к ней как философ, заинтересованный в освобождении человека посредством революционного обновления мира. Первоначально эти исследования вылились в «Экономическо-философские рукописи», написанные в 1844 году и излюбленные поклонниками так называемого «раннего Маркса»²³.

Конечно, и тогда, и теперь «предложенная Марксом интерпретация пролетариата как необыкновенного и особого класса выглядела не более убедительно, чем, например, выведение Гегелем монархического принципа из самой природы»²⁴, но Маркс в ту пору и не собирался выходить за рамки умозрительного анализа.

В этих исследованиях он в первую очередь остается философом: его интересует проблема, которую экономисты его времени просто не стави-

Марк ди Суверо. Посвящение Стюарту Дэвису. 1968

ли. Речь идет об отчуждении труда — о том, что человек, вкладывая в свой труд значительную часть себя, в процессе труда расстается с этой частью собственного «я», теряет изрядную долю своей личности. Его труд оказывается отчужденным трудом, и более того, этот отчужденный труд присваивается другими людьми. Нарушается естественный процесс самореализации, к которому человек призван: мир расщепляется, его целостность поколеблена. Выразить себя и, разумеется, быть счастливым в мире, единство которого фундаментально повреждено, просто невозможно. Это — драма человеческого существования, экзистенциальная по сути проблема. Отчуждение человека от самого себя должно быть ликвидировано: именно это подталкивает Маркса к рассуждениям о необходимости революции, сплочении рабочих, переходе к коммунизму. Стоит повторить: его исходная задача остается нравственно-экси-

стенциальной по своей сути — нужно позволить человеку максимально полно реализовать себя в тот краткий срок, который отведен ему на земле. Революция, иначе говоря, проистекает из необходимости исправления повреждения экзистенции, поскольку в бытии пролетариата человек полностью теряет свой человеческий облик. Что же надо сделать? Упразднить частную собственность как главную причину человеческого самоотчуждения. Именно это есть фундаментальная цель; все остальное — объединение рабочих, создание пролетарских политических партий, переход к коммунизму — лишь инструменты, позволяющие приблизить ее достижение.

В начале 1845 года Маркса высылают из Франции по требованию немецких властей за публикацию двух антипрусских статей в одной из парижских газет. Семья Маркс отправляется в Брюссель, где проживает до 1848 года. Незадолго до этого у них рождается первый ребенок, дочь Женни. К тому моменту Маркс уже стал человеком с определенной и недвусмысленной репутацией: несмотря на то, что немецкий изгнанник никогда не писал о Бельгии, его почти сразу пригласили в «ведомство общественной безопасности» и на всякий случай потребовали письменного обязательства не комментировать в печати вопросы текущей бельгийской политики²⁵.

Прусская полиция по-прежнему интересуется им, и поэтому он принимает решение отказаться от прусского гражданства. Позже, когда семья переберется в Лондон, Марксу откажут в предоставлении британского паспорта из-за того, что он проявлял нелояльность к прусской короне. В итоге он до конца жизни останется лицом без гражданства, апатридом — как и любимый им пролетариат, который, как известно, «не имеет отечества». Во время проживания в Бельгии в семье рождаются дочь Лаура и сын Эдгар, который позже, в 1855 году, станет жертвой ужасающей нищеты лондонского периода семьи Маркс, прожив только до восьми лет, причем у семьи не будет даже денег на могилу для него. Впрочем, как отмечает первый биограф основателя марксизма, «в противоположность жалкому жребью филистера, для которого его мелкие делишки заслоняют мир, Марксу было дано возвышаться над самыми горькими бедствиями в служении «великим целям человечества». Жизнь в избытке давала ему случаи поупражняться в этой способности»²⁶.

Действительно, уже в брюссельские годы семья испытывает серьезные финансовые затруднения: друзья собирают для них деньги по подписке, а фрау Маркс пытается наиболее рационально наладить семейный бюджет, пока не теряя жизненного оптимизма. И хотя она, по словам Меринга, «была избалована с детства и не всегда умела справляться с мелкими житейскими невзгодами, как справилась бы на ее месте закаленная пролетарка»²⁷, до уныния и меланхолии, которые завладели ею позже, было еще далеко.

Маркс, между тем, старается работать даже среди бытовой разрухи. В громоздкой и путанной²⁸ работе «Немецкая идеология», написанной совместно с Энгельсом, он предлагает развернутое толкование своего материалистического понимания истории, впервые вскрывая динамику взаимодействия производительных сил и производственных отношений и описывая механизм смены общественно-экономических формаций²⁹.

Но для Маркса важно не только то, что социальная действительность меняется естественным образом, — мир надо подталкивать, ему следует помогать меняться. Именно в это время в тезисах о Фейербахе звучит знаменитая мысль о том, что если раньше философы только объясняли мир, то теперь задача состоит в его изменении³⁰.

Впрочем, с разработкой теории у Маркса и Энгельса получалось гораздо лучше, чем с партийной работой. И в Париже, и в Брюсселе они пытаются участвовать в деятельности социалистических и рабочих клубов, но ни одному не хватает лидерских качеств. Для пролетариев они слишком умны, а для социалистов-единомышленников слишком авторитарны и заносчивы. «Маркс занимается здесь тем же суетным делом, что и раньше, — портит работников, делая из них резонеров, — пишет оказавшийся в то время в Брюсселе русский социалист Михаил Бакунин. — То же самое теоретическое сумасшествие и неудовлетворенное, недовольное собой самодовольствие»³¹.

Эта беда будет мучить Маркса всю жизнь: создать эффективную организацию рабочих-революционеров ему не удастся — это смогут сделать только его будущие последователи. Что касается оппонентов-интеллектуалов, то по отношению к ним Маркс был неизменно жесток: в дискуссиях он не стеснялся переходить на личности, и теоретический спор с тем или иным товарищем обычно заканчивался полнейшим разрывом. Именно так случилось, например, с французским социалистом Пьером Жозефом Прудоном и русским анархистом Михаилом Бакуниным. С некоторыми дело обстояло еще хуже: так, в отношении немецкого социалиста Фердинанда Лассалья оба основателя марксизма испытывали «антипатию, не поддающуюся никаким доводам разума»³², а при такой установке естественно сотрудничать нелегко (впрочем, отсутствие симпатии не мешало Марксу в трудную минуту обращаться к Лассалю за финансовой помощью).

Все упомянутые товарищи, а также многие другие, нередко обвиняли Маркса в плагиате, но это не снимает его заслуг: если он и заимствовал идеи у других революционеров и ученых, то творческий синтез, созданный гением Маркса, был вполне самобытным. Не чужда была Марксу и некоторая зависть к успехам единомышленников: так, получив в 1858 году только что вышедшую и радушно встреченную академической критикой работу Лассалья «Философия Гераклита Эфесского», Маркс мрачно высказался в том духе, что «легко нагромождать цитаты, когда имеешь для этого достаточно денег и времени и есть возможность получать на дом книги из боннской университетской библиотеки». По предположению Меринга, причиной дурного отношения к хорошей публикации могло стать то, что классику при получении книги на почте пришлось погасить наложенный платеж в два шиллинга³³.

В 1847 году, когда лондонский «Союз справедливых», объединивший сторонников и друзей Маркса, постановил преобразовать себя в «Союз коммунистов», Маркс и Энгельс решили написать учредительный документ нового объединения. Так на свет появился «Манифест Коммунистической партии» — документ, который и сегодня способен возбудить политически ангажированного читателя³⁴.

Текст вышел великолепный: он очень конкретен и чувственен, это именно то, что было нужно горстке объединявшихся коммунистов, рассчитывавших на широкую поддержку народных масс. Именно с этого момента политический месседж марксистов начинает звучать все более религиозно, напоминая библейские пророчества, а пролетариат все более обретает черты класса-мессии, призванного искупить страдания всего человечества и освободить его.

Представление о революциях как «локомотивах истории» зачаровывало Маркса. Поэтому, когда в начале 1848 года началось революционное брожение во Франции, Маркс и Энгельс впали в заметную ажитацію. Им показалось, что их теоретические предвидения начинают сбываться. Маркса не огорчило даже то, что с началом этих событий к нему в дом явилась бельгийская полиция — и семью в очередной раз выслали, на этот раз в революционную Францию, где правительство Франсуа Гизо аннулировало прежние решения французских властей, касающиеся Маркса (депортация была обставлена весьма грубо: бельгийские власти арестовали не только самого Карла, но и Женни, которой пришлось провести ночь в компании брюссельских проституток). В марте революция пришла в Берлин и Вену. Подчиняясь революционной волне, в мае 1848 года Маркс и Энгельс запустили в Кельне издание «*Neue Rheinische Zeitung*», газеты, обозначавшей себя как «орган демократии» и выходившей на протяжении года. В связи с тем, что теперь, в условиях революционного кипения, газета могла заниматься коммунистической пропагандой вполне открыто, Маркс распустил «Союз коммунистов», ведь главной задачей этой организации прежде была именно пропагандистская деятельность. К лету, однако, ситуация изменилась: французские рабочие проиграли баррикадные бои в Париже, а затем на спад пошла и революционная волна по всей Европе.

В этот период газета Маркса сосредоточилась на критике русской монархии: она громко и открыто призывала европейских либералов к революционной войне против Российской империи, а также критиковала идеологию панславизма и, разумеется, защищала поляков. Основатели марксизма не скрывали своей революционной ненависти к славянским народам, сделавшимся, по их мнению, слугами реакции. «Ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью, — писал на страницах газеты Энгельс. — Со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности»³⁵ (кстати, в тот же период, предвидя скорое военное столкновение сил революции с врагами в лице славян, Энгельс берет за изучение славянских языков).

Подхватывая известную идею Гегеля, издание убеждало своих радикально настроенных читателей в том, что отношение к общеевропейской революции является четким критерием деления народов на «исторические» и «неисторические». В грядущей революционной войне, заявляли журналисты «*Neue Rheinische Zeitung*», исчезнут не только архаичные правящие династии, но целые «реакционные нации», прежде всего славянские, хотя и не только. Поздние исследователи называли это явление

Арнальдо Помодоро. Макет колоннады для Финансовой площади Гонолулу. 1969

«весьма диковинным революционным вариантом догмы о “бремени белого человека”»³⁶.

В конце концов, летом 1849 года прусские власти закрыли издание, последовательно пропагандировавшее революционный терроризм, а Марксу и его семейству было предложено в 24 часа покинуть Пруссию. На этот раз чета Маркс отправилась в Лондон — как обычно, без гроша в кармане.

Основатель марксизма прибыл в английскую столицу разочарованным и воодушевленным одновременно. Провал революции в Германии означал для него смену приоритетов: в нем все меньше оставалось от верящего в здравый смысл либерала, которого неуклонно вытеснял сторонник жесткого насилия. В Лондоне он поначалу пытался продолжить издание «*Neue Rheinische Zeitung*», но дело не очень пошло. Марксу с трудом находил силы убеждать себя в том, что революция закончена — ему не хотелось в это верить. Он, как и Энгельс, выдавал желаемое за действительное: друзья пытались разглядеть признаки надежды там, где их и быть не

могло, что, разумеется, не красило их в глазах окружающих. «Они нередко надеялись, что скоро сорвут плоды, в то время как едва лишь начинали распускаться цветы, — с грустью констатирует Меринг. — Как часто бранили их за это лжепророками! А слыть лжепророком не особенно лестно для политика»³⁷. С этим, конечно же, трудно спорить.

Оказавшись в Лондоне, Маркс втягивается в борьбу враждующих между собой фракций социалистов, которые пребывают в постреволюционном кризисе. Деградация коммунистического движения вынуждает его признать, что организационно оно не состоялось: «Разве мы в продолжение стольких лет не притворялись, будто у нас бог весть какая партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии <...>, не понимали даже элементарных начал наших теорий»³⁸.

Институциональные провалы заставляют основателей марксизма временно отойти от практики, погрузившись в теоретические изыскания. В частности, Марксу хочется обнаружить факторы, которые делают рабочих, пролетариев, революционерами от природы, и с этой задачей он отправляется в Британский музей — читать книги по экономике, с девяти утра до семи вечера. Он очень раздражается, когда его что-то отвлекает: из-под его пера постепенно выползает махина «Капитала». Между тем, уровень бедности, которого к тому моменту достигла семья основателя марксизма, превратил их самих в пролетариев. Вшестером они живут в двух скромных комнатах. У Маркса зачастую нет даже писчей бумаги. У супругов рождается сын Гвидо, который умирает через год, а потом еще одна дочь, Франциска, которой тоже был отпущен лишь год. Более милосердной судьба оказывается к дочери Элеоноре, появившейся на свет в 1855 году. Маркс в письмах Энгельсу жалуется на то, что жена его постоянно болеет, занята «самыми безрадостными житейскими заботами», а нервы ее издерганы; он сообщает о том, что больше не может позволить себе мяса, а новорожденные дети обходятся без кроваток. Тем не менее, на этом фоне появляется классическая работа «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», которую до сих пор изучают специалисты-политологи³⁹.

Между тем, список трудностей, с которыми сталкивалось семейство, становился все обширнее. Принято считать, что Маркс не закончил «Капитал» из-за теоретических затруднений, не зная, как свести воедино положения своей теории. На самом деле виной всему были жизненные неурядицы, сводившиеся к трем обстоятельствам: слабое здоровье, вечная нехватка денег и проблемы в семейных отношениях. Основатель марксизма жаловался на дурное самочувствие всю сознательную жизнь: в его письмах постоянно упоминаются проблемы с легкими и бронхами, а также фурункулез и геморрой. Кроме того, с 1849 года его мучили боли в печени и желчном пузыре, не оставлявшие больного до конца жизни. Доктора подозревали, что в основе болезни нервы. Одним из следствий стала бессонница: с ней Маркс боролся посредством легких наркотиков, алкоголя и курения, которое было ему противопоказано. В итоге он обзавелся хроническим катаром, который в конце жизни перерос в туберкулез. От туберкулеза умер также его сын Эдгар и дочь Женни, скончавшаяся в 1883-м, в один год с отцом.

Из-за болезни Маркс был очень раздражительным и резким, и от этого страдали все его близкие. Безденежье оставалось столь же хроническим: даже если в руках Маркса или его жены оказывались приличные суммы — а такое иногда случалось, — все утекало сквозь пальцы. О деньгах он пишет постоянно; он занимает и занимает, семья часто ест одну картошку, но дохода нет. Даже когда в 1863 году у Энгельса умирает давняя возлюбленная Мэри Бёрнс, Маркс отводит на соболезнования всего три строчки, а дальше все письмо посвящает своим стесненным обстоятельствам и просьбам о выдаче очередных сумм; супруга же Маркса, поглощенная собственными бедствиями, вообще не высказывает другу семьи никакого сочувствия. Это неудивительно: ее нервная система до предела расшатана: в письмах все чаще упоминаются ее истерики. «Привыкшая с детства к жизни, свободной от всяких материальных забот, жена Маркса, благороднейшая женщина, иногда падала духом под ударами и стрелами яростной судьбы и не раз призывала смерть на себя и своих детей, — рассказывает Меринг. — В письмах Маркса слышатся отголоски домашних разногласий, и он порой думал, что женитьба — величайшая глупость для людей с идейными стремлениями, так как она связывает жизнь мелкими домашними заботами»⁴⁰.

Вдобавок ко всему, не все было ладно, как потом выяснилось, и между самими супругами; после кончины основателя марксизма от Энгельса вдруг стало известно, что у Маркса остался внебрачный сын, прижитый им с Еленой Демут, помощницей по дому, проживавшей с семейством Маркс на протяжении десятилетий, начиная с Брюсселя. Она родила мальчика, названного Фредериком, в 1851 году, причем личность его отца ни для кого из взрослых домочадцев не составляла тайны. Чтобы сохранить мир в семье, благородный Энгельс взял отцовство на себя, хотя в записи актов гражданского состояния соответствующая строчка осталась пустой. Ребенка немедленно передали приемным родителям, а о его существовании Энгельс заявил лишь тридцать лет спустя⁴¹. Тем не менее, когда пришло время, Демут была похоронена в одной могиле с четой Маркс; вероятно, биограф совсем не случайно называет ее «добрым духом дома»⁴².

На протяжении десяти лет, с 1851-го по 1862 год, Маркс снова работал как журналист, хотя журналистом себя никогда не считал. Его работодателем была американская газета «New York Daily Tribune», имевшая на тот момент 200 тысяч подписчиков и неплохо платившая своим авторам. Для Маркса две статьи в неделю, подготавливаемые для этого издания, были необходимостью, дававшей хоть какой-то стабильный заработок. В этой связи он оставил внушительное наследие статей, посвященных различным политическим вопросам. Но практической политикой он в это десятилетие занимается мало: политическим интригам в основном посвящены 1860-е годы. В этот период Маркс сражается с немецкой социал-демократией: он постоянно учит ее, как налаживать классовую борьбу, но немецкие товарищи полагают, что лондонские изгнанники не имеют никакого представления о ситуации в Германии. Потом наступает эпоха Интернационала — в принципе, в практическом отношении такая же бесплодная, как и предыдущая, несмотря на несколько конгрессов, проведенных этой организацией в 1860-х годах.

В это время Маркс ожесточенно спорит с анархистом Бакуниным и воспеваает опыт Парижской коммуны, подгоняя его под свои теоретические изыскания. Фактически он создает миф о коммунарах, которым потом активно пользовался Ленин⁴³.

В перерывах между политическими тяжбами, распрями и интригами он пытается писать «Капитал», но получается не очень хорошо: Энгельс все время спрашивает, как продвигается работа, Маркс рапортует об успехах, но после его кончины выясняется, что рукопись оставлена автором в полнейшем беспорядке. Энгельсу приходится чуть ли не дописывать ее. Тем не менее, именно публикация «Капитала» породила среди последователей Маркса ощущение того, что коммунизм наступит с неизбежностью естественного процесса. По замыслу автора, из внушительного труда объемом в две с половиной тысячи страниц читателям предстояло извлечь три идеи: 1) экономические обстоятельства диктуются объективно складывающимися социальными отношениями; 2) источником капиталистического накопления всегда выступает эксплуатация наемного труда; 3) внутренние противоречия капитализма неминуемо ведут к его краху. Сам Маркс, тем не менее, к концу жизни приходит к более трезвому пониманию перспектив революции: на протяжении 1870-х годов он не раз говорит, что для наиболее передовых стран Европы, включая Англию и Голландию, она перестала быть неизбежной, а вызревание революционного кризиса в остальных сегментах капиталистической системы может затянуться на десятилетия. Разуверившись в потенциале Запада, он обращает свой взор на Восток, попутно пересматривая былые антирусские предубеждения. К концу жизни Маркс начинает учить русский язык и интересуется аграрными проблемами России. «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», — заявляли они с Энгельсом, обращаясь к русской публике в 1882 году⁴⁴. Действительно, на что еще оставалось надеяться?

Падение Парижской коммуны, «после которого даже Маркс не верил в возможность европейской революции в обозримом будущем»⁴⁵, и распад коммунистического Интернационала, последовавший после его Гаагского конгресса 1872 года, подточили силы основателя марксизма. Ему почти шестьдесят лет, и он беспрерывно болеет.

Примерно с 1878 года он прекращает систематическую работу; примерно в то же время опасно заболевает его жена — у нее обнаруживают рак. Кончина супруги в декабре 1881 года наносит Марксу удар, от которого он уже не может оправиться. К тому моменту он был уже настолько болен, что врачи запретили ему провожать Женни на кладбище. Его физическое и психическое здоровье продолжает стремительно ухудшаться. 20 мая 1882 он пишет: «Насколько бессмысленна и пуста жизнь, но как же она желанна!». В январе 1883 года неожиданно умирает его дочь Женни, а в марте уходит и сам Маркс. «Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящему триумфу врачебного искусства, — отозвался на его кончину Энгельс. — Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить,

имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания их закончить и от невозможности это сделать, - это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть»⁴⁶.

Маркс оказался счастливым и еще в одном отношении: ему не довелось увидеть практического воплощения своих идей, которое у него, как у поклонника Просвещения, вызвало бы несомненное отвращение. Как отмечает британский историк Дэвид Кэннадайн, коммунистические режимы, распространившиеся по планете после 1917 года, «приобретали различные формы, но ни один из них в своей деятельности не добился соответствия тем целям и средствам, о которых Маркс и Энгельс говорили в “Манифесте коммунистической партии”»⁴⁷. Тем не менее, после своего ухода Маркс стал очень влиятельным человеком.

Разумеется, трудно спорить с тем, что отцы-основатели марксизма переоценили значение классовой борьбы. Наиболее ярко эта переоценка проявила себя дважды: в первый раз во время революции 1848 года, когда европейский рабочий класс, вопреки ожиданиям коммунистов, почти никак не заявил о себе, а во второй раз в 1914 году, когда был посрамлен миф о том, что «пролетарии не имеют отечества». Много неудач было и потом. Но, что интересно, неоднократные провалы марксизма ничуть не снижали его популярности. Из марксистской идеологии выделилось множество направлений мысли, которые зачастую обвиняли друг друга в ереси. Тем не менее, у марксизма, как у доктрины, выступающей за эмансипацию и освобождение человека, даже сегодня, в сильно изменившемся мире XXI столетия, по-прежнему большое будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об отношении основателей марксизма к славянам в частности и «реакционным народам» в целом см.: Ульянов Н.И. *Замолчанный Маркс // Он же. Скрипты: Сборник статей*. Анн-Арбор, Мичиган: Эрмитаж, 1981. С. 119–148.

2 Межуев В.М. *Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему*. М.: Культурная революция, 2007. С. 5.

3 Меринг Ф. *Карл Маркс. История его жизни*. М.: Государственное издательство политической литературы [далее - Госполитиздат], 1957. С. 89.

4 В ряду новейших работ, анализирующих противоречивую личность Маркса и столь же неоднозначную судьбу его учения, стоит выделить книгу Скотта Монтомгери и Даниэла Чиро, увенчанную многочисленными литературными премиями: Montgomery S., Chirot D. *The Shape of the New: Four Big Ideas and How They Made the Modern World*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2015.

5 См.: Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 31–32.

6 См.: Blumenberg W. *Karl Marx: An Illustrated History*. London: Verso, 2000. P. 11.

7 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 31.

8 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 382–413.

9 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. М.: Госполитиздат, 1956. С. 1–5.

10 Очень показательно, например, одно из самых значимых писем молодого Маркса к отцу, написанное в 1837 году. См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*.

11 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 30.

12 Blumenberg W. *Op. cit.*

- 13 Hosfeld R. *Karl Marx: An Intellectual Biography*. New York — Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 4.
- 14 Цит. по: Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 41.
- 15 Там же. С. 42–43.
- 16 Hosfeld R. *Op. cit.* P. 11.
- 17 Об этом факте см.: Hosfeld R. *Op. cit.* P. 1.
- 18 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 80.
- 19 Там же. С. 123.
- 20 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 219–368.
- 21 Маркс К. *К критике гегелевской философии права. Введение* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 1. С. 427.
- 22 Маркс К., Энгельс Ф. *Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 40.
- 23 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. С. 517–642. Hosfeld R. *Op. cit.* P. 32.
- 24 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 137.
- 25 Там же. С. 80–81.
- 26 Там же. С. 34.
- 27 Желая оправдать неудобочитаемость ранних работ классиков марксизма, Меринг пишет: «Дело объяснялось тем, что вся тогдашняя идейная борьба разыгрывалась в очень маленьком кругу лиц, из которых к тому же многие были еще в весьма юном возрасте. ... У противника берут какое-нибудь одно место и начинают на него охотиться, как на дикого зверя. Буквальным или произвольным истолкованием мысли противника ей стараются придать возможно более глупый смысл. Все эти приемы, равно как и склонность к безграничным преувеличениям, были рассчитаны не на большую публику, а на утонченное понимание профессионалов» (Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 139).
- 28 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
- 29 Одиннадцатый тезис этой работы звучит так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 3. С. 4).
- 30 Бакунин М.А. *Собрание сочинений и писем, 1828–1876*. Т. 3. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. С. 284.
- 31 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 203.
- 32 Там же. С. 280.
- 33 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
- 34 Энгельс Ф. *Демократический панславизм* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 6. С. 306.
- 35 Подробнее см.: Hosfeld R. *Op. cit.* P. 79–80.
- 36 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 218.
- 37 Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 1-е изд. Т. XXI: Переписка 1844–1853 годов. М. — Л.: Государственное издательство, 1929. С. 151.
- 38 См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957.
- 39 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 254.
- 40 Hosfeld R. *Op. cit.* P. 91–92.
- 41 Меринг Ф. *Указ. соч.* С. 201.
- 42 См.: Маркс К. *Гражданская война во Франции* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 317–370.
- 43 Маркс К., Энгельс Ф. *Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии»* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 305.
- 44 Hosfeld R. *Op. cit.* P. 120.
- 45 *Воспоминания о Марксе и Энгельсе*. М.: Госполитиздат, 1956. С. 359.
- 46 Cannadine D. *The Undivided Past: History Beyond our Differences*. London: Penguin Books, 2014. P. 115.

*Василий Жарков,
кандидат исторических наук*

Война и революция 1917 год в России и мировая политика

Говоря о Русской революции, нельзя не учитывать существовавшего на момент ее совершения международного политического контекста, европейского и формировавшегося глобального. Во-первых, эта революция, безусловно, оказалась следствием не только внутренних, но и внешних факторов, воздействовавших на военно-феодальную структуру Российской империи. Кризис и крах царской России может быть рассмотрен в ряду аналогичных процессов, одновременно затронувших все континентальные империи европейской периферии.

Во-вторых, события 1917 года обычно рассматриваются в контексте их «всемирно-исторического значения», что вполне справедливо. Русская революция стала одним из важнейших сдвигов в международной политике начала XX века. Наряду с Первой мировой войной и вхождением США в число ведущих держав, она определила формат и характер всей системы международных отношений на многие последующие десятилетия.

Свою концепцию «короткого XX века» в мировой политике британский историк-марксист Эрик Хобсбаум увязывал с «борьбой крайностей», одной из которых был порожденный октябрем 1917-го советский проект. Вместе с тем остается вопросом, в какой степени русская версия марксизма и коммунизма была реальной альтернативой мировой системе капитализма, успешно эволюционировавшей в борьбе с тоталитарными структурами.

* * *

Каково было международное положение империи Романовых накануне и собственно в момент революции? Современный официоз развивает тезис об «украденной победе», когда вследствие «заговора» и происков «внутренних врагов» (на службе у врага внешне-го) Россия потеряла якобы шедшую ей в руки победу в большой европейской войне, как и часть своих импер-

ских территорий. Однако, если выйти из упрощающей оптики конспирологии и посмотреть на происходившее с точки зрения истории как процесса эволюции систем общественных отношений, представленная картина оказывается значительно сложнее, куда менее линейной и однозначной.

С точки зрения расстановки сил в международной политике, ситуация в самом кратком виде может быть описана следующим образом. «Большая игра», представлявшая собой соперничество Российской и Британской империй в Центральной Азии, в начале XX века завершилась присоединением России к англо-французскому военному союзу. «Антанта», участницей которой стала империя Романовых в последние годы своего существования, может быть описана как объединение держав, выступавших за сохранение статус-кво в произошедшем к тому моменту колониальном разделе мира. Ревизионисты, в первую очередь Германия, настаивали на переделе, в то время как Россия фактически смирилась с положением европейской периферии и младшего партнера атлантических союзников, существующего за счет внешних инвестиций и займов.

В союзе с Россией «Антанта» представляла силу, потенциально более мощную, чем «Четверной союз» во главе с кайзеровской Германией. Однако злейшая ирония истории состояла в том, что, даже присоединившись к коалиции будущих победителей, Российская империя свою войну проиграла. В этом плане ее постигла участь тех континентальных держав, с которыми она воевала. Австро-Венгрия и Оттоманская Порта распались, не оставив следа на карте мира. Германский «Второй рейх», понеся болезненные и унижительные потери, оказался неспособным реализовать свою гегемонистскую доктрину «срединной Европы». Крушение Петербургской империи Рома-

новых, произошедшее на фоне Первой мировой войны, легко встраивается в этот ряд.

Если сравнить внутренние структуры, то российская монархия была куда ближе к Константинополю, чем к Берлину или Вене. Обеспечив роль пушечного мяса в коалиции из-за слабости и неразвитости своего государства. Политическая система, далекая от принципов открытости, равенства и состязательности, лишенная сильных гражданских институтов, насильно прикованная к ложу одряхлевшей и неспособной к эволюционным переменам абсолютистской монархической модели, дала сбой в самый неподходящий для этого момент. И это обернулось не просто военной неудачей, но коллапсом и катастрофой всей структуры, сформированной и функционировавшей на протяжении двух предшествующих столетий.

«Русская трагедия», как, впрочем, и «победа» (сегодня и то, и другое, разумеется, носит во многом мифологический характер) лучше всего видны именно в международно-политическом контексте. Вполне логично, следовательно, напомнить, чем была Российская империя в системе международных отношений Нового времени.

* * *

Используя подход Бенно Тешке, профессора Университета Сассекса, Российской империю XVIII — начала XX столетия можно описать как классическую абсолютистскую монархию вестфальского типа. В этом плане Россия оказалась куда более устойчивой, если не сказать косной, политической структурой, нежели Франция и Швеция, под воздействием и контролем которых Вестфальская система, собственно, и создавалась с момента заключения одноименного мира в середине XVII века.

Внешнеполитическая ориентация европейского абсолютистского государства Нового времени определялась двумя ключевыми факторами: во-первых, протекционизмом и связанной с ним борьбой за привилегированный доступ на региональные рынки, во-вторых, геополитическим накоплением, диктуемым феодальным по своей сути характером государства, питавшегося рентой с контролируемых земель. Рента, правда, обеспечивалась не самими землями, а проживавшими на них массами податного населения, которые не только содержали военно-феодальную вертикаль, но служили источником массовых человеческих ресурсов для регулярной армии, необходимой в войнах за все новые земли и торговые преференции, к которым стремились европейские монархи.

Однако уже Утрехтский мир 1714 года показал Европе совсем иную, стратегически куда более успешную альтернативу. При разделе «испанского наследия» Англия, в отличие от старых континентальных империй, ограничилась крошечными, но имеющими важное значение для мореплавания кусками суши, предпочтя земле с тягловым населением свободный доступ на трансграничные рынки, например, на рынок работоторговли в испанских колониях. Английская политика Нового времени, обусловленная более развитой и сложной структурой, чем деспотии «старого порядка», первой предложила принципиально иную модель поведения на международной арене. Не рентные аппетиты военно-бюрократической иерархии, а рост финансового капитала и интересы свободного доступа на международные рынки — вот, что лежало в основе новой, неуклонно развивавшейся системы. Принцип «чья земля, того и вера», предполагавший полную автономию государства в своих границах, вытеснялся несколькими иными правилами игры, когда национальные политические структуры превраща-

лись в сосуды, по которым система, в современной критической теории часто именуемая «глобальным капитализмом», распространяла свое господство на все новые страны и континенты.

Происходившее таким образом наступление эры капитализма (в первую очередь в Европе и сопредельных регионах) вызвало необходимость реакции со стороны отдельных государств и формирующихся наций на вызов глобального развития. Ответ, как экономический, так и политический, предполагал либо выбор прагматичной внутренней структурной трансформации, либо попытки отчаянного сопротивления в виде усиления полицейских мер, автаркии и / или поиска «особого пути».

Будучи государством с максимально возможной степенью абсолютизма и, как следствие, «лучшим учеником» Вестфальской системы, на поле европейской политики Нового времени Россия оказалась в двойственном положении. С одной стороны, долгое время она демонстрировала удивительную устойчивость в качестве оплота «старого порядка» Европы. С другой стороны, накапливающийся разрыв с новым европейским мейнстримом, связанным с переходом от абсолютистской модели к либеральным демократиям, в критериях новой, неуклонно развивавшейся системы демонстрировал все большую отсталость и, как следствие, утерю могущества Российской империи.

Можно сказать, что в семье европейских государств Нового времени Россия была самой молодой и сильной среди стареющих и слабеющих держав. Швеция проиграла свое геополитическое могущество в Европе спустя чуть более половины столетия после Вестфальского мира. Франция неуклонно утрачивала гегемонию на протяжении XVIII века по мере деградации абсолютизма и приближения к революции 1789 года. Российская

империя не просто в исторически кратчайшие сроки и практически беспрепятственно захватила континентальную периферию Евразии, но сумела создать ощущение невиданного успеха и величия как в самой стране, так и у соседей.

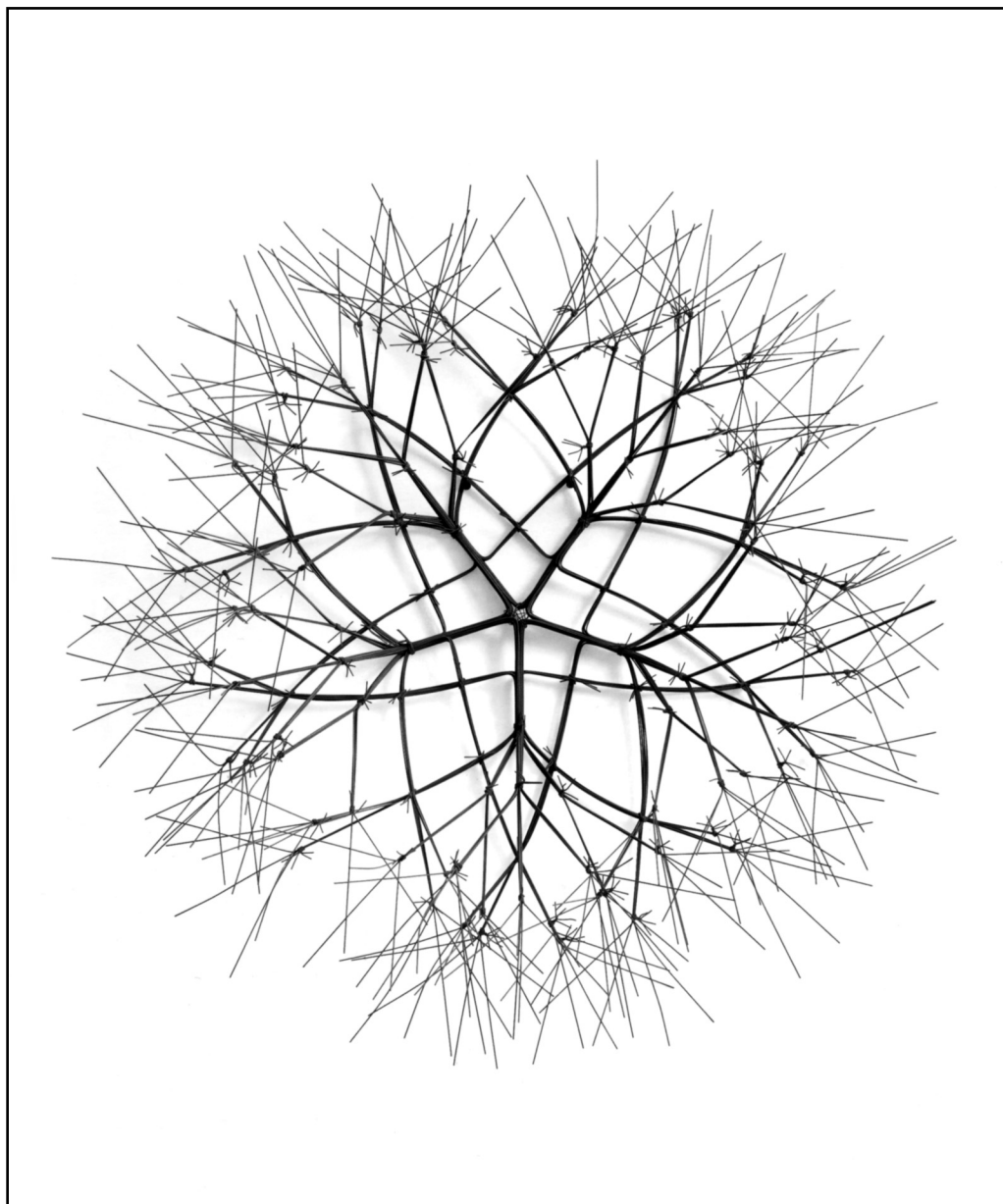
Между тем историческая западня, в которой оказалась Россия, проявлялась по мере движения от Отечественной войны 1812 года к войне 1914-го, которую первоначально также называли «отечественной». После Венского конгресса 1815 г. Россия оказалась едва ли не главным лидером и гарантом «старого порядка», исторически на весьма короткое время реставрированного на европейском континенте. Предел этому порядку довольно скоро положила новая волна революций, установивших конституционный порядок и отменивших остатки феодальных привилегий практически повсеместно в Европе, за исключением, по сути, лишь владений Российской и Османской империй. При этом политика накопления русским царем земель в Европе была приостановлена, надо заметить, не без участия Британии, в середине XIX века сумевшей создать общеевропейскую коалицию, сдерживающую аппетиты России в отношении османских владений.

По итогам XIX столетия Российская империя столкнулась с геополитической напряженностью по трем основным линиям. Ее амбиции в качестве покровительницы православных народов Балкан вызвали острые противоречия не только с Портой и дуалистической монархией Австро-Венгрии, но и с Германией, осуществлявшей активное экономическое и технологическое проникновение в данном регионе. Наступление русских в Центральной Азии вызывало опасения британцев, впрочем, итоги «Большой игры» показали границы возможностей обеих сторон, где Афганистан и Персия стали буферной зоной между британской Индией и подчиненными русским Хивой

и Бухарой. Наконец, на Дальнем Востоке Россия столкнулась с японской экспансией в этом регионе.

Вместе с тем есть основания полагать, что на окончательный выбор России в пользу атлантических партнеров накануне Первой мировой войны повлияли не только и не столько геополитические факторы. Сама логика системы международных отношений, которая складывалась в условиях развития глобального капитализма, где Россия занимала место европейской периферии, подталкивала империю Романовых к выбору, стоившему ей существования. Таможенные войны с Германией из-за хлебной торговли, как и потребность в займах и концессиях, предоставляемых в первую очередь Францией и Англией, вели Россию к «Антанте» куда жестче, чем мечты самой крупной континентальной империи мира о Константинополе, турецких проливах и прочих воображаемых «справедливых» территориальных притязаниях.

Во все более обостряющейся борьбе между европейскими национальными государствами монархия Романовых не могла предложить практически ничего в плане конкурентоспособной торговли с колониями. Тем более речь не шла о масштабах инвестирования, сопоставимых с возможностями стран «капиталистического ядра». В этом плане вполне релевантна критика Лениным русского империализма как наиболее слабого, с большим отрывом отстающего от западных держав по ключевым показателям силы на международной арене. Собственная российская торговля, промышленность и финансовая система, пусть и в меньшей степени, чем османская, зависели от внешних партнеров и источников. Не финансовый капитал, не технологии и не социальные идеи, способные увлечь миллионы, были главным конкурентным преимуществом, которое готова была предложить царская Россия на мировой

Рут Асава. Без названия. 1980

арене. Оно состояло в миллионах поставленного под штыки сельского населения и огромных сырьевых ресурсах. И то, и другое было, безусловно, полезно растущей мировой системе капитализма в качестве расходного материала, обеспечивающего дальнейшее развитие и глобальное могущество.

Так, в международном разделении ролей накануне большой европейской бойни начала XX столетия Россия, безрассудно пренебрегая интересами собственного внутреннего развития, стала одним из «продавцов» войны, столь же губительной для нее самой, сколь и неизбежной. Надо отдать должное, русский народ при

этом воевать не хотел, справедливо не видя для себя никаких резонов в развернувшейся смертельной схватке без рациональных оснований. Русская революция стала ответом на мировую войну, а та коммунистическая «антисистема», которую она породила, предлагала альтернативную концепцию мира и развития, чертовски привлекательную не только для самих русских, но и для многих других стран и народов периферии мировой системы капитализма.

* * *

Первая мировая война к 1917 году поставила старую Россию в тяжелую тупиковую ситуацию. Продолжение военных действий грозило внутренней катастрофой, а выход из войны означал потерю статуса участника «концерта великих держав». Ограниченность повестки как царского, так и временного правительства яснее всего видна именно в случае в их внешнеполитическом курсе. Соображения престижа державы в глазах петербургской элиты перевесили не только насущные чаяния широких масс населения, но и оказались сильнее инстинкта самосохранения.

Февральские революционные события смели 300-летнюю монархию Романовых, но пришедшие на их волне либеральные и умеренно-социалистические силы не смогли и не успели решить ни одну из насущных задач, стоявших перед страной в политической, экономической и социальной областях. Вместе с тем на короткой дистанции от Февраля к Октябрю вопрос о немедленном мире «без аннексий и контрибуций» не просто вошел в российскую политическую повестку, но стал едва ли не главным требованием восставших масс — тем условием, которое необходимо было выполнить немедленно, исходя из жизненной необходимости и в качестве индикатора реальных перемен.

Историческая роль Русской революции, особенно если оценивать ее с позиций сегодняшнего дня, все чаще представляется исключительно в негативной тональности. Однако, вне всякого сомнения, ее заслуга заключалась в том, что, пожалуй, впервые в истории состояние мира между странами и народами оказалось признанным в качестве общего блага, было артикулировано как демократическое требование на национальном уровне и легло в основу системы ценностей нового, рожденного революцией государства. Мир как главная цель и ценность политики — вот едва ли не важнейший урок 1917 года в России.

Ловушка победившего в октябре большевизма состояла, однако, в том, что мир как надежда и мольба российских крестьянских масс не мог быть достигнут в свете тех стратегических целей, которые были провозглашены новой властью. Вожденный вечный мир (не в кантианском, а в ленинском понимании) мог быть установлен только в результате уничтожения капитализма как мировой системы, иначе говоря — на руинах той цивилизации, которая к началу XX века уже достигла глобальных масштабов и которой поспешили бросить вызов русские радикальные марксисты.

Достижение коммунистического мира, таким образом, предполагало большую войну. В полном соответствии с реалистической рамкой Гоббса эта новая ожесточенная война с внешним миром, на которую фактически обрекалась Россия, предполагала не просто выстраивание нового государства под предводительством партии-суверена, но и всех сопутствующих ему особых цивилизационных стандартов и институтов. Левиафан диктатуры пролетариата, придя на смену царской империи и заняв свое особое место в мире, окончательно превратил русского мужика из землепашца в человека с ружьем, воина и стража глобаль-

ной утопии, наделенного национальной миссией сражаться и сокрушать врагов коммунизма во имя будущего интернационального мира.

* * *

В международном контексте Русская революция выглядит одной из наиболее успешных и впечатляющих попыток ответа на вызов глобального капитализма для стран мировой периферии. Отталкиваясь от яростного неприятия и отрицания, этот ответ в конечном итоге привел не к сокрушению господствующей мировой системы, а к периферийному встраиванию в нее на особых условиях структуры, сохраняющей изрядную долю внутренней автономии. Как следствие, это предполагало жесткие внутренние ограничения для проникновения в нее финансового капитала, свободной торговли, а также всех тех стандартов, которые были выработаны цивилизацией капитализма, включая свободы и политические институты западной либеральной демократии.

Россия столкнулась с наступлением капиталистической эры примерно тогда же, когда и остальные европейские государства. Однако ее относительная географическая удаленность от ядра развития капитализма, как и наличие немалых внутренних ресурсов долгое время позволяли удерживать сложившуюся военно-феодалную структуру. При этом использовался самый простой охранительный ответ. На европейские революции русская монархия отвечала «закручиванием гаек» внутри страны. Периодически властями инициировались «реформы сверху», но точно так же периодически, как только становилось ясно, что реформирование невозможно без преодоления существующего внутреннего порядка, происходило его очередное «подмораживание». Так, на протяжении более чем столетия, предше-

ствовавшего большой революции, русские охранители в конечном итоге брали верх над системными либералами-реформаторами.

Между тем в недрах периферийной империи на уровне общества по меньшей мере со времен А. И. Герцена вызревал другой ответ, сочетавший идею «особого пути» и идеи социализма. Большевизм, как оказалось, стал конечной точкой сборки этого альтернативного ответа, выработанного всей предшествовавшей традицией освободительного движения в России. «Особый путь» русского коммунизма по форме своей был строго универсалистским. Но одновременно он давал ответы на национальном уровне, приемлемые для восприятия столкнувшейся с проблемой периферийного, зависящего от мировых лидеров положения каждой отдельной страной и нацией, нуждающихся в отстаивании суверенитета и собственной линии интересов на международной арене.

Уникальное сочетание национальной и универсалистской заряженности, тем не менее, с самого начала не позволило Русской революции выйти за пределы основной территории бывшей Российской империи. Большевистский проект мировой революции провалился в начале 1920-х, вслед за крахом польского похода Красной армии и окончательным «успокоением» левореволюционного движения в Германии. Возможность или, по крайней мере, сильная иллюзия альтернативы сохранилась еще на несколько последующих десятилетий. Между тем ирония и трагизм утопии «социализма в отдельно взятой стране» состояли в том, что периферия, скорее всего, в принципе неспособна предложить действительно устойчивую и жизнеспособную альтернативу мировому мейнстриму.

Второе дыхание рожденный революцией 1917-го советский проект имел шансы обрести в 50-60-е годы XX века, когда

поиски «социализма с человеческим лицом» в СССР и странах «народной демократии» сопровождалась подчас довольно смелыми реформаторскими инициативами и экспериментами. Опыт русского коммунизма выглядел привлекательным для опиравшихся на широкие массы освободительных движений в странах Третьего мира, особенно в контексте происходившего после Второй мировой войны крушения мировой колониальной системы и наметившегося заката европоцентризма. Однако сам Советский Союз к этому моменту больше напоминал реставрированную Российскую империю, нежели радикальный модернистский проект. Советская бюрократия, как ранее бюрократия царская, переменам предпочитала примитивное охранительство, что не могло не сказаться на снижении темпов развития и окончательной потере каких-либо конкурентных преимуществ. К концу 70-х годов несостоятельность мировой системы социализма во главе СССР стала очевидным фактом.

* * *

Наблюдаемое в последние два десятилетия XX века стремительное бегство от советской версии социализма, как и от любого другого наследия Русской революции, в контексте развития мировой системы может быть объяснено главным образом стремлением преодолеть состояние периферии, изначально присущее странам, соблазненным на советский проект. Через семь десятилетий после Русской революции советская модель стала окончательно ассоциироваться с периферийностью как своего рода проклятием. Неудивительно, что довольно скоро попытки построения социализма «с национальной спецификой» на фоне ослабления давления из Москвы привели к повсеместному возникновению проектов «национального возрождения», за счет которых страны Восточной Европы

и других регионов стремились оказаться в «большом мире».

Что же касается России, то после крушения советского проекта она оказалась неспособной ни встроиться на приемлемых для себя условиях в мировой мейнстрим глобального капитализма, ни выработать новую ему альтернативу. Универсалистский потенциал Русской революции при этом оказался полностью потерян, а поиски национального ответа уперлись в старый имперско-охранительский синдром. Возможности «торговать войной» сохраняются, но ресурсы, прежде всего человеческие, настолько сильно истрачены за XX век, для России короткий и долгий одновременно, что в современном глобальном масштабе смотрятся исчезающе малой величиной.

Определенная глобальная роль, конечно, остается за Россией, и, скорее всего, она сохранится в обозримом будущем. Но скорее в силу исторической инерции, нежели нового импульса в собственном внутреннем развитии. Проваленная миссия мировой альтернативы, как и постимперский синдром, мешают движению вперед, когда неудачные попытки реставрации прошлого в отсутствие образа будущего грозят затяжной исторической депрессией, слишком локальной, однако, чтобы быть замеченной остальным миром. Неотложные задачи развития вместе с тем известны и не утратили своей актуальности за последние сто лет, прошедших с 1917 года: трансформация внутренней структуры в современное демократическое государство, преодоление имперского наследия, отказ от войны как средства достижения целей на мировой арене. Но главное — возвращение универсального и вневременного наследия Русской революции, заключающегося в признании мира, свободы и равенства стран и народов как высшей ценности и цели международной политики.

20 января 2017 года, когда в Вашингтоне Дональд Трамп приносил присягу на своей инаугурации, папа Франциск, 266-й глава римской католической церкви, в Ватикане давал испанской газете «El País» (ее главному редактору **Антонио Каньо** (Antonio Caño) и корреспонденту **Пабло Ордасу** (Pablo Ordaz)) интервью, в котором призывал к благоразумию в отношении нового президента США: «Посмотрим, как он себя поведет, не будем пророчить беды». Хотя и предупреждал: «В моменты кризиса рассудок притупляется», и народы начинают искать «спасителей», способных вернуть им идентичность «при помощи стен и проволочных заграждений». По словам интервьюеров, беседа продолжалась 1 час 15 минут и проходила в скромной комнате в резиденции *Domus Sanctae Marthae*, где обитает глава римской церкви, до избрания Хорхе Марио Бергольо, родившийся в Буэнос-Айресе 80 лет назад и пребывающий на папском престоле уже почти четыре года. В ходе интервью он сказал: «в Церкви есть святые и грешники, люди порядочные и порочные». Но больше всего его беспокоит, что «Церковь погрязла в мирской суете и словно под наркозом не ощущает боли», отдалившись от людских проблем.

Папа Франциск: «Опасно в кризисные времена искать спасителя...»*

Вопрос: После четырех лет пребывания в Ватикане что осталось от того странствующего, уличного служителя веры, который прилетел из Буэнос-Айреса в Рим с обратным билетом в кармане?

Ответ: Он так и остался странником. Я ведь при первой возможности выхожу на улицу, приветствую людей на аудиенциях или отправляюсь в поездку... Личность моя не изменилась. Не скажу, что я задавался такой целью, это получилось само собой. Нет, здесь меняться ни к чему. Меняться в 76-летнем возрасте — это накладывать на себя грим. Здесь я не волен делать всё, что хотел бы, но странствующая душа осталась, вы сами видите.

В.: Незадолго перед отречением Бенедикт XVI отозвался о последнем периоде своего служения во главе Церкви так: «Воды возмутились и сошли, и Бог словно пребывал во сне». Вы тоже ощущали подобное одиночество? Иерархи Церкви проспали старые и новые человеческие проблемы?

О.: В среде иерархов Церкви, ее пастырских служителей (епископов, священников, монахинь, мирян...) я больше боюсь не спящих, а тех, кто находится под наркозом. Кто оказывается под наркозом мирской суеты... Это меня беспокоит. Вроде всё тихо-мирно, спокойно, всё хорошо... всё в полном порядке. Когда читаешь «Деяния апостолов», послания Святого апостола Павла, видишь: там хватало проблем, люди не сидели на месте. Было движение, общение с людьми. А у того, кто под наркозом, нет обще-

* *Papa Francisco: «El peligro en tiempos de crisis es buscar un salvador que nos devuelva la identidad y nos defienda con muros» // El País, 22 enero 2017. Публикуется с незначительными сокращениями. — Прим. ред.*

ния с людьми. Он огражден от реальности. Сейчас есть немало способов отрешиться от повседневной жизни с помощью анестезии. Самый опасный недуг, который может поразить духовного пастыря, — это клерикализм. Я здесь, а люди — там. Но ты же пастырь! Если ты не печешься о людях, если перестаешь заботиться о них, закрой дверь и уходи на покой.

В.: Какая-то часть Церкви находится под наркозом?

О.: Все мы подвергаемся этой опасности. Это серьезное искушение. Под наркозом легче жить.

В.: Так жить лучше, комфортнее.

О.: Вот именно: комфортнее... Анестезию рождает дух мирской суеты. Духовной суеты. В этой связи я обращаюсь к событиям Тайной Вечери, когда Иисус возносит Отцу молитву — не о себе, об учениках: «не молю Тебя, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла». То есть сохранил от суетности мира. Именно дух мира сего действует как наркоз. И тогда пастырь превращается в функционера. А это уже клерикализм, на мой взгляд, худшее из зол, способных поразить Церковь сегодня.

В.: Проблемы, с которыми столкнулся Бенедикт XVI в конце своего понтификата, по-видимому, имели отношение к содержимому той белой шкатулки, что он передал Вам в летней резиденции Кастель-Гандольфо. Что было в ней?

О.: Обычная жизнь Церкви: святые и грешники, люди порядочные и нечестные. Чего там только не было! Ведь были люди, дававшие показания и признанные невиновными, труженики... Здесь, в Курии*, знаете ли, есть святые люди.

Я говорю об этом с удовольствием. Часто говорят о коррупции в Курии. Да, в Курии есть нечестные люди. Но много святых, людей скромных, всю свою жизнь посвятивших служению — за письменным столом, или в диалоге, или в благих деяниях... В общем, здесь есть и святые, и грешники. В тот день меня больше всего поразила память святого Бенедикта. Он мне сказал: «Смотри, тут, в шкатулке — документы. Вот судебные решения». А здесь «такой-то — [осужден на] столько-то». Всё держит в голове! Необыкновенная память...

В.: Что беспокоит Вас больше всего в Церкви и вообще в мире?

О.: В отношении Церкви — чтобы она была близка к людям. То есть чтобы она стремилась быть ближе к людям. Если Церковь не близка к людям, это не Церковь. Тогда это хорошая НПО. Или благотворительная организация добрых людей, которая занимается благотворительностью, собирается на чаепития, делает добрые дела... Но Церковь это близость к братьям. Ведь Церковь — это все мы. Поэтому надо всегда думать о людях. Близость — это значит, касаясь ближнего, прикоснуться к плоти Христовой. Помните — слова Христа, это глава 25 Евангелия от Матфея, где Он говорит: «...потому что когда Я алкал, вы дали Мне есть; когда жаждал, вы напоили Меня; ... был в темнице, вы посетили Меня...». Это ведь не просто благотворительность. Это гораздо больше.

* Папская курия — главный административный орган Святого Престола и Ватикана. — Прим. ред.

А что касается мировых проблем, — это война. У нас третья мировая война уже идет частично. В последнее время даже говорят о ядерной войне, словно это карточная игра... сядем, сыграем в карты. Это и беспокоит меня больше всего. В мире меня тревожит неравенство в экономике: малая часть человечества владеет свыше 80% богатства, для экономики это плохо, ведь экономическая система возводит в ранг божества деньги, а не человека — мужчину и женщину! И тогда возникает культура, производящая отверженных.

В.: По поводу мировых проблем, которых Вы коснулись. Именно в эти часы проходит инаугурация президента США Дональда Трампа. И в связи с этим в мире наблюдается заметная напряженность. Каковы Ваши соображения по этому поводу?

О.: Ждать событий. Но пугаться или радоваться по поводу того, что может произойти, это, по-моему, неблагоприятно. Пророчить маловероятные беды или успехи — дело бесполезное. Там будет видно. Посмотрим, как он себя поведет, и тогда оценим. Всегда только конкретика. Христианство либо конкретно, реально, либо это не христианство. Помните, первая ересь возникла в Церкви, едва Христос умер. Это ересь гностиков, которую осудил святой апостол Иоанн. То была религиозность подобная спрею, неконкретная. Да — и духовность, закон... но всё как спрей, аэрозоль, туман. Нет, нет. Только реальная конкретика. А из конкретного мы делаем выводы. Мы во многом утратили чувство конкретного. Мне тут недавно один мыслитель говорил, что наш мир настолько хаотичен, что ему недостает опорной, неподвижной точки. А ведь именно конкретика дает опорные точки. Что ты сделал, что решил, куда движешься. Поэтому я в этих условиях жду и смотрю.

В.: Вас не беспокоит то, что Вы говорили до сих пор?

О.: Я жду. Бог ждал меня столько времени, со всеми моими грехами...

В.: Для наиболее традиционалистских кругов Церкви любые изменения, пусть даже только в языке, уже означают предательство. Представители другой крайности — даже те, кто никогда не приобщится к католической вере — всегда будут требовать большего. Как Вы сами как-то сказали, о сути христианства уже все написано. Значит, речь идет о революции нормальности?

О.: Я стараюсь, не знаю, удастся ли добиться того, что заповедано Евангелием. Я грешный человек, и мне не всегда это удастся, но я к этому стремлюсь. Напомню, что историю Церкви созидали не богословы, не священники, не монахи, не епископы... разве что отчасти, а истинными героями в истории Церкви были святые. То есть те мужчины и женщины, которые отдали жизнь, чтобы Евангелие обрело конкретность. Именно они нас спасли — святые... Святые — это те, кто следуют Евангелию в повседневной жизни! На примере жизни святого гораздо лучше постигаешь богословие. Очевидно, что богословы, пастыри необходимы, это часть Церкви. Но идти надо к Евангелию. А кто лучший носитель Евангелия? Святые. Вы употребили слово «революция». Это и есть революция! Я не святой и не совершаю никакой революции. Я лишь пытаюсь содействовать продвижению Евангелия, делая это далеко не идеально, поскольку порой могу оступиться.

В.: Не кажется ли Вам, что у многих католиков наблюдается нечто похожее на синдром старшего брата блудного сына; они считают, что больше внимания уделяется тем, кто ушел, нежели тем, кто остался в Церкви, соблюдая ее заповеди? В одной из Ваших поездок немецкий журналист спросил, почему Вы никогда не говорите о среднем классе, о тех, кто платит налоги...

О.: Здесь два вопроса. Синдром старшего сына: действительно, те, кто чувствует себя комфортно в структуре Церкви, не ко многому их обязывающей, или занимает позиции, оберегающие их от внешнего контакта, ощутят дискомфорт при любых изменениях, от любых библейских фраз. Я часто думаю в этой связи о библейском содержателе гостиницы, к которому самаритянин привез человека, ограбленного и раненного разбойниками на дороге. Самаритянин рассказал хозяину гостиницы историю, которая известна: мимо раненного человека шел священник, увидел лежащего, но, опаздывая на службу, не остановился, он не хотел запачкаться в крови, поскольку это не позволило бы ему совершить богослужение по закону. Проходил левит, увидел несчастного и тоже прошел мимо... Но вот самаритянин — не иудей, язычник, грешник, таких считали самыми никудышными — сжалился и поднял его. Хозяин гостиницы крайне изумился такому поступку. Но такое же изумление вызывает и новизна Евангелия, ведь она, по сути, скандальна, возмутительна. Святой апостол Павел говорит нам о скандальности креста, о скандальности вочеловечившегося Сына Божия*.

Но это скандал в хорошем смысле слова, ведь Иисус также осуждает соблазнение малых сих. Суть Евангелия скандальна по меркам той эпохи. По любым мирским меркам суть скандальна. Так что синдром старшего сына — это в какой-то степени синдром тех, кто уже удобно устроился в лоне Церкви, кому в общем всё ясно, всё, что следует делать, уже устоялось, и нечего мне тут проповедовать всякие странности. В этом суть наших мучеников: они отдали жизнь за проповедь чего-то неудобного. Это первый вопрос. Второй: я не собирался отвечать тогда немецкому журналисту, просто сказал: я подумаю, вы в чем-то правы... Я постоянно говорю о среднем классе, не упоминая его. Я использую слова французского романиста Жозефа Малега: это он говорил о «среднем классе святости»**.

А я говорю об отцах семейства, о бабушках и дедушках, о фельдшерах, медсестрах, о людях, которые живут для других, растят детей, работают... Святость этих людей безгранична! И она же двигает вперед Церковь: люди, живущие достойно своим трудом, растящие детей, хоронящие своих покойников, ухаживающие за своими стариками, не отправляя их в дома престав-

* Согласно иудейским ожиданиям, Христос должен был доказать свое мессианство знаменами божественного посланничества. Однако Спаситель оказался не сияющим победителем, а униженной, отверженной и распятой жертвой человеческой злобы и глупости. Исповедать такого Спасителя, верить в него как в Мессию представлялось невыносимым соблазном, почти богохульным скандалом. «Соблазн» по-гречески «скандал». Слово это означает западню, ловушку. — Прим. ред.

** Существует «средний класс святости», к которому все мы можем принадлежать, говорил Малег. Папа имеет в виду французского писателя Жозефа Малега (1876–1940), его незавершенную трилогию «Черные камни: Средние классы спасения». Некоторые французские литературные критики называли Малега «католическим Прустом». — Прим. ред.

*Встреча Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска
в международном аэропорту Гаваны 12.02.2016*

рельх — вот наш святой средний класс. С экономической точки зрения, сегодня средний класс имеет тенденцию к исчезновению и очевидно, всё больше и больше. Возникает риск поиска прибежища в пещерах идеологии. Но этот «средний класс святости»: папа, мама, славящие свою семью, с их грехами и добродетелями, дедушка и бабушка. Семья. В центре. Вот он — «средний класс святости». Малег интуитивно почувствовал нечто важное, и он пишет поразительную фразу. В одном из его романов — «Августин» — в ходе беседы с героем неверующий спрашивает: «Но вы верите, что Христос — это Бог?» И добавляет: «Верите ли вы, что Назарянин — Бог?». «Для меня это не проблема, — отвечает герой романа, — проблемой для меня было бы, если Бог не стал бы Христом». Вот он — «средний класс святости»!

В.: Вы сказали про идеологические пещеры. Что Вы имеете в виду? Что Вас беспокоит в этом плане?

О.: Не то чтобы меня это беспокоило. Я лишь повторяю, что человеку всегда комфортнее в идеологической системе, которую он себе соорудил, ведь она абстрактна.

В.: Это усугубилось, усилилось в последние годы?

О.: Это было всегда. Не скажу, что это усугубилось, здесь тоже немало разочарований. Думаю, этого было больше перед Второй мировой войной. Я об этом особо не задумывался... В ресторане жизни тебе всегда подносят блюда идеологии. Всегда. Ты можешь в этом найти убежище, которое не дает тебе коснуться реальности.

В.: Святейший Отец, за эти годы в поездках мы видели, как Вы приходили в волнение и волновали сердца многих из тех, кто слушал Ваши слова... Например, в трех особенных случаях: на Лампедузе, когда Вы спросили, оплакивали ли мы женщин, теряющих своих детей; на Сардинии, когда Вы говорили о мире труда и о мировой финансовой системе; на Филиппинах, в связи с трагедией детей, страдающих от эксплуатации. Два вопроса: что может сделать Церковь, что делается и как ведут себя правительства в этой ситуации?

О.: В Отделе по делам мигрантов и беженцев [ватиканского Департамента служения целостному развитию человека. — *Ред.*] я предложил принять в качестве символа оранжевый спасательный жилет, который всем нам хорошо известен. На общую аудиенцию пришла группа тех, кто спасает беженцев в Средиземном море. Я их приветствовал, а один мужчина, держа в руке жилет, разрыдался, припал к моей груди и всё плакал-плакал: «Я не смог, не успел, не смог...». А потом немного успокоился и сказал: «Девчушке было от силы четыре годика. И она пошла ко дну. Возьмите это себе». Это символ трагедии, которую мы сегодня переживаем. Да.

В.: Правительства реагируют должным образом?

О.: Каждый делает, что может или что хочет. Очень трудно судить. Но очевидно: тот факт, что Средиземное море стало кладбищем, заставляет нас задуматься.

В.: Ощущаете ли Вы, что Ваше послание, Ваши поездки к отверженным, к страждущим и заблудшим воспринимаются и разделяются аппаратом Церкви, который, возможно, привык работать в ином ритме? Нет ли у Вас

ощущения, что Вы движетесь в одном темпе, а Церковь в другом? Вы чувствуете, что за Вами следуют?

О.: По-моему, это не так, и слава Богу, реакция в целом благоприятная. Очень хорошая. Например, когда я обратился к римским приходам и школам, кое-кто сказал: «это был полный провал»... Ложь! Никакого провала не было! Большая часть римских приходов откликнулась. Если у них не было в распоряжении большого дома или приходской дом был маловат, тогда прихожане снимали квартиры для семей иммигрантов. В коллежах при женских монастырях, если места было достаточно, выделяли площадь семьям мигрантов... Отклик шире, чем думают, просто это не рекламируется. У Ватикана два прихода, и при каждом приходе есть семья мигрантов. Одна квартира Ватикана для одной семьи, другая — для другой. Отклик постоянный. Не 100%. Какой процент — я не знаю. Я бы сказал — 50%. Потом встает проблема интеграции. Каждый иммигрант — это очень серьезная проблема. Они бегут из своей страны. От голода или от войны. Так что решение следует искать там. Из-за голода или войны их подвергают эксплуатации. Например, Африка — символ эксплуатации. Даже когда им предоставили независимость, были страны, которые получили суверенитет на землю и прочее, но не на недра. Так что их всегда использовали и поработали... Поэтому политика приема беженцев предполагает несколько этапов. Есть экстренный прием: ты должен принять их, иначе они утонут. В этом смысле Италия и Греция служат примером, великим примером. Италия даже сейчас, при всех проблемах, вызванных землетрясением и прочим, по-прежнему заботится о мигрантах. Принимает их. Понятно, они добираются до Италии, потому что это ближе всего. По-моему, в Испанию они приходят еще из Сеуты. Но, как правило, они не хотят оставаться в Испании, большинство двигается дальше, на север, в поисках больших возможностей.

В.: Но от Испании их отделяет стена, они не могут пройти из Сеуты и Мелильи.

О.: Да, да, я знаю. Значит, надо принять их, примерно на пару месяцев, устроить и начинать процесс интеграции. Принять и интегрировать. Образцом для мира в этом плане является Швеция. В Швеции девять миллионов жителей. 890 тысяч из этих девяти миллионов — новые шведы, дети мигрантов или мигранты со шведским гражданством... Главное — интеграция, если нет интеграции, возникают гетто. Я никому не ставлю это в вину, но на деле есть немало гетто. Ребята, устроившие кошмар в аэропорту «Завентем», были бельгийцами, они родились в Бельгии, но жили в закрытом иммигрантском квартале. И это ключ ко второй стадии процесса интеграции. До такой степени, что теперь главная проблема в Швеции следующая: речь не о том, чтобы не принимать мигрантов. Нет! «Мы не справляемся с программами интеграции! — говорят они». И ставят вопрос так: «что я еще могу сделать, чтобы приехали люди?» Это поразительно. По-моему, это образец для всего мира. И в этом нет ничего нового. Я сказал об этом сразу, после Лампедузы... Я был знаком с проблемой Швеции по аргентинцам, уругвайцам, чилийцам, которых приняли там во времена военной диктатуры, у меня там друзья, беженцы. В Шве-

ции тебя принимают, там всё прекрасно организовано, и медицина, и документы, тебе дают вид на жительство... И дают квартиру, а через неделю определяют в школу для изучения языка, устраивают на работу — и вперед. В этом смысле примером в Италии стала коммуна Сан-Эджидио. Со мной в одном самолете с Лесбоса прилетели беженцы, потом приехало еще девять человек. Ватикан взял на себя заботу о 22 беженцах, мы печемся о них, и постепенно они обретают самостоятельность. На второй день дети пошли в школу. На второй день! А родителей постепенно разместили в квартире, дали работу... Выделили преподавателей языка... Так что проблема следующая: срочные спасательные работы, да, тут все готовы. Второе: принять, разместить, устроить наилучшим образом. Затем — обеспечить интеграцию.

В.: Больше 50 лет прошло со времени Второго Ватиканского собора, поездки Павла VI и его объятия с патриархом Афинагором I на Святой Земле. Кое-кто утверждает: чтобы понять Вас, надо лучше узнать Павла VI. Он оказался в какой-то мере непонятым Папой. Не ощущаете ли и Вы себя немного таким — неудобным Папой?

О.: Нет, нет. Полагаю, из-за моих грехов я мог бы быть более непонятым. Жертвой непонимания стал Павел VI. Апостольское обращение «*Evangelii gaudium*» (О возвещении Евангелия в современном мире) — основа пастырского послания, которым я хочу наделить Церковь сейчас, это обновленная версия обращения Павла VI «*Evangelii nuntiandi*» (О евангелизации современного мира). Этот человек опередил историю. И страдал, много страдал. Он был мучеником. И многое ему не удалось, ведь он был реалистом, знал, что это невозможно сделать, и страдал, но посвящал это страдание Богу. А что мог сделать — делал. И лучшее из содеянного Павлом VI — то, что он сеял. Он посеял многое из того, что история впоследствии собрала в виде плодов. «*Evangelii gaudium*» — это сочетание «*Evangelii nuntiandi*» и заключительного документа V Генеральной ассамблеи конференции католических епископов Латинской Америки и Карибского бассейна в Апаресиде (Бразилия, 2007 г. — *Ред.*). Работа эта велась снизу. «*Evangelii nuntiandi*» — лучший пастырский документ за период после Второго Ватиканского собора, и он не утратил актуальности. Я не чувствую себя непонятым. Мне помогают разные люди, молодые, пожилые... Если кто-то со мной не согласен, у него есть такое право. Ведь если бы я был недоволен тем, что кто-то со мной не согласен, в моей позиции обнаружился бы зародыш диктаторства. У них есть право на несогласие. Они вправе считать, что путь опасен, что он может привести к скверным результатам, что... у них есть такое право. Но пусть всегда ведут диалог, а не так, что бросил камень и спрятал руку — так не годится. Такого права нет ни у одного человека. Бросить камень и спрятать руку — это не по-человечески, это преступно. У всех есть право на дискуссию. И хорошо нам вести больше дискуссий, обсуждать, ведь это нас воспитывает, сближает, роднит. Дискуссия очень сближает. Дискуссия благожелательная, благородная, а не замешанная на клевете и тому подобном...

В.: Дискомфорта от своей власти не возникает?

О.: А власть-то не у меня. Власть поделена между многими. Власть подразумевает принятие продуманных, проверенных в диалоге, намоленных

Линн Чедвик. Ступени. 1991

решений. Мне молитва очень помогает и весьма меня поддерживает. Власть не вызывает у меня дискомфорта. Меня тяготят определенные протокольные ритуалы, но это потому, что я такой уличный странник.

В.: Вы уже 25 лет не смотрите телевизор и, насколько я понимаю, никогда не испытывали особой симпатии к журналистам. Но вся система коммуникации в Ватикане значительно обновилась, стала профессиональнее, ее статус повышен даже до уровня дикастерии (министерства). Настолько важны для Папы СМИ? Чем объясняется этот интерес — тем, что, на Ваш взгляд, свободе прессы что-то угрожает? А социальные сети: они способны нанести вред индивидуальной свободе?

О.: Я не смотрю телевизор просто потому, что однажды понял, Бог меня об этом просит. 16 июля 1990 года я принял этот обет, и держу его. Я только ходил в телецентр, находившийся недалеко от здания архиепископства, посмотрел один-два интересовавших меня фильма, которые могли пригодиться мне для послания. Причем кино мне очень нравилось, и я много его изучал, особенно послевоенный итальянский кинематограф, итальянский реализм, поляка Вайду, Куросаву, некоторых французов... Но отказ от телевидения не лишил меня коммуникации. Отказ от телевидения был личным выбором. Но общение — дело божественное. Бог вступает с нами в коммуникацию. Он установил ее с нами через историю. Бог не обособился. Это Бог, поддерживающий общение, он говорил с нами, сопровождал нас, бросал нам вызов, заставил изменить курс, и продолжает сопутствовать нам. Католическое богословие нельзя понять без Божественного общения. Бог не пребывает там бездеятельно, наблюдая, как люди развлекаются или как они уничтожают друг друга. Бог располагает к себе, вступая в коммуникацию словом и своей плотью. И я исхожу из этого. Меня пугает, что СМИ не способны изъясняться, следуя той этике, которая им свойственна. Скажем, есть формы коммуникации, отнюдь не способствующие единству. Приведу простой пример. Семья ужинает в молчании, или смотрит телевизор, или дети сидят с телефоном и шлют кому-то эсэмэски. Когда общение утрачивает осязаемость, человечность, становится разжиженным, это опасно. Пусть будет общение в семье, общение между людьми, и в других формах тоже — это очень важно. Виртуальный мир коммуникации чрезвычайно богат, но ты подвергаешься риску, если не живешь в среде нормального, человеческого общения, когда можно прикоснуться к другому! Именно конкретность общения позволит виртуальности коммуникации пойти верным путем. Однако [проблема] конкретности не обсуждается вообще. Мы не ангелы, мы люди, и коммуникация — ключевой элемент, она должна развиваться. Опасности есть, как и в любом деле. Их надо корректировать, ибо общение — дело божественное. Я говорил о прегрешениях коммуникации на лекции в Буэнос-Айресе, в АДЕПА, ассоциации, объединяющей издателей Аргентины. Руководство пригласило меня на ужин, где пришлось читать эту лекцию. Там я отметил прегрешения коммуникации и просил их: не следуйте по этой стезе, потому что у вас в руках сокровище. В наше время поддерживать коммуникацию — дело божественное, оно всегда было божественным, ведь Бог склоняет нас к коммуникации и при этом он

человечен. И наши дикастерии (министерства) работают не потому, что важно функционально поддерживать коммуникацию, а потому, что она существенна для человека, так как существенна для Бога!

В.: Дипломатическая машина Ватикана работает на полную мощность. Барак Обама и Рауль Кастро публично поблагодарили Ватикан за вклад в сближение своих стран. Тем не менее, есть другие страны и регионы с нерешенными проблемами: Венесуэла, Колумбия, Ближний Восток... Вас даже критикуют за посредничество. Вы не боитесь, что имидж Ватикана пострадает? Каковы Ваши предложения на этот счет?

О.: Я прошу Бога о милости ничего не мерить по имиджу. Мерить только по совести, служению — вот нужные критерии. Не думаю, что легкий грим может быть полезен. То, что порой из-за совершенных ошибок может пострадать имидж, что ж, это уже последствия, но ты сделал это с добрыми намерениями. Потом история рассудит. И еще есть принцип для меня совершенно ясный, им следует руководствоваться не только в любом пастырском действии, но и в дипломатии Ватикана: медиаторы, но не посредники. То есть надлежит выстраивать мосты, а не стены. Какова разница между медиатором и посредником? Посредник держит, например, офис по купле-продаже недвижимости, он ищет желающего продать дом и желающего купить дом, они договариваются, посредник получает комиссию, он оказал хорошую услугу, но всегда что-то зарабатывает, и имеет на это право, ведь в этом его работа. Медиатор же предлагает сторонам свои услуги и стремится к тому, чтобы стороны оказались в выигрыше, даже если сам он останется в проигрыше. Ватиканская дипломатия должна заниматься медиацией, а не посредничеством. Если в истории ватиканская дипломатия совершала некие действия, обогащаясь при этом, то это тяжкий, тяжелейший грех. Медиатор наводит мосты не для себя, а для того, чтобы по ним шагали другие. И не взимает мостовой сбор. Построил мост и ушел. Таков для меня образ ватиканской дипломатии. Медиаторы. Строители мостов.

В.: Такая ватиканская дипломатия может скоро распространиться на Китай?

О.: Уже существует комиссия, не один год работающая с Китаем, она собирается каждые три месяца, попеременно — здесь и в Пекине. С Китаем идет большой диалог. Китай всегда был окутан чарующим ореолом таинственности. Два-три месяца назад они были счастливы, принимая выставку ватиканского музея в Пекине. А на следующий год они привезут в Ватикан выставку из своих музеев.

В.: Вы скоро поедете в Китай?

О.: Когда меня пригласят. Они это знают. К тому же, церкви в Китае полны. В Китае можно исповедовать религию.

В.: В Европе и в Америке ощущаются последствия кризиса, растет неравенство, отсутствие устойчивого лидерства открывает путь политическим образованиям, использующим недовольство граждан. Некоторые из них, называющие себя популистскими или антисистемными, используют страх граждан перед неопределенностью будущего и выстраивают риторику ксенофобии и ненависти к иностранцам. Случай Трампа наиболее яркий,

но можно привести также пример Австрии и даже Швейцарии. Вас беспокоит этот феномен?

О.: Это так называемый популизм. Слово используется неверно, поскольку в Латинской Америке у него другое значение. Там оно означает главенствующую роль народов, например, народные движения. Люди организуются между собой... это иное. Когда я слышал слово «популизм» раньше, я его не очень понимал, терял нить, но в итоге осознал, что значения разнятся в зависимости от места. Разумеется, кризисы порождают страхи, настороженность. Для меня наиболее типичным примером популизма в европейском смысле слова является 1933 год в Германии. После Гинденбурга истерзанная Германия пытается подняться, ищет свою идентичность, ищет лидера, способного вернуть ей идентичность, и тут появляется паренек по имени Адольф Гитлер и заявляет: «я могу, я могу». И вся Германия голосует за него. Гитлер не присвоил власть, его выбрал народ, а затем он погубил свой народ. Во времена кризиса люди теряют здравый смысл, для меня это очевидный признак. Давайте найдем спасителя, который вернет нам идентичность, защитимся с помощью стен, проволочных заграждений, чего угодно от других народов, которые могут лишить нас идентичности. Это очень опасно. Поэтому я всегда призываю: ведите диалог между собой. Но случай Германии 33-го года типичен: народ переживал кризис, и тут появляется харизматичный лидер, обещающий дать народу идентичность, и он дал им искаженную идентичность, мы знаем, что произошло. Можно установить контроль над границами? Да, каждая страна вправе контролировать свои границы, въезд и выезд. А страны, над которыми нависла угроза — терроризма и насилия, — тем более имеют право на усиленный контроль, но ни одна страна не вправе лишать своих граждан диалога со своими соседями.

В.: Святейший Отец, а Вы наблюдаете в сегодняшней Европе признаки, сходные с теми, что переживала Германия в начале 1930-х?

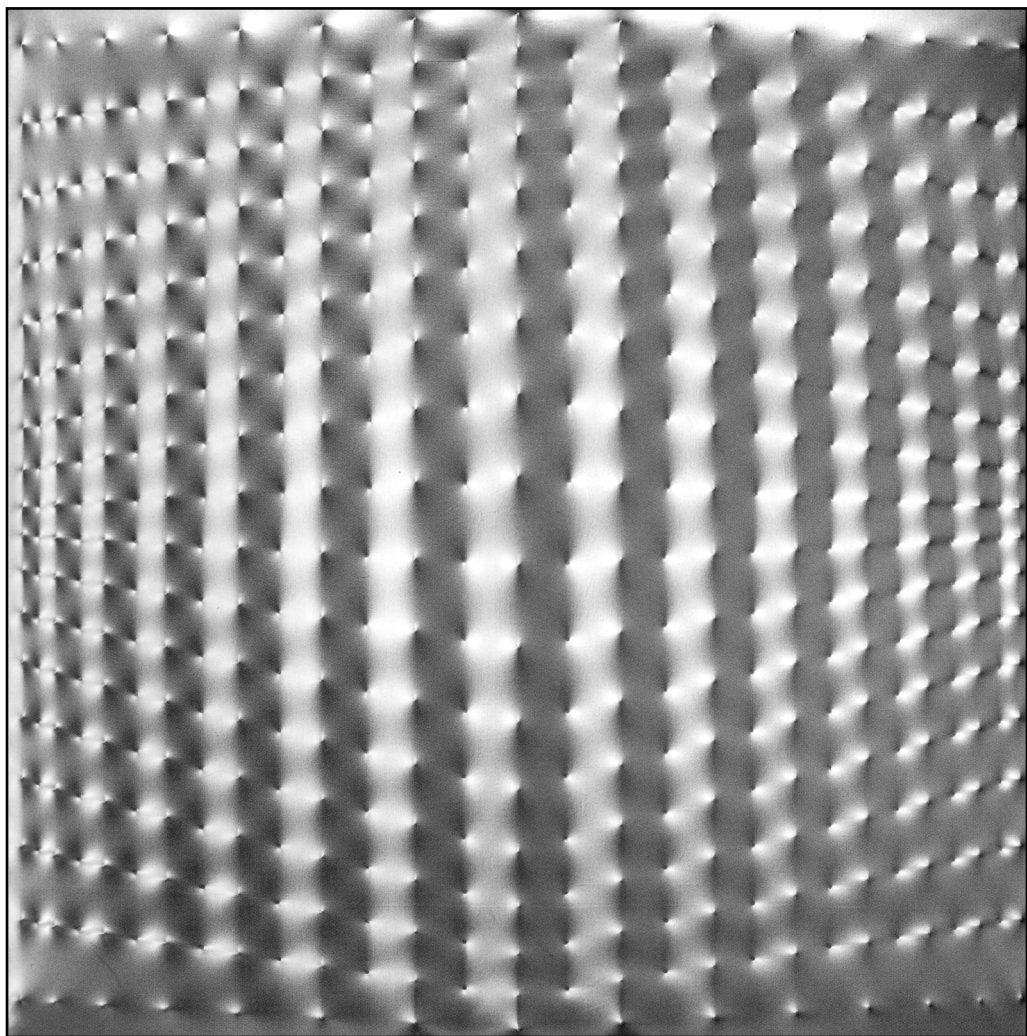
О.: Я в этом не специалист, но по поводу сегодняшней Европы я отсылаю к трем моим выступлениям. Два состоялись в Страсбурге, и третье — на вручении премии имени Карла Великого; это была единственная премия, которую я согласился принять, поскольку на этом очень настаивали в связи с тем моментом, который переживала Европа. В этих трех речах содержится то, что я думаю о Европе.

В.: Коррупция — наихудший грех нашего времени?

О.: Это великий грех. Но, думаю, нам не следует претендовать на исключительность в истории. Коррупция существовала всегда. И здесь [в Ватикане]. Если вы почитаете историю папства, столько скандалов обнаружите... Это если о своем доме говорить, не заглядывая к соседу. У меня есть ряд примеров соседних стран, но я ограничусь своими. Здесь бывала коррупция. И немалая. Достаточно вспомнить о папе Александре VI, о той эпохе и донье Лукреции с ее «чайком» [отравленным].

В.: Что слышно у Вас из Испании? Какие вести относительно восприятия в Испании Ваших посланий, миссии?..

О.: Сегодня я получил из Испании песочное печенье «польворонес» и халву-туррон из Хихоны, так что будет чем угостить ребятишек.

Энрико Кастеллани. Серебряная поверхность. Прим. 1970–1973

В.: В Испании, как Вам известно, до сих пор идет оживленная дискуссия о светском характере общества и религиозности...

О.: Оживленная, очень оживленная...

В.: И что Вы об этом думаете? Может процесс распространения светского духа поставить католическую Церковь в маргинальное положение?

О.: Диалог. Такой совет я даю любой стране. Ради Бога — диалог. По-братски, если хватит духу, или, по меньшей мере, цивилизованно. Без оскорблений. Не осуждая до начала диалога. Если по окончании диалога захотите обменяться оскорблениями — воля ваша, но, по крайней мере, начните диалог. Если по окончании диалога захотите друг друга заклеить, что ж... Но сначала — диалог. В наше время, при современном уровне развития человечества невозможно представить себе политику без диалога. Это относится и к Испании, и ко всем. Так что если вы просите у меня совета для испанцев — ведите диалог. Если есть проблемы, сначала начните диалог.

В.: Из Латинской Америки, естественно, следят за Вашими словами и Вашими решениями с особым вниманием. Каким Вам видится континент? Ваша страна?

О.: Проблема в том, что Латинская Америка — и это я особо отметил в энциклике *Laudato si'* [Прославлен будь — «Забота об общем доме»] — ощущает на себе воздействие экономической системы, в центре которой находится идол-деньги. Это порождает в значительной степени ситуацию социальной эксклюзии людей и приводит к большим страданиям. Очевидно, что в наши дни Латинская Америка подвергается серьезному натиску со стороны мощного экономического либерализма, который я осуждаю в обращении «*Evangelii gaudium*», когда говорю, что «такая экономика убивает». Убивает голодом, убивает бескультурьем. Эмиграция исходит не только из Африки на острова Лампедуза или Лесбос. Ее поток устремляется также из Панамы к границе Мексики с США. Люди эмигрируют в поисках лучшей доли. Ведь либеральные системы не обеспечивают возможностей для труда и способствуют преступности. В Латинской Америке остро стоит проблема наркокартелей, которые существуют потому, что наркотики употребляют в США и в Европе. Их производят и для здешних потребителей, для богатых, часто лишаясь при этом жизни. И люди идут на это. У нас на родине их называют «сипай». «Сипай» — это у нас тот, кто продает родину иностранной державе, если это сулит ему больше выгоды. В нашей аргентинской истории, например, всегда находился какой-нибудь политик-«сипай». Так что Латинской Америке следует укрепить политические образования, способные реально мобилизовать на континенте силу народов. Для меня наиболее ярким примером является послевоенный Парагвай. Страна потерпела катастрофическое поражение в войне с Тройственным союзом Бразилии, Аргентины и Уругвая (1864–1870), потеряв практически всё мужское население. Страна осталась в руках женщин. Парагвайские женщины понимали, что перед ними была задача восстановления страны, защиты веры, культуры и языка. И им это удалось. Парагвайская женщина для меня — это наиславнейшая женщина американского континента. В Буэнос-Айресе, на берегу реки Ла-Плата, есть район, где улицы носят имена женщин-патриотов, сражавшихся за независимость, за родину. Женщина лучше это чувствует. Может, я преувеличиваю. Если так, пусть меня поправят. Но она лучше чувствует необходимость защищать родину. Ведь она мать.

В.: Поэтому столь неприемлемо насилие в отношении женщин, это большое зло в Латинской Америке и много где ещё...

О.: Повсюду. В Европе... В Италии, например, я посетил организации, которые занимаются спасением девушек-проституток. Одна из них рассказывала мне, что ее перевезли в Рим через границы из Словакии в багажнике автомобиля. Ей говорят: сегодня ты должна принести столько денег, а не принесешь — знаешь, что будет! Ее бьют... В Риме положение этих женщин ужасно. В доме, который я посетил, была девушка, которой отрезали ухо. Их пытаются, когда они не приносят достаточно денег. Их удерживают, запугивают, говорят, что убьют их родителей. Албанки, нигерийки, даже итальянки... Прекрасно, что активисты ходят по улицам, под-

ходят к девушкам и вместо того, чтобы спрашивать «Сколько ты получаешь, сколько стоишь?», спрашивают: «Сколько ты страдаешь?». Их впер-вые кто-то спрашивает о страдании! Их нередко отвозят в надежное место для реабилитации. В прошлом году я посетил одно из таких мест, там жили девушки после реабилитации и двое мужчин, добровольцы. Одна из девушек мне говорит: я нашла его. Она вышла замуж за человека, который ее спас, и они мечтают о ребенке. И другая: это мой жених, мы собираемся пожениться. Сексуальное рабство женщины — одно из самых пагубных прегрешений, которые творятся и здесь, в Риме.

В.: Не кажется ли Вам, что после неудачного опыта теологии освобождения Церковь утратила немало позиций в пользу других конфессий и даже сект? Чем это объяснить?

О.: Теология освобождения была для Латинской Америки положительным опытом. Ватикан осудил ту ее часть, которая пошла путем марксистского анализа действительности. Кардинал Ратцингер, будучи префектом Конгрегации вероучения Римской курии, выпустил по этому поводу две специальные Инструкции (1984 г. и 1986 г.). Первая критическая касалась марксистского анализа действительности в теологии освобождения. Вторая затрагивала ее положительные аспекты. Итак, теология освобождения включает положительные аспекты, а также отклонения, особенно в части марксистского понимания истории и действительности.

В.: Каковы Ваши отношения с Аргентиной? За последние три года Ватикан стал местом паломничества аргентинских политиков из различных партий. Вы не ощущали, что Вас используют?

О.: А, да. Бывало, что мне говорили: «Сфотографируемся на память, обещаю Вам, что это лично для меня, я фотографию не опубликую». И не успевал он выйти за дверь, как фото уже опубликовано. (Улыбается) В общем, если он станет счастливее от этого — его дело. Такой человек сам себя унижает. Тому, кто этим пользуется, не хватает благородства души. Ну что тут поделаешь... Много аргентинцев приходит в Ватикан на общую аудиенцию. В Аргентине всегда был развит туризм, но теперь побывать на общей аудиенции стало почти обязательным. Также сюда приезжают друзья (я 76 лет прожил в Аргентине), порой мои родные, племянники... Ну а насчет использования — да, бывали люди, которые использовали фотографии или выдергивали какие-то мои слова... Это дело их совести.

В.: Часто обсуждаемая тема — роль мирян и особенно женщин в Церкви. Вы хотите, чтобы у них было больше влияния и даже право на решения. До какой степени это возможно?

О.: Роль женщины не сводится к функции, иначе мы превратим женщину или женское движение в Церковь, это словно мачизм в юбке. Нет. Дело не просто в исполнении каких-либо обязанностей. Заместитель директора Зала печати Ватикана — женщина, директор музеев Ватикана — женщина... Так что выполнение определенных функций — это важно. Но мне интересно, чтобы женщина обогатила нас своеобразием своего мышления, ведь Церковь — женского рода: «Церковь» — это она, не он; Церковь — Невеста Христова. Таково богословское определение женщины. Иногда

мне говорят: «Да, но женщина способна на большее...». Что было главным в день Пятидесятницы — Пресвятая Дева или апостолы? Пресвятая Дева. Рассуждения об обязанностях, функции могут подвести нас, если мы будем на их основе определять место женщины. Да, ей надо дать больше возможностей, и здесь еще многое предстоит сделать. Но надо трудиться над тем, чтобы она могла обогатить Церковь оригинальностью своего существа и своего мышления.

В.: В каких-то своих поездках Вы обращались к служителям культа из Римской курии и из местных церковных иерархий, к священникам и монахиням, и просили их о большем соучастии, о большей близости к людям, даже о лучшем чувстве юмора. Как Вы думаете, как воспринимаются эти советы?

О.: Я более всего настаиваю на близости, на добром соседстве. И в целом это принимается хорошо. Всегда находятся чуть более фундаменталистские группы, во всех странах, в Аргентине они тоже есть. Это небольшие сообщества, я отношусь к ним с уважением, это хорошие люди, они предпочитают верить таким образом. Я проповедую то, что, по моему ощущению, Господь велит мне проповедовать.

В.: В Европе все больше становится священников и монахинь из так называемого третьего мира. Чем объясняется этот феномен?

О.: 150 лет назад в Латинской Америке все больше встречались священники и монахини из Европы, как и в Африке или в Азии. Молодые церкви возрастали. Просто в Европе низкая рождаемость. Италия находится в минусе. Франция, по-моему, идет впереди благодаря своим законам в поддержку рождаемости. Но рождаемость низкая. Благополучие Италии несколько лет назад привело к резкому сокращению рождаемости. Мы предпочитаем съездить куда-то в отпуск, завести собачку, кошечку... Нет рождаемости, а если нет рождаемости, то нет и людей с призванием к служению вере.

В.: На консисториях Вы возвели в сан кардиналов с пяти континентов. Каким Вам хотелось бы видеть конклав, который изберет Вашего преемника? Надеетесь ли Вы увидеть следующий конклав?

О.: Пусть он будет католическим. Католическим конклавом, который изберет моего преемника.

В.: А Вы его увидите?

О.: Этого я не знаю. Пусть Бог решит. Когда я почувствую, что не могу больше, мой великий учитель Бенедикт уже вразумил меня, что надо делать. А если Бог призовет меня раньше, увижу с той стороны. Надеюсь, не из преисподней... Но пусть будет католический конклав.

В.: Вам, видно, нравится быть Папой.

О.: Господь добр и не лишил меня доброго юмора.

*Перевод с испанского языка
Александра Казачкова*

«В польмя»: Российская империя накануне крушения

Dominic Lieven. Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia. — London: Penguin Books, 2016. — 429 p.

Российскому читателю, интересующемуся исторической литературой, представлять Доминика Ливена не нужно: он не раз публиковался в нашей стране, что, стоит подчеркнуть, делает далеко не каждый англосаксонский историк-русист. Если книга «Аристократия в Европе», в которой сравнивались привилегированные страты Великобритании, Германии и России, затрагивала наши отечественные материи лишь частично, то работа «Россия против Наполеона» была непосредственно посвящена одному из наиболее драматичных эпизодов русской истории*.

Впрочем, читая это сочинение Ливена, вышедшее на языке оригинала в 2009 году, я чаще вспоминал другое его произведение — труд «Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней», заслуженно считающийся классическим**.

Именно к нему неизменно обращаются те, кто изучает имперскую государственность в российском ее исполнении. Сопоставляя Российскую империю с ее основными конкурентами — Британской, Османской и Австро-Венгерской империями, взвешивая ее слабости и преимущества, британский историк тогда дал впечатляющую панораму многовековой эволюции имперской государственности, выстраиваемой сначала Москвой, потом Петербургом, а затем снова Москвой. Итоговым рубежом в той книге был роспуск Советского Союза — государства,

которое трактовалось автором в качестве генетического и естественного преемника империи Романовых.

Новая работа Ливена, в принципе, о том же: о сложных взаимоотношениях Российской империи с ее соседями, о многочисленных конфликтах между ними и особенностях того мира, в котором торжествовали и господствовали империи. Но вот исторический взгляд на этот раз кардинально меняется — автора теперь интересует очень короткий промежуток времени: не пять веков, а фактически полтора десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Его исследование теперь ведется на микроуровне: проанализировав те особенности «мира империй», которые влекли его к глобальному катаклизму, Ливен сосредоточивается на России, а именно на том, кто и как вырабатывал, принимал и воплощал в жизнь политические и военные решения, в конечном счете вовлекшие империю Романовых в мировую войну. По ходу повествования автор пересматривает целый ряд стереотипных оценок и мнений, порой бытующих в исторической науке. В частности, он убедительно доказывает, что в подготовке Российской империи к войне, несмотря на всю отсталость и архаичность ее монархической системы, огромную роль сыграло гражданское общество — прежде всего, газеты и общественные организации. После революции 1905–1907 годов правящие круги России уже не могли игнорировать «голос публики», но это общественное мнение, рупором которого была более или менее освободившаяся от цензуры

* Ливен Д. *Аристократия в Европе: 1815–1914*. М.: Академический проект, 2000; *Он же. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814*. М.: РОССПЭН, 2012.

** Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М.: Европа, 2007.

пресса, обнаруживая колоссальную историческую безответственность, энергично толкало государственную власть к самоубийственной конфронтации с Германией и Австро-Венгрией. В этом смысле, кстати, Россия ничуть не отличалась от других европейских империй: «восстание масс» и великодержавный шовинизм сыграли с ней такую же злую шутку, как и с ее главными конкурентами из Тройственного союза или Антанты, гражданские институции которых в начале XX века всеми силами старались расшатать сложившуюся в Европе дипломатическую архитектуру.

Причудливая диалектика исторических, дипломатических, военных императивов и свободной воли исторических акторов описана автором потрясающе ярко. Ливен, ко всему прочему, великолепный рассказчик — он пишет исключительно сочно, а безбрежная архивная база, на которую он опирается, помогает ему «очеловечить» повествование, показать, что империей на склоне ее лет управляли живые люди, думавшие, переживавшие, искавшие — и ожесточенно спорившие между собой. Однозначности не было практически ни в чем: обретение черноморских проливов, принятие Константинополя под русскую юрисдикцию, вступление России в союз с Францией и Великобританией и даже поддержка «братьев-славян» на Балканах — все эти проблемы в глазах русских элит и русского общества не имели заданных наперед и аксиоматичных решений и выступали предметом ожесточенных дискуссий. В России, как ни удивительно, альянса надо искать с немцами и австрийцами, а не с Антантой, а вероломным балканским славянам доверять ни в коем случае нельзя. Некоторые из них, между прочим, занимали ответственные государственные должности и не стеснялись высказываться.

Горячие, хотя и негласные дискуссии, шли до самого последнего дня перед войной. Они не спасли и, вероятно, не могли спа-

сти империю. Она вступила в войну, к которой не была готова, которой старалась избежать и которая, по ощущениям многих представителей царской верхушки, угрожала революцией. В этой своей участи Россия была не одинока: примерно то же самое произошло с империями Гогенцоллернов и Османов. Вероятно, единственным участником общеевропейской драмы, агрессивно презревшим очевидные риски, оказалась Австро-Венгрия, для которой разгром Сербии к началу нового столетия превратился в вопрос выживания. (Она, кстати, и наказана была больше других: от бывшего ядра этой империи на карте Европы вообще ничего не осталось — крошечная Австрия не в счет.) В каждом из упомянутых случаев естественно были свои нюансы, но в целом Доминик Ливен подтверждает позицию, уже получившую довольно веское обоснование в современной исторической науке, — Первая мировая война началась несмотря на то, что ее никто не хотел. В этом, очевидно, главная мораль книги: для глобальной конфронтации, разрушающей государство, уничтожающей экономику и культуру, стирающей в пыль человеческие жизни, вовсе не требуется какой-то консолидированной воли основных глобальных игроков: вполне достаточно будет весеннего (или осеннего) обострения у какого-нибудь политического лилипута и неадекватной реакции на него политических тяжеловесов-популистов, патологически зависящих, подобно Николаю II или Вильгельму II, от национал-патриотического «общественного мнения» своих стран. Напоминая нам об этом, Ливен удивительно своевременен, ибо мир, в котором мы живем, ничуть не проще мира, сто лет назад свалившегося в полымя Первой мировой войны.

*Андрей Захаров,
доцент факультета истории, политологии
и права Российского государственного
гуманитарного университета*

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Контрапункт

Доживет ли путинская система до 2042 года?

Профессор экономики Европейского университета в Санкт-Петербурге Дмитрий Травин выпустил новую книгу*. Книга вызвала большой и заслуженный интерес, состоялось ее горячее публичное обсуждение на семинаре фонда «Либеральная миссия» в Москве и в других общественно-научных аудиториях. Автор решает две основные задачи: осмысления сложившейся в России к середине 2010-х годов системы и исходя из анализа этой системы и попытки прогноза развития страны на среднесрочную перспективу. Предложенный Д. Травиным анализ глубок и интересен.

Автор, закончивший экономфак Ленинградского университета вместе с А. Кудриным и А. Илларионовым (своими однокурсниками), вот уже много лет занимается изучением как собственно российской модернизации, так и мирового опыта успешных и неуспешных реформ. Поэтому его анализ российских реалий удачно включен в международный контекст и показывает, что российский опыт вовсе не уникален, а скорее типичен. Россия повторяет многие закономерности, характерные для феномена «догоняющей модернизации» XX века.

Россия середины 2010-х годов походит более всего на эпоху «брежневского застоя», кануна кризиса и распада СССР. Размышляя над слагаемыми устойчивости путинской системы и возможными факторами ее распада, Д. Травин вспоминает, на чем держался советский строй в свои последние десятилетия. Это уже не были полинявшая коммунистическая идеология и самоизоляция. Все держалось на трех столпах брежневского «застоя»: 1) андроповский КГБ создал эффективную систему «точечных репрессий» и высылки за границу несогласных, что поддерживало в обществе достаточную атмосферу страха / послушания, притом без массо-

* Травин Д. Я. *Просуществует ли путинская система до 2042 года?* — СПб.: Норма, 2016. — 352 с.

вых репрессий; 2) брежневскому политбюро удавалось поддерживать сравнительно неплохой и стабильный уровень жизни, в том числе за счет впервые потекших в страну обильных нефтедолларов; 3) удавалось сохранять единство советских элит, не допускать конфликтов внутри них. Д. Травин делает общий вывод, что и сегодня, если «путинской политической системе удастся обеспечить эти три условия выживания, то и она сможет, скорее всего, просуществовать до момента полной смены поколения правителей». Хотя в условиях, если экономические трудности затянутся, обеспечить эти три условия будет непросто.

Как можно видеть, схожие факторы способствуют стабильности политического режима и сегодня (путинские умеренные репрессии и запреты, уровень жизни, единство элит). Конечно, в системе есть и риски — например, катастрофические кризисы в промышленных моногородах (наподобие Пикалево), но ни эти локальные кризисы, ни мирные массовые протесты в крупных городах сами по себе не способны привести к смене власти. Только катастрофическое ухудшение жизни в столицах может породить эскалацию по траектории «кризис — протесты — подавление с применением оружия — кризис власти — падение режима». Но этот сценарий остается крайне маловероятным. Как и сценарий верхушечного госпереворота. Для последнего нет ни традиций, ни исполнителей. И самое главное — сохраняющийся исключительно высокий рейтинг Владимира Путина гарантирует его безопасность от путча. Высокий рейтинг президента обеспечивает стабильность не только ему лично, но и всем элитам, и потому последние будут держаться за популярного президента до самого конца.

Дмитрий Травин делает вывод, что в силу всех этих обстоятельств существует высокая вероятность сохранения существующего режима вплоть до кончины самого его создателя и лидера (напомним кстати, что брежневский режим пережил своего вождя еще на 3 года — с 1982 до 1985, когда Михаил Горбачев начал свою радикальную перестройку СССР).

Надо заметить, что книга Д. Травина вышла до неожиданных массовых акций «молодежи» в марте и июне 2017 года. Эти протесты прокатились по призыву Алексея Навального и впервые вывели на улицы десятки тысяч россиян не только в столицах, но и в десятках городов по всей России. Лозунгом обеих массовых акций 26 марта и 12 июня стала борьба с коррупцией в высших эшелонах власти. Эти (во многом неожиданные) акции показали еще одно важное возможное измерение устойчивости и долговечности путинского режима — *моральное*. Выяснилось, что, вполне возможно, сила и долговечность режима не сводится к страху перед монополизированным насилием, стабильности потребления и сплоченности элит. Проблематичная *репутация* режима и его носителей может вдруг выйти на первый план и потрясти государство до его основания. Режим может быть подорван с неожиданной для него стороны — *в плане морали*. основополагающая *легитимность* современного российского государства и российской власти остается в высшей степени непроясненной и ненадежной, и этот фактор заслуживает самого пристального и глубокого изучения.

Роберто Марчелло Бальдессари. Женщина в кресле(посвящение П.Пикассо). 1917

Может статься, что именно ущербная легитимность власти, ее моральная ущербность, может стать причиной обвала в гораздо большей мере, нежели кризисы машины насилия, экономики и элит. Дмитрий Травин справедливо пишет о новом поколении родившихся уже при Путине, что эта «молодежь вряд ли выберет статус-кво. Она захочет перемен — не демократии ради демократии, а такой социальной системы, при которой развивается страна в целом, а не только малые группы, оседлавшие Кремль».

После ухода лидера системы начнется быстрая демократизация России, полагает Дмитрий Травин. Персоналистский режим очень трудно передать по наследству, за несколькими редкими исключениями (Северной Кореи, Сирии, Азербайджана). После ухода Путина в верхушке власти и в регионах начнется грызня, кого-то ототрут от власти полностью. Те, кто удержится на самом верху, будут искать меж собой компромиссы. *«Компромиссы же неизбежно ведут к демократизации»*, заключает автор. Впрочем, это лишь смелая гипотеза — к примеру, переход от сталинской деспотии к хрущевскому «коллективному руководству» вне всяких сомнений смягчил режим, но никакой *демократизации* в нем не появилось. Точно так же может не подтвердиться предположение, что система вряд ли сохранится после ухода Путина, так как «по большому счету она никому, кроме него, не нужна». Ведь могущественные *группы интересов* (армия, ВПК, ФСБ, госкорпорации, высшая бюрократия) никуда не денутся. И их лидеры будут стремиться удержать привилегированный статус-кво, пусть даже в отсутствие персонального символа и гаранта системы. Скорее они будут стараться найти новое персональное воплощение выгодной им системы власти и экономики.

Сегодня российские поколения старше 30 в большей мере настроены на «выживание», нежели на развитие и самореализацию — это обусловлено тем, что их молодость и юность пришлось на те или иные времена лишений и невзгод (1970-е, 1990-е). Но молодежь, выросшая уже в годы сравнительного путинского благополучия, совсем скоро предъявит спрос на иные ценности — ценности самореализации и развития. И соответственно — на другое государство и другой тип лидерства. Через 15–20 лет, подсчитал Д. Травин, таких людей будет примерно половина населения России. Они и изменят страну в направлении большей свободы и рынка. В целом автор смотрит в будущее с оптимизмом, связывая будущие позитивные перемены прежде всего *со сменой поколений*. Но придет это будущее нескоро, потребуются еще годы и годы, если не десятки лет.

Операция по присоединению Крыма в начале 2014 года сама по себе явилась ответом на трудности, с которыми столкнулся режим, в частности, на протесты 2011–2012 годов и на остановку экономического роста уже в 2013 году (до всяких санкций). Если идеология была не особенно нужна для укрепления власти в годы быстрого экономического роста (1999–2008 гг.), то на фоне кризиса экономики государственная идеология стала для Кремля необходимостью. *Основой этой идеологии стали Крым и новое противостояние с Западом*.

В результате усилиями пропаганды возродилась проверенная временем идеология России *как осажденной крепости*. В атмосфере окруженной со всех сторон опасными врагами России для народа стали не так актуальны вопросы кричащего богатства элиты и нищеты народных масс, а Путину — смелому защитнику страны от супостатов — будет намного легче выиграть очередные президентские выборы в 2018 году. Проблема этой идеологии, в основе которой лежат множественные фобии и образы врагов, заключена в ее сугубо негативном характере. На такой основе невозможно строить что-то позитивное, развиваться самим и развивать

страну. По мнению Д. Травина, это своего рода массовый невроз, который немедленно развеется как морок с исчезновением ежедневной пропагандистской накачки населения.

За почти уже 18 лет нахождения у власти Владимир Путин умело переменял три популярных у населения образа. Его первый период — «спаситель Отечества» от угроз распада страны, сепаратизма и терроризма, создатель прочной «вертикали власти», человек, обуздавший олигархов. Второй Путин — крутой мачо, свой парень, при котором не только обеспечена стабильность, но и заметны постоянные рост экономики, доходов и потребления. Даже рационально его поддержка была в ту пору вполне оправдана и объяснима. И, наконец, третий — послекрымский Путин — вновь переоделся в доспехи «спасителя Отечества», защитника страны от многочисленных и опасных врагов, лидера страны, вернувшей себе величие. При этом *«пропаганда отделяет Путина от экономики, превращая его в символ современной России. В нечто безальтернативное»*, что и обеспечивает ему высочайший рейтинг. Такая умелая перемена образов в зависимости от изменения ситуации позволяет ему удерживаться у власти долгое время и сохранять при этом популярность у населения.

В давнем споре между теми, кто уверен, что несвобода и коррупция — порождение извечной русской «колеи», русской культуры, и теми, кто верит в перспективы изменений политики, экономики, общества и самой культуры, Дмитрий Травин определенно на стороне второй точки зрения. Все проблемы России связаны не с пресловутыми и мифическими особенностями народного менталитета. Эти проблемы *«порождены вполне конкретными историческими обстоятельствами. И если уходят в прошлое обстоятельства, то непременно вместе с ними уходят и проблемы»*. В таком рациональном подходе, в рациональном анализе, в последовательном уходе от разного рода мифологии и эзотерики, в сравнительном подходе анализа развития России с другими странами, в опоре исключительно на факты и научные интерпретации — важное научное, прогностическое и гражданское достоинство книги Дмитрия Травина. Она убедительно объясняет, как мы оказались там, где мы находимся, и при этом дает нам рационально обоснованную надежду на лучшее будущее.

Внешняя политика и национальные интересы России

Мэтр советской и российской дипломатии Анатолий Адамишин выпустил великолепную книгу воспоминаний*.

Автор начал работать в советском МИДе в 1957 году при Никите Хрущеве и закончил дипломатическую службу в 1997 году при Борисе Ельцине. Сорок лет на службе российской внешней политики и пройденный путь от референта первого Европейского отдела МИД СССР при Громыко до

* Адамишин А. Л. *В разные годы. Внешнеполитические очерки.* — М.: Изд. «Весь мир», 2016, — 448 с.

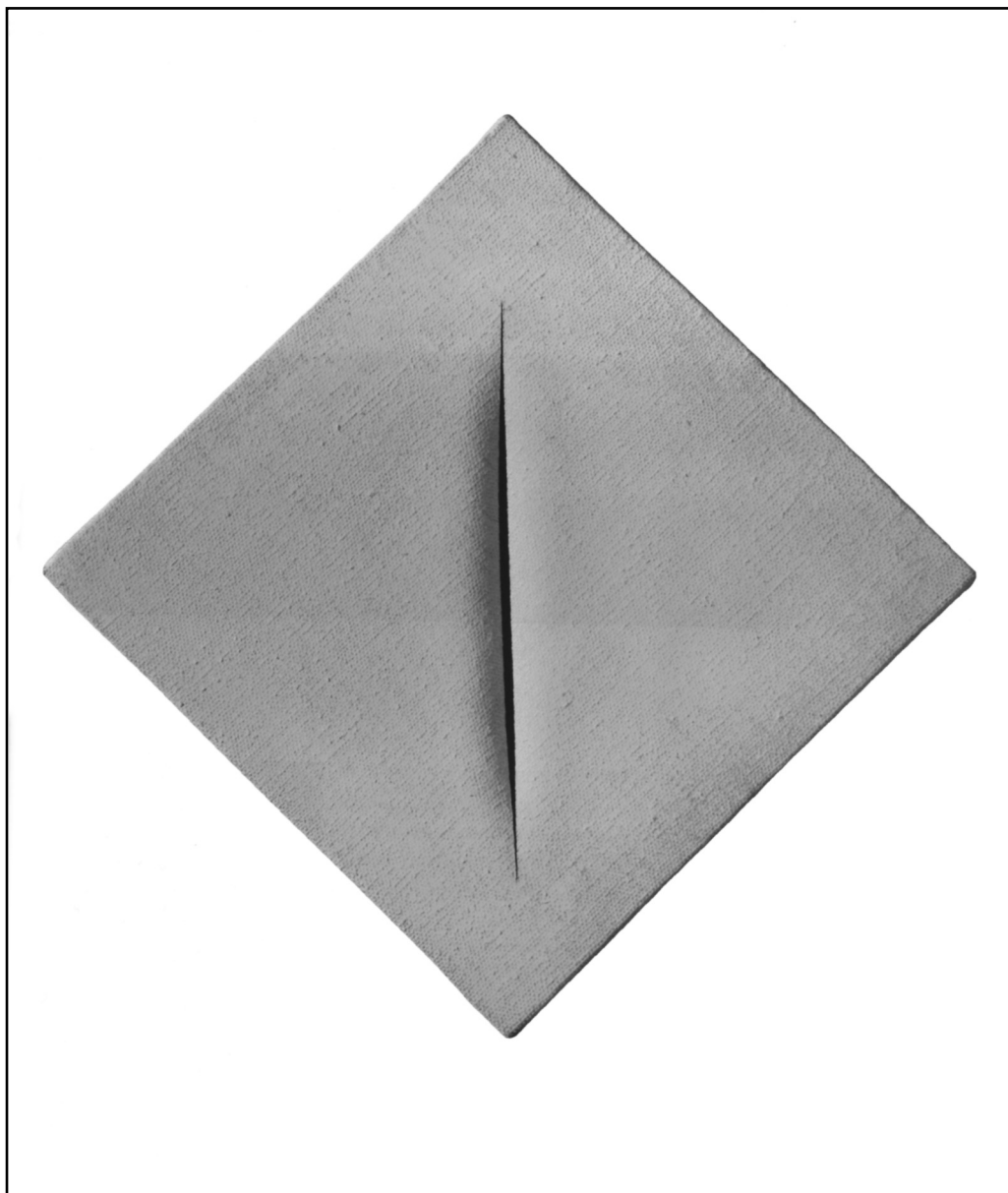
заместителя министра иностранных дел России при Э. Шеварднадзе, посла России в Риме и первого заместителя министра при А. Козыреве и посла России в Лондоне при Е. Примакове. Все эти четыре десятилетия автор находился рядом или сам непосредственно участвовал в выработке и реализации советской и российской внешней политики, а кроме того — внимательно наблюдал за внутренними процессами в стране. Счастливым образом автор не забывал все эти годы вести живые дневники, полные непосредственных впечатлений и разговоров с людьми, что наполняет книгу множеством подлинных и важных деталей, атмосферой тех лет и тем делает ее еще увлекательнее.

«В разные годы» — подведение итогов работы автора на дипломатической ниве и одновременно подведение итогов сорока лет советской-российской внешней политики (с середины 1950-х и до конца века). При этом дипломат совсем не скрывает за дипломатическим языком своей личной позиции. Напротив, личная позиция Анатолия Адамишина по всем обсуждаемым им сюжетам выражена предельно ясно и открыто. Учитывая огромный опыт и глубокое понимание автором российской истории, отечественной внутренней и внешней политики, эти выводы и оценки делаются в высшей степени авторитетными и заслуживают самого серьезного отношения, в том числе и со стороны тех, кто сегодня определяет пути развития России. Ко многим выводам и предостережениям А. Адамишина стоит внимательно прислушаться.

Автор книги не скрывает, что анализ достижений и ошибок прошлого является его основной задачей, и стремится уберечь родину, горячим патриотом которой он является, от повторения таких ошибок. Достоинством книги и аргументов автора является редкое в наши дни качество — сочетание прямо выраженной позиции с предельно объективным, многосторонним, высокопрофессиональным анализом явлений. Автор имеет свою политическую и гражданскую позицию, но при этом он совершенно не ангажирован, его оценки всегда взвешены и сбалансированы. Он подробно аргументирует свои выводы, давая читателю возможность самому проверить прочность его аргументов, как правило, очень высокую.

Например, Леонид Брежнев и его эпоха показаны совсем не тривиально — как время беспросветного застоя и нарастающей конфронтации СССР и Запада. Все было намного интереснее и сложнее. У внешней политики Брежнева-Косыгина были реальные достижения — особенно до болезни генсека, настигшей его в декабре 1974 года. Главное из них — холодная война не переросла в горячую, удалось избежать прямого военного столкновения с США. Фронтовик Брежнев, знавший, что такое война на самом деле, был реально и твердо привержен миру. «*О внешней политике советские люди знали одно — это политика мира*». По мнению А. Черняева, будь на месте Брежнева другой человек, все могло бы кончиться ядерной катастрофой. Важными успехами были Хельсинкский процесс и Заключительный Акт 1975 года, первые соглашения об ограничении и контроле ядерных вооружений.

Лучио Фонтана. *Пространственный предмет*. 1963–1964

Однако в целом внешняя политика СССР была глубоко неадекватной по отношению к интересам и возможностям страны. Росли расходы на вооружения, подрывая уровень жизни и экономику страны. Грубой ошибкой было размещение ракет средней дальности СС-20. СССР сам множил число хронических зон конфликтов по всему миру. Провалом огромного значения стал ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. Спустя много лет это обернулось изгнанием советских войск из Центральной и Восточной Европы — так было настроено общественное мнение в этом регионе. Поддержка «социализма» по всему миру оборачи-

валась громадными затратами: только военных безвозмездных поставок СССР с 1955 по 1981 год осуществил на сумму 68,4 млрд долларов десяткам развивающихся стран, от Анголы до Никарагуа и Чили. Мессианство, соединенное с великодержавием, разоряло страну. Такая внешняя политика подорвала силы страны и стала одной из основных причин краха СССР. Одной из последних губительных авантюр стал ввод войск в Афганистан в декабре 1979 года, решение о котором приняли *всего* 4 человека: Брежнев, Устинов, Андропов и Громыко.

Брежневская элита по всем статьям проиграла соревнование с «империалистами», далеко оторвалась от общества и его интересов, но зато «выиграла гонку со временем: никто из них при жизни из власти не вышел».

Начиная с Ленина и до конца Советской власти, Россия была *не целью, а лишь средством* для достижения идеологических, партийных и глобальных целей. Такое отношение власти к своей стране и народу и привело государство к имперскому перенапряжению и в итоге к полному краху. Первопричиной фатально ошибочного курса советских лидеров А. Адамишин полагает *идеологическую зацикленность* советских коммунистов. Кроме того, пагубную роль сыграл механизм принятия решений: келейность, непрозрачность, отсутствие экспертной подготовки, нетерпимость к иному мнению, страх подчиненных возражать, чтобы не «выпасть из обоймы». Как и вера несменяемых в течение многих лет руководителей в свою непогрешимость, а значит и незаменимость.

Соперничество с США по принципу «и пушки и масло» СССР проиграл. Предпочтение было отдано пушкам, масла все более не хватало. Причины неудачи СССР были заключены в неэффективности экономической и политической систем, но и внешняя политика, вторжение в Прагу и Кабул, гонка вооружений, соперничество с половиной мира внесли свой вклад в крах Советского Союза.

Коренная перестройка СССР не была капризом Горбачева, но исторической необходимостью. Она была вызвана бедственным положением страны в экономике, когда ее рост остановился, продолжительность жизни сократилась, росли дефицит бюджета, импорт продовольствия. В обществе было широко распространено глухое недовольство, напряжение, аморализм (для примера можно посмотреть тяжелый, но правдивый фильм Балабанова «Груз 200» или «Утиную охоту» Вампилова про те годы). Важную роль сыграла личность Михаила Горбачева — гуманиста и идеалиста, поставившего интересы страны и народа выше интересов своих и партии. Он решился на давно назревшие перемены, на что был готов далеко не каждый лидер (Адамишин считает, что после войны таких было только двое — Хрущев и Косыгин). Внешняя политика также требовала коренных перемен, ведь тогда мы были «фактически одни против всех».

Из всех эпох, в которые довелось работать Анатолию Адамишину, именно перестройка Михаила Горбачева получает самую высокую оценку. Достижения внешней политики горбачевского СССР были феноменальными. Всего за 5 лет был положен конец идеологической конфронтации Востока и Запад, из общественного сознания ушел образ врага. Холодная война была прекращена. Была остановлена разорительная гонка вооруже-

ний, началось его беспрецедентное в истории сокращение. От концепции стратегического паритета перешли к принципу разумной достаточности, снизив бремя военных расходов на экономику. Безопасность страны выросла. СССР вышел из кровавой и бессмысленной 9-летней войны в Афганистане. Был урегулирован ряд региональных конфликтов (Ангола, Кампучия, Никарагуа, на Ближнем Востоке). Отношения с Китаем из враждебных стали нормальными и прагматичными. Восстановлены дипотношения с Израилем. Произошло объединение Германии на приемлемых для СССР условиях. Страны Восточной Европы получили свободу выбора. Европа стала континентом сотрудничества и мира. Нормализованы отношения с Югославией. Признание и активная защита прав человека в СССР и мире. Открытие СССР для мира и мира для советских людей. Радикальное уменьшение бремени расходов на поддержку сомнительных «дружеских режимов». Армия и военные расходы были подчинены интересам общества и государства.

Почему же проиграл Горбачев и перестройка? Суть ответа Адамишина — из-за грызни за власть. Элита раскололась, республики повели борьбу с Союзным центром. В борьбе за власть победил Ельцин. «Без России Советский Союз не распался бы» (слова Н. Назарбаева). Кроме того, Советскому Союзу пришлось оплачивать огромные счета за решения, принятые за десятилетия до Горбачева. Сталин и его последователи делали ставку на приобретение и удержание территорий в Европе, в том числе и силой. СССР вкладывал в страны «народных демократий» огромные ресурсы, но его все равно там продолжали ненавидеть.

Как оценить наследие перестройки сегодня, по прошествии 25 лет? Адамишин отвечает однозначно. Если во главу ставить не новую конфронтацию с США и Западом, политическое, а не военное разрешение конфликтов, мирное и последовательное развитие страны, невозврат к реалиям холодной войны, то наследие перестройки имеет для России позитивный характер.

Однако главные заслуги Горбачева и перестройки не в области внешней, а внутренней политики. Горбачевская перестройка «была великая и мужественная попытка вытащить Россию из авторитарной матрицы, восходящей еще к монгольскому игу. ... То была уникальная попытка, ибо ни до ни после никто не предложил стране достойного выхода из наезженной столетиями колеи». Сегодня мы вновь попали в эту колею. Куда она нас заведет? Оптимизма пока не видно. *«Остается ждать перестройки-2 внутри страны и «нового мышления-2» в отношениях с миром. Люди религиозные сказали бы: ждать нового мессии».*

«Словом, отогрелись душой при Горбачеве, теперь опять...»

Внешнюю политику России времен Бориса Ельцина Анатолий Адамишин оценивает гораздо более критически. Страна в результате распада СССР стала меньше и слабее, что не могло не сказаться на ее международном весе. Внятной политики на постсоветском пространстве не было. Часто шли на поводу у американцев, надеясь войти в западный клуб, в который никто принимать не собирался. Но были и достижения, главное из которых — удержались от внешнеполитических авантюр. Продолжилось сокращение

вооружений, еще теплее стали отношения с Китаем, Россия вошла в ряд важных международных организаций, прежде всего — в Совет Европы.

В наши дни все больше признаков, что мы вступаем на старую стезю — конфронтации с Западом, новой гонки вооружений. Что мы все менее застрахованы от келейного, волонтаристского принятия важнейших решений без общественного обсуждения и экспертной проработки. А. Адамишин убежден на этом тревожном фоне, что глубинных противоречий с американцами у нас нет. Скорее, нас раздражает надменный и наглый стиль США, их бесцеремонность и стремление к доминированию. Но в политике нельзя поддаваться эмоциям и вступать в борьбу с соперником заведомо более сильным, если не затронуты коренные интересы, а это случай редкий. Недальновидна и политика раздувания антиамериканской истерии в обществе, когда понадобится договариваться о сотрудничестве, это будет сильно мешать.

Западу вообще крепко достается от Адамишина, который детально знает, как развивались события. Если Рейган был готов мыслить стратегически, искать новую модель мира без разделительных линий и экспансии, то его преемник Джордж Буш-старший поменял американскую политику. Ставка была сделана на экспансию и гегемонию, сохранение и расширение НАТО, широкое применение силы даже без санкции Совбеза ООН, «освоение» Восточной Европы. Это отбросило Россию, в целом дестабилизировало весь мир. *«Это была крупнейшая ошибка Запада»*. Шанс построить новый, более мирный и справедливый мир вместе с Россией был упущен не только нами, но и Западом.

Россия постепенно вернулась на круги своя, но проблема осталась та же: без трансформации в современное государство и ее внешняя политика не будет полноценной и успешной. Весь корень зла здесь — в политическом устройстве страны, именно «государственный строй виноват в отсталости страны». Анатолия Адамишина, свидетеля упадка и краха СССР, поражает, что мы оказались не в состоянии извлечь даже самых очевидных уроков из краха красной сверхдержавы, произошедшего совсем недавно и на наших глазах. *«Казалось бы, опыт Советского Союза должен был выработать иммунитет от таких явлений, как бесконтрольность правящей верхушки и ее несменяемость. В прошлом веке у нас было зафиксировано самое длительное пребывание у власти узкой группы лиц. Известно чем это кончилось. Нынешняя власть уверенно идет на новый рекорд»*. Нельзя не заметить, что Адамишин, как и Травин — оба проводят параллели между сегодняшним днем и эпохой «застоя» Брежнева.

Резюмируя свой громадный 40-летний опыт, Анатолий Адамишин, опираясь на завет князя Горчакова «уделять главное внимание *внутреннему развитию России*» (из письма Александру Второму в ноябре 1865 г.) а также исходя из коренных национальных интересов России, формулирует основные компоненты внешней политики, которая обеспечила бы мирный прогресс и процветание страны:

— всемерное привлечение в Россию капиталов и технологий со всех возможных направлений (замечу от себя, что под режимом санкций сделать это невозможно — В.Р);

- участие во всех форумах для защиты своих интересов, продолжение интеграции в мир;
- осуществление каких-либо действий вовне, только если это не вредит внутреннему развитию, приносит доходы, а не убытки;
- отказ от дорогостоящих имиджевых мероприятий: привлекательность страны не создается саморекламой;
- главные угрозы реалистично искать не вовне, а внутри, в том числе вследствие разъедающей все коррупции;
- обеспечение внешней безопасности главным образом политическими средствами за счет активной дипломатии;
- строительство военной составляющей на принципе разумной достаточности;
- радикальное сокращение ядерных и современных вооружений всеми причастными государствами;
- твердая защита международного права и мирных международных отношений;
- этим задачам подчинена дипломатия, ее главный приоритет — помощь экономике страны;
- избегание втягивания в конфликты, где не затронуты жизненные интересы России, особенно, когда это касается применения ВС России за рубежом.

Эти прагматические и сдержанные принципы заметно отличаются от зачастую сверхэмоциональной и даже истерической внешней политики России последних лет. Они могли бы принести стране немалую пользу. Было бы совсем неплохо, если бы книга А. Адамишина лежала в каждом высоком кабинете и читалась их обладателями, а принципы внешней политики, распечатанные отдельно, висели бы на самом видном месте.

Книга «В разные годы» может быть смело рекомендована всем студентам и ученым, изучающим внешнюю политику, не только как замечательный и детальный рассказ о многих важных международных сюжетах (отдельные главы книги рассказывают о Хельсинкском процессе, Пражской весне, войне в Афганистане, гонке вооружений, конфликтам в Юго-Западной Африке, тематике прав человека, распаде Югославии, кризисе в Таджикистане и др.), но и как важную теоретическую работу о внешней политике, в которой подробный и богатый эмпирический материал в конечном счете приводится к научному синтезу и формулировке важных принципов международных отношений. Книга богата и интересными портретами выдающихся политических деятелей, с которыми довелось встречаться и работать автору.

В свой 81 год Анатолий Адамишин написал не столько мемуары, сколько книгу о достижениях и ошибках, а скорее даже о *системных проблемах* двух государств (СССР и России), служению которым он честно отдал всю свою профессиональную жизнь. Его книга — это не воспоминания ветерана, а деятельный призыв к России постараться избежать роковых повторений ее истории и найти наконец устойчивый и свободный путь к мирному развитию.

Нелегко вообразить, что есть человек, который останется равнодушным, если попросить его поразмышлять о журналистике. Каждый из нас имеет дело с этой профессией. Одни добывают и распространяют информацию, другие ее потребляют. Но как в действительности работает этот донорно-акцепторный механизм?

«Люди манипулируют в той же степени, что и манипулируемы», — говорил французский социолог Пьер Бурдьё, он также считал, что журналистское сообщество посягает на демократию, выступая в роли посредника между интеллектком и массами, навязывает инстинкты толпы, которые разрушают духовную культуру.

Действительно ли журналистов волнуют вопросы, о которых они размышляют в своих комментариях, программах или репортажах? Считают они свою профессию творчеством или ремеслом? Верят ли они в то, что СМИ независимы или журналистика — это пространство специфических интересов, целей, диктуемых извне? Какова мера ответственности журналиста за информацию и насколько уместен вообще этот критерий?

Подумать над ответами мы попросили журналистов — участников семинара, которые включены в профессию, имеют разный опыт, не связаны между собой географически.

Настоящая журналистика

Марина Рощупкина, г. Воронеж:

— Что такое настоящая журналистика? Разве можно делить журналистику на настоящую и ненастоящую? А если человек не является журналистом по профессии, не работает в СМИ, но пишет статьи или снимает видеоролики время от времени, то он кто? Медиа называют четвертой властью, поэтому журналист, наравне с законодательной, исполнительной и судебной властью, несет как минимум моральную ответственность за свою работу. Журналист — это не просто профессия, это зрение, слух, осязание нашего общества! Журналист добывает информацию, адаптирует её для восприятия и передаёт доступными ему методами для окружающих. Кто-то считает, что эта профессия не требует специальных навыков и умений, но мы-то знаем, что это не так. Журналист должен не только сам разбираться в освещаемой им теме, но и уметь донести её до окружающих. Есть мнение, что журналистика — всего лишь машина пропаганды, производящая лю-

бую информацию, предназначенную для широкого распространения по разным каналам. Так что же такое журналистика: творчество или ремесло? Что такое журналистика — призвание единиц или инструмент большинства?.. умирающая форма или профессия будущего? Вопросы, на которые предстоит еще найти ответы.

Оксана Щирба, Украина:

— Знакомство с настоящей журналистикой — это все равно что купание в воде: в одном тихо, спокойно и кругом лилии, в другом — брызги, шум, да еще кто-то и свой автомобиль решил помыть. Есть ли золотая середина? Где настоящая журналистика? Благо, изданий, версий и мнений так много, что если нужно «вот такое, только без крыльев» или «такой, но с перламутровыми пуговицами», то «будем искать»... А можно и вообще: дверь — на засов, на окнах — ставни, кабель — ножом, почтальона с газетой — вон из подъезда... Выбор есть всегда, и

этим грех не воспользоваться. Настоящая журналистика всегда находится между ремеслом и творчеством. Ремеслом потому, что эта профессия связана с достижением результата в формировании общественной мысли в определенном направлении. И в то же время журналистика — это творчество, потому что занятие это требует не только знание предмета, но и владение искусством слова и формы. Современные газета и журнал, радиопрограмма или телепередача — это продукт коллективного творчества, но это противоречит роли таланта, творческой индивидуальности в настоящей журналистике ярких личностей.

Журналистика отнюдь не профессия лентяев, которые не нашли себе другого применения.

Понятие «настоящая журналистика» абстрактное. Журналист — это человек, который распространяет информацию, который отдается своей работе, старается быть ближе к аудитории, он стремится к объективности, но имеет свою позицию. Настоящая журналистика — это в первую очередь правдивая журналистика. И политкорректная журналистика. Но существует ли вообще объективность, учитывая, что журналист не может быть эмоционально нейтральным? Невозможно хорошо писать на темы, которые тебя совсем не интересуют. А если интересуют, то трудно справиться с своими чувствами. И это обязательно повлияет на освещение темы.

Но можно ли говорить про даже самую малую правду, скажем, в 70 % украинских СМИ, принадлежащих олигархам, которые используют их в борьбе за экономическую и политическую власть?

Давайте представим идеальную картинку. Корреспонденту «разрешили» рассказать правду, а оператору снять про жизнь людей в Донбассе. Одних спрашивают: «Как вам сейчас здесь живется?». Они в ответ: «Все нормально, ничего страшно-

го, что нет воды и света — во время Великой Отечественной войны и еды тоже не было». А спроси других, они скажут, что без горячей ванны после работы вообще жизни нет. А по ТВ покажут то, что решил редактор, а редактор выберет то, что ему руководство канала / газеты указало и т.д. Выходит, что у каждого своя правда.

В любом случае, настоящая журналистика — это занятие больших профессионалов своего дела. Ведь мы, журналисты, должны работать для всех сограждан. В том числе и для своего профессионального утверждения. И единственный критерий, который для меня важен, — мое внутреннее ощущение важности темы. Мне нравится, если у меня возникнет потребность вмешаться и повлиять на события, я буду это делать, а если нет — не буду. Пожалуй, соблюдение такого критерия и открывает путь к настоящей журналистике.

Ирина Левина, г. Оренбург:

— Когда говорят «настоящие журналисты», то, судя по всему, подразумевается, что есть «ненастоящие». А как это — ненастоящие? Как искусственные фрукты на столе дешевого кафе? Или как декорации на театральной сцене? А главное, всегда ли «ненастоящее» плохо или иногда это все же полезная необходимость? Вот когда мы зимой ставим дома на Новый год искусственную «ненастоящую» елку, что же тут плохого?

Наличие «ненастоящих» журналистов в огромном рое наших СМИ, на первый взгляд, не выглядит большой проблемой. Однако, если применить к их работе врачебный принцип «не навреди», становятся очевидными все риски «ненастоящей» журналистики. Той, что способна друзей сделать врагами, посеять гнев и раздор; журналистики, убивающей истину.

Жан Дюбюффе. Синий элемент III. 1967

Светлана Чугунова, г. Белгород:

— Мне хотелось бы поразмышлять о сухом и неинтересном слове «стандарты». Удивительно, насколько всеобъемлющим стало это понятие, о чем бы мы ни пытались рассуждать. Из специфического, преимущественно технического термина, означающего чётко определённые требования в работе над тем или иным продуктом/решением, стандарты перекечевали в сферу гуманитарную, социальную, духовную. Почему это произошло? На мой взгляд, потому, что в нашей жизни свобода выбора все более подавляет свободу внутреннюю, свобо-

ду не только как право, но и как обязанность. Не напрасно же говорят, что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. А стандарты — это теперь некая договорённость соблюдения правил: в работе, в общении, в личностном развитии. Стандарты поведения, стандарты управления, стандарты ведения бизнеса, стандарты оценки того или иного явления. Стандарты становятся гарантом соблюдения правил, они и сами по себе правила, но те, которые соблюдать необходимо, потому что так договорились. Стандарты в работе — наиболее необходимая их форма. Именно они помогают переда-

вать накопленный опыт без потерь, неизбежных при коммуникации. Но они же фиксируют и накопленные в процессе опыта ошибки, которые значительно труднее изжить в силу их инерционности. Ведь если вы видите, что предлагаемые вам стандарты требуют изменений, далеко не всегда будет позволено пошатнуть их авторитет. И здесь очень важно сделать так, чтобы силой вашего профессионализма и компетенции обветшавшие стандарты были дополнены и развиты, а то и вовсе заменены, чтобы не сохранять ошибки предшествующего опыта в «замороженном» виде. Что же становится главными условиями формирования стандарта? Потребность в нем общества в качестве регулятора социальной жизни. Накопленный позитивный опыт применения. Личная компетенция. Если эти условия сошлись, то стандарт в том числе, разумеется, и в журналистике, станет залогом вашей профессиональной свободы, а не прокрустовым ложем, сковывающим движение к совершенству и высоким достижениям.

Александр Полозов, г. Екатеринбург:

— Объективность, беспристрастность, ответственность. Что будет с основополагающими принципами журналистики в будущем под натиском вызовов, которые трансформируют государство, общество, повседневную жизнь людей? То, что ИТ-технологии делают в сфере сбора, анализа и распространения информации, понастоящему радует и в то же время пугает. Останется ли в новом мире такая работа, которую не сделал бы робот? Останется ли журналистика сферой, в которой человек не уступит в информационном пространстве роботу? Сохранится ли роль трех названных принципов в новом мире журналистов-роботов? А может опасения преувеличены, и вместо

фантастически умных машин, которые вытеснят людей из многих сфер, мир будут населять люди-киборги? Они станут чем-то вроде биомашин и до конца дней своих будут совершать автоапгрейд знаний и навыков, и через вживленные чипы лучше соблюдать запрограммированные принципы объективности, беспристрастности, ответственности.

Олег Деренюга, г. Николаев:

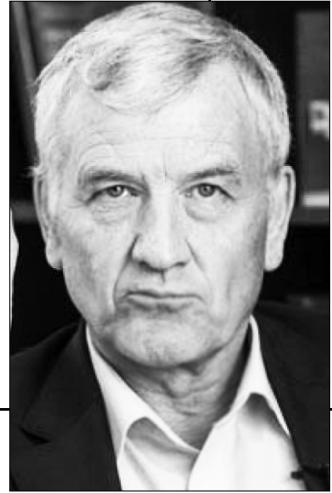
— Настоящая журналистика — это бесконечный тупик, о ее существовании все знают, но как не всякий может выдержать упавшее на него богатство, так далеко не все способны удержаться от манящего соблазна. Кто-то живет фантазиями о стандартах, кто-то реализует эти фантазии, порой за фантастические деньги, а ведь секрет настоящей журналистики прост: писать так, как говорят люди. Только каких людей эти журналисты слушают?

Елизавета Сурганова, Москва:

— Что такое настоящая журналистика? Настоящая журналистика дает читателю объективную информацию, по меньшей мере, предоставляя две точки зрения. Она говорит об общественно значимых процессах и событиях. Настоящий журналист несет ответственность перед читателем и не вводит его сознательно в заблуждение. Настоящая журналистика не в меньшей степени ответственна за формирование общественного и гражданского самосознания, нравственности, чем образование, культура и воспитание. Наконец, в отличие от пропагандиста, который препарирует информацию под нужный ему формат, журналист показывает правду, как она есть. Ни рейтинги, ни политика, ни слава, а правда — вот моральный ориентир настоящего журналиста.

Участник списка Forbes, эксперт Школы гражданского просвещения, предприниматель Сергей Петров — о том, как он заработал первоначальный капитал на автопрокате, как выбрал название для компании и о людях, которые помогли ему построить бизнес.

Я не хотел, чтобы мою компанию постигла участь СССР

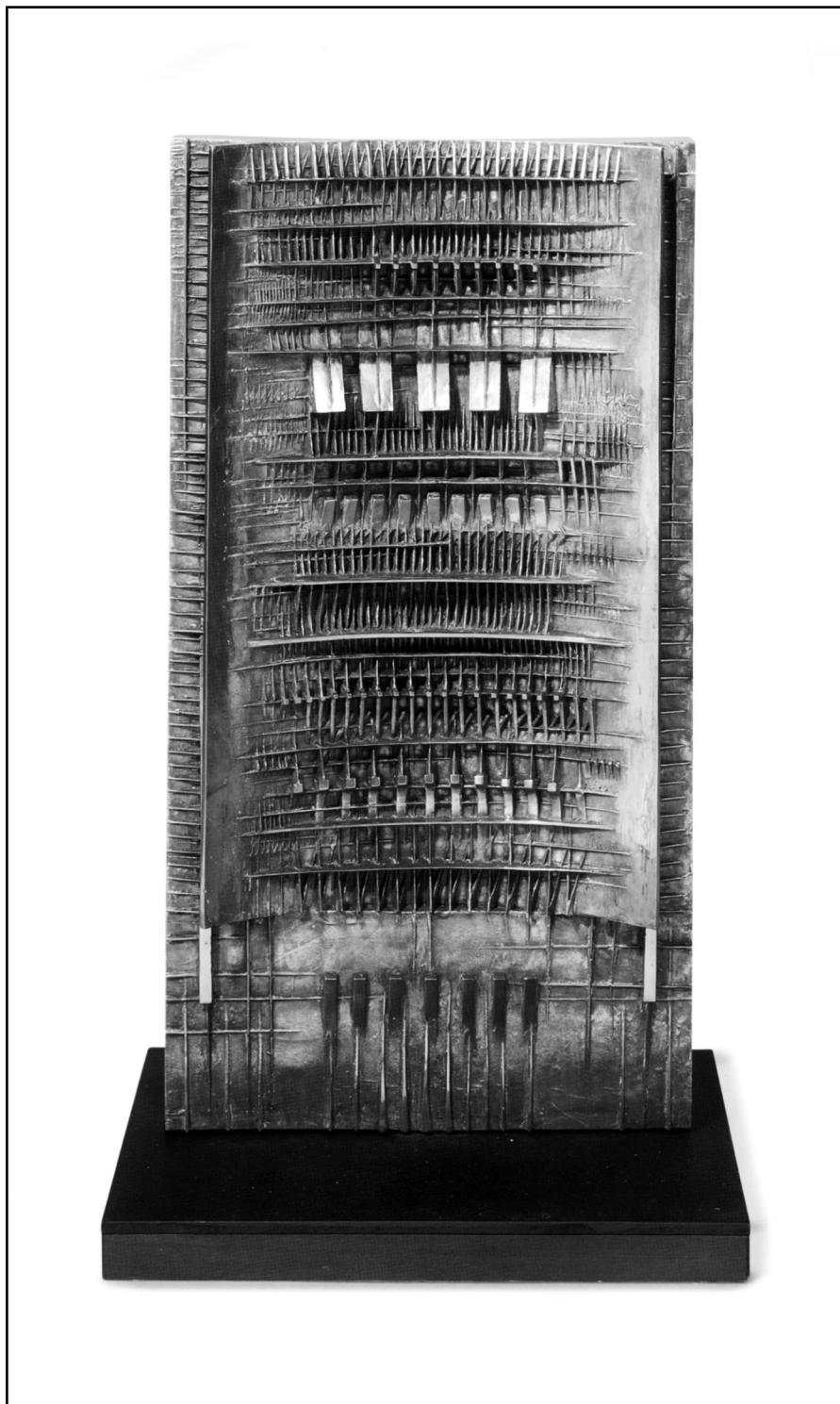
*Сергей Петров
основатель группы компаний
РОЛЬФ*

Восьмидесятые я ездил на рыжем «Запорожце» по прозвищу Боб. Потом сменил его на «Волгу», доставшуюся от отца. Немножко мечтал о «Вольво». Однако сами по себе машины меня особенно не волновали. Я понимал: чтобы добиться успеха в торговле, нужно получить товар, который все хотят купить. А в начале девяностых все хотели купить иномарку. Но далеко не все могли.

Первым моим бизнесом был автомобильный прокат под названием «Розек». Сложно заниматься автопрокатом, не имея машин. Примерно так же, как парикмахеру обходиться без расчески и ножниц. А у нас поначалу ничего не было. Для многих это, наверное, стало бы непреодолимым препятствием. Но у нас уже был кое-какой опыт и мы знали, где можно взять машины.

Мы стали брать их у наших же конкурентов. К счастью, тогда их появилось немало. Они сдавали нам автомобили по шестьдесят долларов в день, а мы возили клиентов за шесть долларов в час. Но ведь машину не загрузишь на все двадцать четыре часа и ее еще нужно мыть, ремонтировать, доставлять к месту посадки. Да и заказы поступали неравномерно. Однако схема позволяла создать денежный поток — при наличии большого желания трудиться день и ночь. А у нас этого желания было хоть отбавляй.

Десяток полученных таким образом автомобилей позволил «Розеку» заработать первые деньги. На них мы купили немного не слишком шикарных машин, среди которых оказалось даже несколько «Жигулей». Мы выяснили, что не все иностранцы такие уж требовательные: некоторые соглашались ездить и на продукции

Арнальдо Помодоро. Дверь Европы. 1979

советского автопрома — возможно, в качестве своеобразного этнографического эксперимента.

Один японец взял «Жигули» в долгосрочную аренду, но управлять этой консервной банкой так и не смог. Всю зиму машина простояла у него во дворе, превратившись в большой сугроб. Японец исправно платил за прокат. К тому моменту, когда снег растаял, мы окупили все свои вложения в этот автомобиль.

* * *

Еще работая в «Розека», я стал готовить свой уход и регистрировать фирму. Как ее назвать? Это мне казалось не самым важным вопросом на свете. Подобрать варианты я поручил Светлане Михальченко, одной из наших сотрудниц. Она взяла словарь иностранных имен, отправилась в садик у нас во дворе, села на скамеечку и вернулась с десятком вариантов. Я остановилась на «Рольфе» и «Кельвине». Показалось, хорошо звучит. Фирмы под такими названиями мы и зарегистрировали. Через «Кельвин» мы контролировали «Рольф», который вел операционную деятельность. Эта схема позволяла мне привлекать в бизнес других акционеров, сохраняя полный контроль над предприятием: я следил за тем, чтобы доля «Кельвина» в «Рольфе» всегда оставалась контрольной, так же как и моя доля в «Кельвине».

После «Розека» я понял, что дрязги среди учредителей могут поставить крест на самом преуспевающем деле. Но вытянуть бизнес в одиночку я не мог. Чтобы сэкономить на зарплатах, я мотивировал людей, раздавая доли в бизнесе тем, кто мог нам чем-то помочь — деньгами, ресурсами или мозгами. Схема с «Кельвином» позволяла мне при этом держать все в своих руках. Еще одним соучредителем «Рольфа» выступила азиатская фирма, зарегистрированная для нас знакомым студентом. Она никакой деятельности не вела, но позволила компании получить статус совместного предприятия, который в те времена давал множество преимуществ. Главное заключалось в том, что на машины, приписанные к совместному предприятию, мы могли ставить блатные — желтые — номера. С ними мы в глазах иностранцев могли выглядеть вполне солидной прокатной фирмой.

* * *

После объявления о намерении создать новую фирму менеджер Андрей Артюшин взял листок бумаги и стал ходить по офису, составляя список будущих сотрудников нашей компании. Сверху на листке он написал: «Кого мы берем в светлое будущее».

У меня не было ничего. За два года работы начальником проката я скопил \$15 000. Их едва хватило бы на приобретение двух-трех скромных автомобилей. А у «Розека» в то же время было все. Двести дорогих машин, контракты с западными фирмами, солидные учредители, сложившаяся репутация. Несмотря на это, не так-то много людей верили в будущее «Розека», и желающих уйти с нами оказалось намного больше, чем мы могли взять.

* * *

Нам повезло: услугами нашего проката пользовались сотрудники «Мицубиши», и мы узнали, что они ищут компанию, которая могла бы стать в Москве дилером их легковых автомобилей. Прежде «Мицубиши» поставляла в СССР только строительную технику вроде бульдозеров и экскаваторов, но после перестройки интерес к нашему рынку у компании, как и у других японцев, стал расти.

В 1990 году в Москве прошла первая крупная выставка японской автомобильной промышленности, в которой приняли участие почти сто автокомпаний — весь японский автопром. Советские граждане впервые могли посмотреть на японские машины, а японские промышленники — на советских граждан. После выставки «Мицубиши» решила идти на наш рынок.

Помимо нас в тендере японцев участвовали еще две компании — IWAK и «Автотехсервис». Первая торговала подержанными «Жигулями» в Южном порту, причем имела уже довольно крупный бизнес, а вторая еще с советских времен занималась сервисным обслуживанием отечественных легковушек. При этом в альянсе с «Автотехсервисом» выступала госпожа Хульман из Австрии, а она обещала решить все проблемы при импорте машин (поставлять их планировали как раз из Европы). На их фоне «Рольф» явно проигрывал.

Переговоры начались, еще когда наша команда сидела в «Розеке», и тянулись месяцами. Наконец, чтобы принять решение, летом 1991 года в Москву прилетел Хироси Ниномия — человек, мягко говоря, неординарный. Он умудрился пройти путь от футболиста, тренера и менеджера футбольного клуба до главы «Мицубиши моторс». Ниномию сопровождал Хироси Харунари, вице-президент европейского торгового дома «Мицубиши», через который планировалось осуществлять поставки.

Российский офис «Мицубиши», как я говорил, пользовался услугами нашего проката, и там знали, что мы можем хорошо работать. Поэтому местные менеджеры продвигали нас. Однако на делегацию это произвело обратный эффект. Ниномия предостерег коллег от поспешных выводов.

Когда пришел мой черед рассказать о «Рольфе», я не стал пускать высокопоставленным японцам пыль в глаза. Смысл моего короткого спича был незамысловат: «Презентовать мне нечего. Мы ничего не понимаем в торговле автомобилями. У нас ничего, по сути, нет. Но мы готовы работать — и хотим учиться у вас делать бизнес. Научите нас, пожалуйста».

Когда стремишься получить выгодный контракт, хочется показать себя с лучшей стороны. Это как будто естественно. Но я считал, что самое важное в жизни — говорить себе и окружающим правду. Без этого ничего не получится: считая себя лучше, чем ты есть, ты делаешь свои действия бессмысленными, потому что исходишь из неверной предпосылки. Ведь если ты считаешь, что у тебя все прекрасно, как ты сможешь исправить ошибки и стать лучше? Эффективная экономика всегда начинается с правды, которую надо сказать, прежде всего, себе, а потом и окружающим.

Советский Союз стоял на лжи — поэтому и рухнул. Мне не хотелось, чтобы мою компанию постигла та же участь. Поэтому я и сказал правду. Никто из наших соотечественников, зубривших марксизм-ленинизм, не понимал, как надо делать бизнес. И я в том числе. В нашем положении бессмысленно надувать щеки. Эта моя честность, кажется, и решила исход дела.

Госпожа Хульман произвела на японцев сильное впечатление. Им вообще трудно даются переговоры с женщинами, особенно если эта женщина — эффектная блондинка, чем-то напоминающая Мэрил Стрип. Но, как они сами потом рассказывали, все испортил ее партнер по альянсу. Он полчаса учил представителей концерна, торгующего автомобилями «Мицубиши» по всему миру, как им в России продавать машины.

* * *

Найдя помещение для сервиса, мы стали искать оборудование — подъемники, инструменты, электронику. И тогда я обратился за помощью к Карлу Шофелю, австрийскому поставщику, у которого прежде мы закупили оборудование для «Розека».

С Шофелем мы познакомились, когда нас с Артюшиным отправили на «приемку оборудования». В этой «приемке» я не видел никакого смысла, но советским номенклатурщикам она давала возможность за счет конторы кататься за границу. Узнав об этой идиотской практике, я тут же ее отменил, попросив австрийцев в следующий раз просто снизить для «Розека» отпускные цены — на ту сумму, которую они обычно тратили на прием гостей. Но один раз нам с Артюшиным съездить все-таки пришлось: австрийцы уже оплатили билеты, и вернуть их мы не могли.

Поездка получилась по-настоящему судьбоносной. Во многом потому, что я решил извлечь из нее максимум пользы. Попросил организовать нам вместо привычной экскурсии по магазинам и кабакам хорошую деловую программу, чтобы мы посмотрели, как устроена западная фирма: как работает маркетинг, продажи, сервис, бухгалтерия, операционно-учетный офис. Австрийцы удивились, но возражать не стали.

Совсем без магазинов, правда, не обошлось. Карл Шофель встретил нас в аэропорту и первым делом повез в торговый центр, где купил нам костюмы и дезодоранты. Должно быть, в своих советских пиджаках выглядели мы тогда не лучшим образом. И пахло от нас после самолета не слишком по-европейски. Сам провожатый был одет с иголочки и выглядел весьма rispetабельно. Когда он позже приехал в Москву, наших сотрудников поразил его маникюр. Для советских людей мужчина с маникюром выглядел как инопланетянин.

Шофелю, думаю, понравился мой подход. К тому же тогда в Европе люди с восторгом смотрели на русских, только что сбросивших коммунистическое иго. Карл, мужчина уже не молодой, прошедший войну (разумеется, на стороне противника), отнесся к нам по-отечески, взял нас под свою опеку и действительно показал нам все, что мог. Мы мешали всем работать и своими расспросами всех достали. «Забери этих надоедливых русских!» — просили коллеги Шофеля. Но все же старались нам помочь.

Роберт Раушенберг. Древо жизни. 1981

Так состоялось мое первое знакомство с настоящим западным бизнесом. Я совершил небольшие, но важные открытия: впервые увидел, что в офисе стоит кулер с водой, а вместо одного телефонного аппарата — многоканальная станция, которая позволяет переводить звонки на разные аппараты. Разумеется, вернувшись в Москву, я тут же распорядился заказать нам такую же.

Шофель учил нас не только организации бизнеса, но и банальной деловой культуре. Пригласил нас как-то в два часа на домашний обед в кругу своей семьи. Мы задержались и пришли к трем, предполагая, что гостей по русской традиции подождут. Подоспели ровно в тот момент, когда семья Шофеля убирала грязную посуду со стола.

Потом мы встречались иногда в Москве — он приезжал, чтобы принять участие в выставках. И когда я рассказал Карлу, что открываю свое дело и мне нужно оборудование, он ответил, что даст мне его в кредит, если только я внесу хоть какую-то сумму. И я отдал ему все свои сбережения — пятнадцать тысяч долларов, которые думал потратить на новую квартиру. Тогда у нас как раз родился второй сын и еще одна комната семье не помешала бы.

Я пожертвовал комнатой. Как и положено новичку-предпринимателю, рискнул всеми своими накоплениями. Но Шофель рисковал, возможно, еще больше. Будучи директором по экспортным операциям в австрийской фирме, он одобрил нам поставку почти на триста тысяч долларов. Если бы мы его подвели и деньги не вернули, его могли и уволить, причем с большим скандалом. Но мы не подвели.

Некоторым людям все мешают. Правительство постоянно ставит палки в колеса. Конкуренты строят козни. Собственные сотрудники саботируют работу и растаскивают собственность. И даже соседи начинают шуметь ровно в тот момент, когда после тяжелого трудового дня хочется прилечь и вздремнуть.

У меня в первые месяцы создания «Рольфа», напротив, возникло чувство, что все мне очень хотят помочь — сотрудники, партнеры, поставщики. Никому не хочется связываться с неудачниками. Мой успех как будто сам притягивал к себе новый успех. Все хотели стать соучастниками нашего дела. Помогать нам стремились даже люди вроде Карла Шофеля, которые, казалось, не имели никаких на то оснований.

* * *

«Чем помочь?» — спросил Харунари после того, как мы ударили по рукам. И я честно описал ему нашу ситуацию, ничего не утаивая. Кто-то считает, что нельзя рассказывать партнерам о своих трудностях, а то они просто-напросто разбегутся. Но в цивилизованном мире часто происходит наоборот. Раскрывая карты, ты приобретаешь доверие. А доверие — это актив, который стоит дорого, хотя его и не включишь в баланс.

Чтобы построить дилерский центр, нам требовался капитал. Дать нам денег Харунари не мог — японская бюрократия крайне неповоротлива. Но к тому моменту он уже настолько нам доверял, что выделил «Рольфу» сорок автомобилей «Лансер», чтобы мы сами себе заработали на жизнь.

Советский Союз только что рухнул. «Рольф» зарегистрировали 5 августа 1991 года, а спустя две недели в стране произошел путч. Несмотря на это, мы получили дилерство «Мицубиши» уже в начале 1992-го, хотя никто точно не знал, что будет. Экономика перерождалась. Старые законы уже не действовали, новых еще не придумали. Наше маленькое и смелое предприятие могло в любой момент исчезнуть в водовороте событий. Но мы получили от Харунари машины в кредит, без предоплаты и залога. Как прежде практически без залога получили от Шофеля оборудование для сервиса. Почему-то люди нам доверяли.

Вклад Харунари в развитие «Рольфа» не ограничился этими сорока автомобилями. На многие годы он стал для меня наставником и учителем. По сути, он дал мне образование, которое я никогда бы не смог получить даже на лучших курсах МВА в самых престижных университетах мира. Ведь его советы всегда были к месту. Он давал мне именно те знания, которые могли позволить «Рольфу» решать те проблемы, с которыми мы сталкивались на практике. Как только я выполнял свою «домашнюю работу», он давал новые «задачи».

Приезжая в Москву, Харунари-сан всегда находил время, чтобы встретиться и прочитать мне импровизированную лекцию о том, как решать какую-то проблему. Как и положено японцу, он обладал поразительной невозмутимостью. Мы могли не видеться с ним полгода, и при встрече он начинал разговор ровно с того места, на котором мы остановились, как будто мы расстались не несколько месяцев назад, а накануне.

Харунари работал с дилерами по всей Европе. Он связывал меня с теми, чей опыт мог оказаться полезным. Мы не вылезали из командировок, изучая лучшие практики. С человеком со стороны никто в Европе не стал бы возиться так, как нянчились со мной. Но рекомендация Харунари открывала перед нами все двери.

Как все японцы, Харунари-сан редко проявлял эмоции. Но я всегда чувствовал его расположение ко мне. Думаю, оно основывалось не только на личной симпатии или перспективах партнерства, которые ему рисовались в будущем, но и на том, что я по-настоящему хотел у него учиться.

Многие люди упускают в жизни множество возможностей, не желая учиться и стараясь показать себя умнее всех. Русские коммерсанты особенно подвержены этой болезни. Предприниматели вообще люди гордые. Чтобы начать свое дело, нужно обладать определенной уверенностью в себе, способностью двигаться наперекор потоку, но гордость часто переходит в провинциальную заносчивость. Особенно когда деньги шальные, не заработанные. Перепродав за углом селедку на два рубля дороже, вы заработаете какую-то прибыль. Но это не значит, что у вас будет бизнес. Можно заработать и не создать дела — и наоборот. Как ни странно, получение дохода и построение устойчивой процветающей компании зачастую задачи прямо противоположные.

В начале девяностых в России многие люди этого не понимали. Я, может, тоже многого тогда не понимал. Но меня подстегивало другое. Советский Союз только рухнул вместе с его бесчеловечной экономикой. Как мне тогда казалось, у страны появился шанс построить новое, лучшее, обще-

ство. И я хотел внести свой вклад в этот новый мир, создав компанию, благополучие которой строилось бы на передовом менеджменте. Я хотел построить компанию, которая могла бы процветать десятилетия.

* * *

Многие люди до сих пор считают, что во всем виноваты Чубайс и Гайдар. В этом уверен каждый второй российский работяга. Ведь эти «вредители» и «враги народа» затеяли проклятую ваучерную приватизацию, в результате которой народное добро оказалось в руках кучки мошенников.

В действительности после краха СССР никто не смог бы остановить неизбежную приватизацию. Она и так шла на всех парах и без всяких там ваучеров. В этом я имел возможность убедиться на собственном опыте.

В начале девяностых ремонт автомобиля становился настоящим приключением, особенно если речь шла об иномарке: нормальный автосервис надо было еще поискать. Чтобы полноценно работать, нам предстояло самим ремонтировать машины, а для этого хотя бы найти помещение для собственного сервиса.

Все здания тогда принадлежали государству и его многочисленным учреждениям. Проблемы с недвижимостью в то время решались только одним способом — поиском лояльного чиновника. И я предложил войти в наш бизнес Владимиру Блохину, директору автобазы Госкино, у которой «Розек» прежде арендовал площади. Его контора владела множеством стоянок и гаражей, которые часто пустовали. Блохин видел, как мы работаем, и недолго думая согласился.

Автобаза передала часть своих гаражей в собственность «Рольфу», а за это получила миноритарную долю в нашей фирме. В обмен на неликвидный актив госпредприятие получило акции в прибыльном бизнесе. Но при этом небольшая доля в «Рольфе» не давала ему почти никаких прав по контролю за этим активом. Фактически я получил нужные площади в полное распоряжение.

Чтобы повернуть эту операцию, нам пришлось получать одобрение начальства Блохина в Госкино. Сделать это оказалось не слишком сложно — мы подарили чиновнику Госкино белую «Тойоту», которую он, впрочем, записал на свою жену. Подписав бумаги, я тогда подумал: а ведь точно таким же образом сейчас можно передавать в частную собственность не заброшенные и никому не нужные гаражи, а все что угодно — хоть особняки на Остоженке, хоть нефтяные вышки в Уренгое.

И пока я это думал, другие люди этим как раз и занимались. Гайдар с Чубайсом лишь попытались хоть как-то упорядочить этот процесс.

CONTENTS

25 YEARS OF SCHOOL

- A Community That Values Individuality
Svetlana Shmeleva 5

SEMINAR

- Paradoxes of Russia's Social Arrangement
Lev Gudkov 8
- The Truth in Russia and in the World
Maxim Trudolyubov 26

THEME OF THE ISSUE

- Democracy: Challenges and Censors (heritage of A. Salmin)
Vladimir Ryzhkov 33
- Russia Between Traditionalism and Modernization
Alexei Makarkin 46

CHALLENGES AND THREATS

- Europe – Quo Vadis?
Thorsten Beck and Geoffrey Underhill 57
- Political Economy of Reforms:
 Lessons for the EU from Postcommunist Transition
Sergei Guriev 64
- From Faith in Salvation to Trust
Yury Senokosov 69

CIVIL SOCIETY

- Constructing Civic Identity in An Educational System
Galina Denisova 78

A VIEWPOINT

- Freedom and Security – A Russian Dilemma
Andrei Soldatov, Irina Borogan 86
- Helsinki Accords
Yury Slin'ko 98
- Why Boarding Schools Produce Bad Leaders?
Nick Duffel 106

HISTORY TEACHES

- Karl Marx: A Man Who Invented The Locomotive of History
Andrei Zakharov 111

HORIZONS OF UNDERSTANDING

War and Revolution. 1917 in Russia and The Global Politics	
<i>Vassily Zharkov</i>	128
Pope Francis:	
The danger is that in times of crisis we look for a saviour	136

BOOKS

“From bad to worse”. The Russian Empire on the Eve of Collapse	
<i>Andrei Zakharov</i>	152
Counterpoint	
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	154

NOTA BENE

True Journalism	165
I Did Not Want My Company to End Like The USSR	
<i>Serguei Petrov</i>	169

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Наши авторы:

Мигель Бельтран

Сергей Большаков

Матьяш Груден

Василий Жарков

Андрей Захаров

Вадим Ключвант

Шелби Коффи

Катрин Лалюмьер

Стефан Мелле

Эдис Мерджанович

Анатолий Михайлов

Калипсо Николаидис

Еспер Роин

Владимир Рыжков

Фредерик Эриксон

Подписано в печать 20.10.2017.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 11,25.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

123001 Москва,

Ермолаевский пер., д. 7

<http://www.civiceducation.ru>

ISBN 978-5-93895-114-3